ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XXXVI.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1807.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

НОЯБРЬ, 1807.

№ 21.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

ЭТНА,

или о Счастіи человѣческомъ.

Мальтійскій Кавалеръ Баварскаго языка Графъ С* *, бывъ отправленъ за дѣлами государственными въ Валетту, вознамѣрился путешествіе сіе употребить для своей пользы и удовольствія, и обозрѣлъ всѣ главнѣйшія достопамятности въ Италіи и Сициліи. Поденная записка путешествія, которую онъ прислалъ въ Минхенъ къ пріятелю своему Барону Т* *, содержитъ въ себѣ точныя замѣчанія о многихъ еще неописанныхъ произведеніяхъ натуры и искуства, также разбросанныя разсужденія, большею частію философическія. Мнѣ дозволено напечатать слѣдующее мѣсто, взятое изъ одного письма, писаннаго въ Катаніи.

„ Изъ Николоси предлежалъ намъ путь, очень трудный и непріятный, по широкой полосѣ безплодной лавы. Въ дали по сторонамъ видны были цвѣтущія долины, и холмы зеленью увѣнчанные; но мы неспособны были наслаждаться ими: природа изнемогала отъ мучительнаго зною, неумѣряемаго никакими благоуханіями растеній, ни на минуту неохлаждаемаго благодѣтельною тѣнью дерева. Наконецъ, уже приближившись къ лѣсистому вѣнцу *Этны*, мы начали чувствовать прохладное вѣяніе легкихъ вѣтерковъ, приносившихъ къ намъ оживляющій запахъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ спѣшили мы войти въ пріятную тѣнь, которая насъ манила къ себѣ своею благосклонностію! Обыкновенно въ ожиданіи болѣе сладости, нежели въ самомъ исполненіи; продолжительное ощущеніе потребности увеличиваетъ цѣну желаемаго блага: но здѣсь, любезной другъ, съ нами было совсемъ иначе. Мы очутились не въ землѣ Жуана Фердинандеца, которая послѣ неизмѣримыхъ пустынь Океана показалась раемъ, — нѣтъ, мы очутились дѣйствительно въ саду Едемскомъ.“

„ Сей прелестный Едемъ, съ роскошными своими деревьями, на вѣтвяхъ коихъ вездѣ прыгаютъ голосистыя птички, сей Едемъ съ многообразными цвѣтами своими

и бальзамическими растенїями, на какой пошвѣ, думаете вы, насажденъ рукою природы? на охладѣвшей лавѣ, которая нѣкогда, во времена глубокой древности, распространяла ужасъ и опустошенїе, и которая нынѣ послѣ многихъ столѣтїй сдѣлалась плодоноснѣйшею пошвою на всемъ пространствѣ земнаго шара. Сїе превращенїе огненнаго потока въ райское обиталище не можетъ ли служить освященнымъ подобїемъ того употребленїя, которое рано или поздно дѣлаетъ изъ зла воля всеблагаго Провидѣнїя; равно какъ воскресающїй изъ гроба мотылекъ сталъ прообразованїемъ безсмертїя души человѣческой?"

„Отъ обыкновеннаго мѣста ночлега, до котораго мы достигли, еще было далеко до жерла *Этны*; не смотря на то, намъ не возможно было преодолѣть желанїя своего сойти съ лошаковъ и отдохнуть на коврѣ пестро-зеленомъ. Вино, которымъ запаслись мы, утолило жажду; всѣ чувства наши сдѣлались бодрѣе и крѣпче; словоохотность и смѣхъ, которые повидимому совсѣмъ было оставили насъ, опять возвратились къ намъ вмѣстѣ съ бодростїю; при великолѣпномъ зрѣлищѣ роскошной природы мы наслаждались такимъ счастїемъ, какое вкушалъ человѣкъ во дни первобытной своей невинности. И въ самомъ дѣлѣ наше путешествїе было невин-

ное, даже, смѣло скажу, благочестивое: оно по многимъ отношеніямъ уподоблялось путешествію ко святымъ мѣстамъ, предпринятому не по суевѣрному желанію освободиться отъ грѣховъ, которые только честнымъ поведеніемъ очищаются; но чтобы взглянуть на необозримую, несказанно великолѣпную картину, и удивляться всеблагому Творцу въ Его твореніяхъ.

„Скоро, и не жалѣя, мы оставили мѣсто отдыха, сколь ни было оно прелестно. Какъ будто условившись, всѣ мы закричали въ одинъ голосъ: далѣе! далѣе! И сіе *далѣе* повторялось до тѣхъ поръ, пока не достигли до самой вершины. Ожиданіе часъ отъ часу прекраснѣйшихъ явленій, которыми воображеніе было наполнено, принуждало насъ оставлять скоро прекрасныя мѣстоположенія; самыя прелестныя картины не задерживали насъ долѣе нѣсколькихъ минутъ. — Наконецъ мы приближились къ лощинѣ, гдѣ рѣшились отдохнуть на сухихъ листьяхъ. Какой восхитительной видъ находился передъ нами! Можно ли было предаться покою прежде нежели совершенная тма настала! Никогда еще при восхожденіи солнца не чувствовалъ я себя такъ бодрымъ и веселымъ, какъ въ сей день при захожденіи. Товарищи разошлись по разнымъ мѣстамъ; меня случай завелъ на близь-лежащую

гору, можетъ быть ту самую, на которой восхищался путешественникъ Британскій (*), взирая на величественную, описанную имъ картину. Ахъ! онъ имѣлъ причину предаваться восторгамъ. Многоразличіе предметовъ, глазамъ представляющихся, Темпейская долина Греціи и дикая пустыня Ѳиваиды, на одной поверхности лежащія и отличающіяся разительнымъ своимъ несходствомъ, — здѣсь поля Елисейскія, усѣянныя безчисленными селеніями, пересѣкаемыя потоками, которые въ прелестномъ безпорядкѣ извиваются многообразно, — тамъ развалины городовъ, нѣкогда процвѣтавшихъ, и храмовъ великолѣпныхъ, коихъ поникшія вершины выставились изъ длинной полосы окаменѣвшей, желѣзо-цвѣтной лавы — печальной памятникъ ничтожности земнаго великолѣпія! — еще далѣе, безпредѣльное, излучистые берега омывающее море съ островами, тамъ и здѣсь мелькающими; то песчаные, то утесистые, то плодоносные берега съ толпящимися, подобно пчеламъ, кораблями! — Но могу ли описать всѣ подробности картины столь величественной? Все сіе дѣлаетъ въ душѣ впечатлѣніе глубокое, неизъяснимое, — впечатлѣніе сладостное, котораго никакъ нельзя передать тому, кто самъ не ощущалъ ни-

(*) Бридонъ.

чего подобнаго. Воображенїе, творящее прелестные сады волшебницъ и грозныя страшилища ада, еще до сихъ поръ не могло изобрѣсти такой картины, какую неподражаемо представляетъ здѣсь восхищеннымъ взорамъ великая художница, природа."

„Послѣ столь прїятнаго удовольствїя, цѣлой день продолжавшагося, послѣ роскоши, которою насладился я въ вечеру и которой другїе не только никогда не вкушали, но ниже предчувствовали, надобно ли было мнѣ, любезной другъ, желать болѣе? не долженъ ли былъ я возвратиться въ лощину и удержать любопытство свое по крайней мѣрѣ до слѣдующаго утра? Но, нѣтъ! еще не успѣли взоры мои въ половину насытиться прекраснымъ, неописаннымъ зрѣлищемъ, и уже обратились они къ снѣжной вершинѣ *Этны*, возносившейся надо мною. — Если отсюда, думалъ я, съ половины высоты представляется столь величественная картина природы; то что должно быть тамъ, на краю ужасной пропасти, гдѣ никакая гора за спиною не заслоняетъ ни края Сицилїи, ни моря, ни неба? Что должно быть тамъ, откуду всѣ другїя горы высокїя кажутся малыми бугорками, и откуда взоръ досягаетъ, можетъ быть, до жилищь Варварїйскихъ, до береговъ другой части свѣта? — Я весь погрузился въ мечты вели-

чественныя, которыя воображенїе мое творило тѣмъ удобнѣе, тѣмъ смѣлѣе, что сердце уже успокоено было существенными наслажденїями. При увеличивающейся восторга моего силѣ, каждая мысль изливалась словами. О! воскликнулъ я: еслибъ тамъ не свирѣпствовали буйные, неукротимые орканы; если бъ тамъ не царствовала сїя печальная, вѣчная, безплодная зима, которая дѣлаетъ вершину горы необитаемою; еслибъ огненные потоки, сѣрной чадъ, дождь золы и вылетающїе камни ежеминутно не грозили смертїю и разрушенїемъ: — тамъ построить бы вечь! тамъ на вершинѣ Сицилїи и Европы! тамъ ненасыщаемымъ созерцанїемъ великолѣпнѣйшей картины творенїя оживлять сердце свое и чувства! оттуда низводить мысленные взоры на человѣческїя заблужденїя, подобно Божеству, смотрящему на долъ земной съ высокаго неба! Какая мысль, мысль гордая и великая! И чтожь? не ужели это должно оставаться навсегда только мыслїю, только мечтою?

„Время напомнило мнѣ, чтобы я успокоился, умѣрилъ свои восторги; наступалъ сумракъ, и я очутился въ лощинѣ не прежде какъ уже ночью. Товарищи безпокоились о моемъ отсутствїи; они кричали такъ часто и такъ громко, что не

могли слышать моихъ отзывовъ. — Мы тотчасъ предались покою, и пустились въ дальнѣйшій путь хотя позже, нежели хотѣлось намъ, однакожь успѣли еще до восхожденія солнца достигнуть вершины. Окружающая тма, смѣшанная со слабымъ свѣтомъ отъ звѣздъ, — отдающіеся глухіе стоны горы, — шумъ листьевъ, вѣтрами колеблемыхъ, — крутые утесы, по которымъ лошаки наши ступали съ боязливою осторожностію, — прибавьте еще къ тому картины, которыя творило наше воображеніе, дѣятельное, приготовленное къ мечтамъ грознымъ и ужаснымъ — неизмѣримую пропасть, которую вся колоссальная гора можетъ быть покрываетъ въ образѣ свода, готоваго разрушиться: всѣ сіи впечатлѣнія, сіи мечты наполняли насъ безмолвнымъ страхомъ, и разливали холодной трепетъ по всѣмъ членамъ. Положеніе наше сдѣлалось еще непріятнѣе, когда циклопъ, нашъ проводникъ, вдругъ закричалъ, что онъ сбился съ дороги, и боится, чтобъ не завести насъ въ такія мѣста, откуда легко можемъ низвергнуться въ бездну едва досягаемую; онъ требовалъ, чтобы мы не трогались съ мѣста, ежели не хотимъ проститься со здѣшнимъ свѣтомъ. И такъ мы принуждены были удержать лошаковъ своихъ, не зная, на краю ли пропасти находимся; мы не смѣли пошевелиться, не смѣли дышать сво-

бодно; не могу выразить словами, въ какомъ мучительномъ состояніи мы тогда находились. Когда свѣтъ дневной прогналъ мракъ ночи; мы увидѣли, какая опасность намъ угрожала, но увидѣли также и средства отъ нее избавиться. Мы благополучно достигли вершины, и восторгъ неописанный объялъ насъ, хотя пріятнѣйшая надежда наша и не исполнилась, — надежда быть на вершинѣ до перваго луча солнечнаго, и прежде всѣхъ земнородныхъ поздравить небесное свѣтило.

„И сія-то неудача убѣждаетъ меня, сколь безразсудно было бы послѣ Британскаго путешественника говорить о видѣ съ горы *Этны*; ибо въ моемъ описаніи недоставало бы того, что у Бридона составляетъ прекраснѣйшую, великолѣпнѣйшую картину. Однакожь не предавайтесь излишней печали о потерѣ, которая очень невелика для того, кто *читаетъ* подобныя описанія! Надобно *самому* ополчиться терпѣніемъ, *самому* взойти на Этну, чтобы получить великую, но справедливую награду; чтобы насладиться однимъ изъ первыхъ удовольствій въ земной жизни, и чтобы ощутить въ душѣ такое напечатлѣніе, которое не только ослабляетъ всѣ другія, но даже совершенно истребляетъ. Природа справедлива въ своихъ распоряженіяхъ: она

не хочетъ, чтобы человѣкъ, нелюбящій трудовъ, безпечно отдыхающій на мягкихъ пуховикахъ, упрямо отвергшій усильную прозьбу своего друга, которой просилъ его быть товарищемъ въ семъ путешествіи — природа, говорю, не хочетъ, чтобы праздно-любецъ наслаждался равнымъ удовольствіемъ съ тѣмъ человѣкомъ, которой рѣшительно боролся съ трудностями на Альпахъ и Апеннинахъ, вдыхалъ въ себя ядовитый чадъ болотъ Понтинскихъ, не страшился приближаться къ смертоносному Сирокко, отважился презирать угрозы баснословной Скиллы, наконецъ обрекъ себя терпѣть холодъ и зной, изнеможеніе и опасности, чтобы добраться до той вершины, которая съ древнихъ временъ изумляетъ вселенную.

„Однакожь — теперь я часто спрашиваю самъ себя, смотря изъ окна своего на гору — отъ чего, возвратившись въ Катанію, ощущаю *только* удовольствіе? Отъ чего любопытство мое, столь сильное, неутолимое въ вечеру при восхожденіи на гору, теперь такъ охладѣло? Возможно ли, чтобы на то мѣсто, на которомъ надѣялся наслаждаться, и на которомъ наслаждался блаженствомъ, теперь смотрю съ такою — не скажу холодностію, ибо никогда безъ радости вспомнить не могу о времени, проведенномъ на Этнѣ, и пока воображеніе

мое не перестанетъ забавляться мечтами, до тѣхъ поръ вершина Этны будетъ любимою изъ всѣхъ его мечтою — отъ чего смотрю такъ спокойно, такъ равнодушно? Еслибъ теперь была готова на Этнѣ вечь, которую хотѣлъ я избрать для всегдашняго своего пребыванія; еслибъ ни снѣгъ, ни льды не покрывали вершины ея; еслибъ не ревѣли бури вокругъ ея; еслибъ внезапное изверженіе лавы не угрожало погибелью; еслибъ дорога на Этну была такъ безопасна, такъ покойна, какъ на отечественный холмъ нашъ: и тогда я — — не рѣшился бы опять взойти на нее? не захотѣлъ бы снова изчезать въ сладостномъ восторгѣ, взирая на величественную, необозримую картину, и благоговѣйно покланяться невидимому Творцу въ Его твореніи? — О нѣтъ! я часто, очень часто восходилъ бы на вершину, и каждой разъ наслаждался бы новою радостію! А избрать мѣсто на Этнѣ для всегдашняго своего пребыванія? погрузить себя всего и навсегда въ величественное созерцаніе? жить только для него, въ немъ одномъ находить и покой и счастіе? — Нѣтъ, любезной другъ! такъ прежде думалъ мечтатель; но впредь уже никогда не будетъ такъ думать. Тогда природный жаръ крови еще во мнѣ не охладился; тогда страхъ еще не заставлялъ меня откладывать мину-

ту обратнаго путешествія съ вершины; тогда еще не ужасали меня изверженія спокойно дымящейся нынѣ Этны. Начало удовлетворенія и постепенное уничтоженіе любопытства родили во мнѣ другія чувства, и я колеблемъ будучи между охотою и нехотѣніемъ, между намѣреніемъ и раскаяніемъ, спустился съ ледяной поверхности къ лѣсистой полосѣ, оттуда въ цвѣтущія долины, и наконецъ въ Катанію.

„Тамъ, на оной благословенной высотѣ, кромѣ понятія о величественной картинѣ, я приобрѣлъ еще познаніе важнѣйшей истины, или сказать лучше, получилъ несомнѣнное удостовѣреніе въ истинѣ, которая давно уже была мнѣ извѣстна, и которая ни на какомъ другомъ мѣстѣ такъ хорошо не объясняется. Спросите, если угодно, сластолюбца, соблазнителя, изслѣдователя истинъ, друга добродѣтели, спросите: что каждой изъ нихъ почитаетъ для себя самымъ лучшимъ предметомъ въ своемъ родѣ, какое кушанье, какую красавицу, какую истину, какое чувствованіе? каждой изъ нихъ остановится, скажетъ такъ, потомъ иначе. Спросите же любителя изящной природы, которой нарочно объѣздилъ всю Европу, обозрѣлъ прекраснѣйшія мѣстоположенія въ Швейцаріи и на Сѣверѣ; спросите его, съ какой точки пред-

ставляется взорамъ картина всѣхъ величественнѣе, всѣхъ обширнѣе; и онъ тотчасъ вамъ скажетъ: въ мірѣ только одна Сицилія и одна Этна. — Какъ? и сіе мѣсто, единственное въ мірѣ, не можетъ удержать при себѣ нетерпѣливаго искателя? И сіе мѣсто не можетъ поселить въ немъ желанія наслаждаться безпрерывнымъ, ненарушимымъ блаженствомъ? Такъ что же другое, какая Пико, какой Офиръ (*), какіе исполины Перуанскіе или Хилійскіе возмогутъ поселить въ немъ желаніе наслаждаться безпрерывно и ненарушимо? — Ничто, ничто, любезной другъ! вездѣ путешественникъ ощуститъ то, что я почувствовалъ, и въ чемъ удостовѣрился на Этнѣ: *счастіе человѣческое состоитъ не въ обладаніи, но въ стремленіи къ полученію желаемаго.*

„Но здѣсь опять можно спросить: почему человѣкъ, стремящійся къ какой-либо высокой усмотрѣнной имъ цѣли, думаетъ, что достигнувши до нее, онъ уже успокоится, что никакая страсть уже не выманитъ его изъ нѣдра удовольствій, которыми надежда обѣщала питать его и нѣ-

(*) Офиръ есть имя горы на островѣ Суматрѣ. Гора сія, по вычисленію Марсдена, есть высочайшая изъ находящихся на поверхности древняго міра.

жить? Потому что вожделѣніе, пока оно дѣйствуетъ въ силѣ своей, устремляетъ все его вниманіе къ желаемому предмету; потому что воображеніе представляетъ ему сей предметъ въ полной красотѣ, въ видѣ прелестнѣйшемъ, въ такомъ видѣ, какого никогда онъ имѣть не можетъ въ дѣйствительности; потому что и самъ разумъ подаетъ свой голосъ, и говоритъ, что понятіе о совершенномъ блаженствѣ состоитъ не въ ощущеніи недостатка, заставляющемъ насъ дѣйствовать и трудиться, не въ работѣ и безпокойствѣ, сопряженными съ сею дѣятельностію, но въ обладаніи, въ спокойствіи. Однакожь разумъ прибавляетъ еще для того, кто внимаетъ голосу его: Сіе блаженство не для тебя приготовлено, человѣкъ смертный! При безпредѣльномъ побужденіи ты дѣйствуешь въ кругѣ ограниченномъ, и чашею, вмѣщающею въ себѣ нѣсколько капель, черпаешь изъ такого потока, которой едва всею влагою своею можетъ утолить твою жажду; сіе блаженство прилично тому только, кто однимъ взоромъ объемлетъ всѣ *возможности*, и содержитъ въ рукѣ своей всѣ *событія*, — тому только, котораго неизмѣримость вмѣщаетъ въ себѣ все пространство, и котораго вѣчность не приемлетъ никакого прибавленія. Ты, которой при ограниченности своей не болѣе знаешь о свойствѣ блага, къ

которому стремишься, какъ и того, которымъ уже обладаешь! что иное остается тебѣ дѣлать, какъ не желать безпрестанно, какъ не стремиться безпрестанно, какъ не усиливаться дойти до предѣловъ тебя окружающихъ, и не довольствуясь мѣстомъ, на которомъ стоишь, стараться двигаться впередъ и тѣшить себя малѣйшимъ приобрѣтенїемъ пространства? Но нежелай, чтобы естественное сїе побужденїе ослабѣло въ тебѣ, изнемогло, исчезло! Оно для счастїя твоего столь же необходимо, какъ бїенїе сердца для жизни. Пустота душевная, которую носитъ въ себѣ человѣкъ, ничего нежелающїй и ничего нечувствующїй, есть ужаснѣйшее состоянїе, побуждающее къ самоубїйству болѣе нежели несносная забота или тоска мучительнѣйшая; ибо при заботѣ, при тоскѣ есть въ виду добро приманчивое, вождѣленное, которое заставляетъ душу дѣйствовать и дорожить жизнїю.

„Вспоминаю о путешествїи своемъ на Этну, и нахожу приговоръ сей разума не только справедливымъ, но еще болѣе яснымъ, болѣе вразумительнымъ. Правда что время, которое употребилъ я для восхожденїя на гору, было тягостнѣйшимъ въ моей жизни, и что даже еще теперь чувствую усталость и изнеможенїе въ членахъ, которыя никогда еще такъ сильно меня не без-

покоили. Но всѣ сіи трудности ничего незначили въ сравненіи съ цѣлью, къ которой я приближался! Сладкія минуты отдыха въ тѣнистомъ лѣсу и на горѣ, гдѣ мы останавливались, были пріятнѣйшею за всё наградою! Воспоминаніе о сихъ минутахъ никогда въ душѣ моей не истребится; во дни старости моей часто буду мысленно къ нимъ возвращаться, и размышленіемъ о прежнихъ радостяхъ замѣнять потерю часовъ текущихъ. Но когда прилѣжно изслѣдываю сіи минуты, желая открыть, почему именно онѣ были столь пріятны; не болѣе ли взглядъ на будущее нежели чувство настоящаго, не болѣе ли быстрые порывы воображенія нежели подкрѣпленіе силъ придавали имъ сію прелесть? Когда на мягкомъ дернѣ, окруженный запахомъ цвѣтовъ и поющими соловьями, стиралъ я ліющійся потъ съ лица моего; когда жаждущую грудь свою освѣжалъ я сладкимъ нектаромъ; не болѣе ли нежели самой нектаръ веселила меня и подкрѣпляла мысль: столько трудовъ уже перенесено! столько уже пройдено пути! недалеко уже осталось до цѣли путешествія! Слова: *далѣе! далѣе!* съ которыми поспѣшно поднялись мы съ мѣста и вскочили на лошаковъ, не доказываютъ ли, что настоящее насъ не прельщало, и что мы стремились къ будущему? Не болѣе ли надежда имѣла власти надъ

нами, нежели чувственныя наслажденія? — А на горѣ благоуханной, недалеко отъ жерла, не болѣе ли вершина нежели долъ земной, не болѣе ли будущее нежели прошедшее наполняли грудь мою сладкою отрадою, и возвышали душу? Еслибъ одни чувства мои наслаждались, а воображеніе не питалось бы мечтами; то уже ли не примѣтилъ бы я наступающаго сумрака, уже ли не позаботился бы скорѣе возвратиться къ товарищамъ и недать имъ причины безпокоиться о моемъ отсутствіи?

„Но еще яснѣе нежели пріятнымъ временемъ путешествія, еще яснѣе всегдашнее души стремленіе къ будущему обнаруживается тою страшною минутою, когда крикъ Циклопа заставилъ насъ остановиться; когда голосъ и дыханіе въ груди, а мысль въ душѣ прекратили всегдашнее свое дѣйствіе. Грозной образъ, которой прежде всего намъ представился въ то время, безъ сомнѣнія былъ образъ смерти — лишеніе чувства и памяти, предѣлъ стремленія души, и слѣдственно зло изъ всѣхъ ужаснѣйшее, самое несносное. Опамятовавшись, уже избавившись отъ очевидной опасности, мы рѣшились-было отказаться отъ надежды достигнуть вершины, и хотѣли внизъ спуститься, довольствуясь тѣмъ что видѣли; но какъ маловажнымъ казалось такое удо-

вольствіе! Мы почли бы путешествіе свое тщетнымъ, потеряннымъ, несчастнымъ, не смотря на то что насладились пріятнѣйшими, счастливѣйшими часами; не смотря на то что наши взоры жадно насыщались разнообразными, единственными красотами! Но сіи наслажденія находились уже *за нами*, и слѣдственно *ничего* не значили; напротивъ того бывшее *впереди* составляло для насъ *все*, — и завистливая судьба хотѣла у насъ похитить оное!

„Слышу вопросъ вашъ: наконецъ вы достигли вершины; вмѣстѣ съ послѣднимъ шагомъ долженствовало прекратиться ваше стремленіе; ибо надъ вами уже ничего не было, кромѣ воздуха и эѳира: скажите же, вмѣстѣ съ вожделѣніемъ исчезла ли и радость ваша? — Нѣтъ, она была и на вершинѣ горы со мною! Признаюсь вамъ, любезной другъ! сіе достиженіе цѣли давно желанной, достойной великихъ трудовъ для нее понесенныхъ, — сіе первое наслажденіе всею полнотою красоты, которая тѣшила уже существенностію, какъ прежде тѣшила мечтами, — сей безмолвный восторгъ души, вознесшейся превыше обыкновенныхъ своихъ способностей, есть ближайшее подобіе веселія небожителей, есть внезапное кратковременное ощущеніе блаженства ихъ въ тишинѣ всеобъемлющей, есть лобзаніе, такъ

сказать, временемъ похищаемое у вѣчности. Не думайте однакожь, чтобы вожделѣніе мгновенно исчезло, и чтобы стремленіе души быстро прекратилось. Не труды и усталость были цѣлью вожделѣнія, но прелесть наслажденія, которое состоитъ для человѣка не въ бездѣйствіи, не въ покоѣ, не во снѣ и безпамятствѣ; нѣтъ, оно состоитъ въ продолжительномъ, безпрепятственномъ, легкомъ и сладостномъ переходѣ отъ одной идеи къ другой, отъ одного чувствованія къ другому. Ободрившись послѣ перваго упоенія, душа съ жадностію хватаетъ блага ее окружающія, не заботясь что можетъ утомиться, насытиться веселіемъ. Скоро доходитъ очередь до прежнихъ идей и чувствованій; но ихъ впечатлѣніе уже гораздо слабѣе. Душа все еще наслаждается; но часъ отъ часу уже клонится къ ощущенію недостатка и нужды, къ сему обыкновенному состоянію человѣка; и сія обратная дорога, ведущая отъ богатства къ бѣдности, вмѣсто того что прежде она вела отъ бѣдности къ богатству, есть причиною, что предметъ наслажденія теряетъ цѣну свою, которая прежде безпрестанно увеличивалась. Каждой разъ при перемѣнѣ хотя предметъ на минуту опять получаетъ прелесть новости; однакожь сія прелесть часъ отъ часу становится слабѣе; вожделѣ-

ніе утихаетъ; продолженіе оканчивается; вѣчность исчезаетъ, и опять настаетъ время.

„Въ сей общей исторіи всѣхъ наслажденій человѣческихъ заключается исторія и моихъ собственныхъ на горѣ *Этнѣ*. — Первой взоръ, которымъ окинули мы неизмѣримое пространство горизонта нашего, былъ взоръ гордости, веселія, восторга! Казалось, что мы вознеслись превыше всего земнаго, и къ Божеству приближились! Простертое предъ нами безконечное море, — живописная Калабрія на противуположномъ берегу лежащая, — Липарскіе острова съ вѣчнодымящеюся искрометною Стромболи, — цѣлое королевство подъ ногами нашими простертое со всѣми пристанями, городами, горами, долинами . . . . Любезной другъ! душѣ смертнаго невозможно вознестись выше точки самодовольствія, на которой наши тогда находились. — Ежели мнѣніе древняго мудреца справедливо, что не стѣнами огражденное мѣсто, но возвышенное среди обширнаго пространства есть приличнѣйшее для поклоненія Божеству вседѣйствующему, вездѣсущему; то мы были на первомъ высочайшемъ всѣхъ мѣстѣ: — ужасъ благоговѣнія, разлившійся по составамъ нашимъ, очевидно подтверждалъ сію истинну.

Мы изъявляли восторгъ свой, какъ только можно изъявить его словами языка человѣческаго; и крикъ нашъ продолжался до тѣхъ поръ, пока громъ въ горѣ раздавшійся не напомнилъ намъ, чтобъ мы обратили свое вниманіе на самое жерло, на вину ужасовъ и опустошеній.

„Отъ жерла снова обратились мы къ прежнему виду, и опять нашли его *величественнымъ*: солнце, на горизонтъ поднявшееся, озарило своими лучами всю картину, и предметы открылись еще яснѣе глазамъ нашимъ; но прелесть, безъ которой все прочее слабѣетъ, прелесть новости уже минула; предметы, столь же величественные какъ и прежде, уже менѣе плѣняли насъ. Тутъ мы въ первой разъ ощутили, какъ несносенъ холодной воздухъ на такой высотѣ надъ морскою поверхностію; тутъ въ первой разъ вспомнили, что въ лѣсу воздухъ былъ теплѣе, не смотря на зимнія окрестности мѣстъ прилежащихъ; тутъ вспомнили, какимъ пріятнымъ, освѣжающимъ воздухомъ наслаждались мы среди цвѣтовъ на долинѣ. Что потомъ слѣдовало? то, о чемъ сами легко можете догадаться: мы стояли, сожалѣли, сомнѣвались, нѣсколько разъ опять обозрѣвали пространную картину, чтобы образъ ея сильнѣе въ душѣ напечатлѣлся; наконецъ стужа принудила

насъ переступить съ мѣста. Сдѣлавъ одинъ шагъ, надлежало сдѣлать другой и третій, и позаботиться о безопасности своей; ибо мы ходили по скользкой поверхности, слѣдственно разсматривать виды уже было некогда. — Еслибъ я дождался полнаго насыщенія, и еслибъ тогда вспало мнѣ на мысль, что я долженъ всю жизнь свою провести на горѣ и наслаждаться созерцаніемъ великолѣпнѣйшей картины; то вѣрно мысль сія заморозила бы меня тверже льдовъ, насъ окружавшихъ. Ежели правда, что мудрецъ Агригентскій (*) жилъ на вершинѣ *Этны*, и ежели дѣйствительно онъ имѣлъ причину невозвращаться къ своимъ согражданамъ; то самопроизвольная смерть его лучше объясняется другою причиною, а не тою будто онъ хотѣлъ прослыть богомъ: ему наскучила однообразная, хотя въ прочемъ величественная, картина, и онъ охотнѣе рѣшился броситься въ бездонную пропасть, нежели продолжать жизнь, которая сдѣлалась для него несносною мукою.

„И такъ — скажете вы съ улыбкою сожалѣнія — симъ окончилось ваше путешествіе на *Этну*? Это было наградою за понесенныя безпокойства, труды, опасности? — Только это, любезный другъ; еже-

(*) Эмпедоклъ.

ли не полагать въ счетъ того, что воображенїе мое обогатилось новыми идеями, и что свѣдѣнїя мои по части натуральной исторїи нѣсколько увеличились! Я узналъ, что счастїе походитъ на упрямую любовницу, которая не отказываетъ намъ въ своей благосклонности, но и непредаетъ себя нашимъ объятїямъ, избѣгая ихъ лукавыми увертками; когда хотимъ удержать ее, она стращаетъ сердитымъ взоромъ, а потомъ издали опять манитъ насъ прїятною улыбкою, и наполняетъ сердце сладкою надеждою. Но можетъ быть неприлично мнѣ веселымъ тономъ оканчивать повѣсть свою, изъ которой можно вывести многїя истины, очень важныя для человѣческой жизни.

„Я коснусь только двухъ истинъ, которыя легче и явственнѣе выводятся изъ всего сказаннаго выше. Первая состоитъ въ томъ, что для истиннаго, продолжительнаго счастїя должно назначить себѣ цѣлью такую высоту, гдѣ отдыхъ сладостенъ, взоръ на прошедшее утѣшителенъ, гдѣ стремленїе продолжать путь ничѣмъ неослабляется, и гдѣ сердце получаетъ всегда новую бодрость для перенесенїя трудностей; должно, говорю, назначить себѣ цѣлью высоту, взоромъ недосягаемую, и которой вершина скрывается въ вѣчности, по ту сторону гроба. Мудрецъ, знающїй

важность сея истины, земныхъ удовольствій никогда не предполагаетъ послѣднею своею цѣлью; никогда счастія своего ищетъ въ перехожденіи отъ одного холмика къ другому, гдѣ кругъ, тѣсно ограниченной, безпрестанно напоминаетъ взорамъ о новыхъ потребностяхъ; гдѣ утомительное однообразіе безпрестанно повторяется въ однихъ и тѣхъже предметахъ; гдѣ вожделѣніе не укрѣпляется, но ослабѣваетъ; гдѣ силы не только не получаютъ побужденія, но до конца истощаются; гдѣ чувство бытія не только неободряется радостію, но становится часъ отъ часу тупѣе, и въ сонъ погружается. Къ числу точекъ, къ которымъ стремиться не стыдно, принадлежатъ: могущество, почести, власть, оборотливость въ дѣлахъ, искуство. Въ числѣ важнѣйшихъ полагать должно: науку, изслѣдованіе истины; ибо здѣсь, какъ выражаетъ Попъ, Альпы возвышаются надъ Альпами, вожделѣніе никогда не насыщается; напротивъ всегда новыя радости питаютъ его, одушевляютъ, возбуждаютъ.

„Вторая столь же важная истина состоитъ въ томъ, что должно предположить себѣ цѣлью такую высоту, до которой ведетъ проходимая дорожка, хотя трудная и утесистая, но не запертая препятствами непреодолимыми; должно пред-

положить себѣ цѣлью такую высоту, гдѣ судьба не закричала бы намъ страшнымъ голосомъ Циклопа: *стой*! ибо можетъ статься, такое восклицанїе внезапно ослабитъ силы наши, и уничтожитъ всѣ надежды. И такъ сїя вторая истина не одобряетъ чрезвычайно далекой, послѣдней точки, равно какъ и цѣли допускаемой первою истиною: остается выбрать одно, если хотимъ быть совершенно счастливыми. Ежели мы послѣднюю цѣль, къ которой всѣ желанїя и усилїя наши должны стремиться, предположимъ *внѣ* самихъ себя, или хотя и *внутри*, но въ такой способности душевной, которая для своего усовершенствованїя имѣетъ нужду въ посторонней помощи; то навсегда останемся во власти судьбы, — и сей коварной демонъ безпрестанно будетъ играть нами. Но если предназначимъ для себя цѣль въ единственномъ мѣстѣ независящемъ отъ внѣшнихъ предметовъ, а именно въ своей *волѣ*; ежели безпредѣльное усовершенствованїе сей превосходнѣйшей способности души предназначимъ главною точкою для всѣхъ нашихъ усилїй; то будемъ имѣть цѣль не только никѣмъ недостигнутую и до которой никто впредь недостигнетъ — ибо гдѣ найти мудраго и добродѣтельнаго мужа, котораго превзойти не можно? — но, что гораздо важнѣе, навсегда отъ власти судьбы освобо-

димся; тогда всѣ ея коварства будутъ способствовать только стремленію нашему къ предположенной цѣли; онѣ служить будутъ поводомъ къ такимъ поступкамъ, при которыхъ величіе души откроется въ блистательнѣйшемъ видѣ; онѣ сдѣлаютъ насъ еще болѣе счастливыми тамъ, гдѣ мы всего лучше можемъ находить счастіе, то есть — въ самихъ себѣ.

„Что воля въ человѣкѣ превосходнѣе разума, въ томъ собственное чувство насъ удостовѣряетъ; симъ только можно изъяснить, почему при разсматриваніи совершенствъ нашего разума удовольствіе всегда зависитъ отъ воспоминанія трудовъ, усилій, пожертвованій, которымъ подвергались мы для приобрѣтенія оныхъ совершенствъ. Еслибъ мы, подобно чуднымъ въ искуствѣ насѣкомымъ, раждались съ готовымъ умѣньемъ, а не съ одними только способностями; то отличныя способности души имѣли бы такое же право на удивленіе наше, какъ пригожство лица, или ростъ правильной: но какъ мы похвальною дѣятельностію образовали способности свои, и украсили ихъ; то сіе-то самое по большей части и заставляетъ насъ гордиться своими достоинствами. Прилѣжаніемъ, дѣятельностію своею мы приобрѣли сіи совершенства, слили ихъ съ бытіемъ нашимъ:

а какъ по общему закону природы совершенство всякаго предмета тѣмъ болѣе восхищаетъ насъ, чѣмъ тѣснѣе связь его съ бытіемъ нашимъ; то слѣдуетъ, что душевныя силы трудами приобрѣтенныя гораздо болѣе радуютъ насъ, нежели когда бы мы получили ихъ даромъ, то есть случайно. И такъ по сему закону, источникъ чистѣйшей, верховной радости есть *совершенство* нашей *воли*, или что все одно — *добродѣтель*.

„Я забылъ однакожь, что пишу къ человѣку нѣсколько преданному правиламъ новыхъ Эпикурейцовъ, и которому разсужденія мои едва ли понравятся. Поспѣшаю окончить письмо сіе увѣреніемъ въ отличномъ почтеніи и преданности, которыя, такой какъ я, умѣренной Стоикъ имѣетъ къ такому, какъ вы, благомыслящему Эпикурейцу.“

N. N. (*Изъ Свѣт. Фил.*)

II.

Срубленное дерево.

(Подражаніе Мелендецу)

Долины царь! о древній вязъ!
Гдѣ слава дней твоихъ зельоныхъ?
Гдѣ листьевъ густота? — гдѣ тѣнь, которa въ оныхъ
Скрывалась притаясь,
И вдругъ потомъ дыша прохладой,
Служила въ полдень намъ отрадой?
Не слышно болѣе, чтобъ гордая твоя
Глава отъ вѣтровъ трепетала.
Ты здѣсь родился, взросъ, вода сего ручья,
Охотну дань платя, твой корень орошала;
И зелень нѣжную лелѣела, питала;
Но вскорѣ возгордясь
Бѣжалъ отъ мягкой ты постели;
Какъ будто бы земной стыдяся колыбели,
Распространясь
Надъ всѣми въ воздухѣ широко,
Подъялъ главу высоко!

Когда весна тебя озеленяла вновь,
И птички чувствуя любовь,
Чтобъ свить себѣ гнѣздо, кустарниковъ искали;
Тогда къ тебѣ онѣ стадами прилетали;
Садились по сучкамъ,
И тамъ

Рѣзвились, прыгали, шумѣли,
Любви всесильной гимны пѣли.
Едва съ улыбкою румяная заря
Лучами первыми востокъ живописала;
Какъ нетерпѣніемъ горя
Съ подругами къ тебѣ пастушка прибѣгала.
Онѣ тутъ пѣніемъ своимъ,
Веселымъ, легкимъ, стройнымъ,
Предметамъ милымъ, дорогимъ,
Давали знать, что ждутъ ихъ съ сердцемъ
безпокойнымъ.
Подъ тѣнью скромною твоей,
Отъ глазъ ревнивыхъ въ удаленьи,
Любовники тая огонь въ душѣ своей,
Дѣлили радость и мученьи!.....
Ты видѣлъ, какъ иной страдалъ,
И рокъ свой проклиналъ немилосердый,
злобный;
Иной надѣялся, — страшился и — молчалъ.
Ты вздоховъ пламенныхъ свидѣтель былъ
безмолвный,
И *все* таинственной завѣсой покрывалъ.

Въ полуденный часъ лѣта знойный
Къ тебѣ же приходилъ и загорѣлый жнецъ,
(Имѣя на главѣ изъ васильковъ вѣнецъ)
Вкушать отрадный сонъ, покойный;
И защитивъ себя отъ солнечныхъ лучей,
Подъ густотой твоей,
На время забывалъ всѣ горести, заботы.
Когда же наступалъ способный часъ работы,

Съ веселіемъ въ душѣ на нивы поспѣшалъ,
Вязать колосья золотыя
(Однѣ для жизни сей сокровища прямыя!)
И пѣньемъ радостнымъ онъ трудъ свой
услаждалъ.
. . . . . .
Увы! небесный огнь лишилъ тебя навѣкъ
Одежды изумрудной,
И вскорѣ — дровосѣкъ,
Свершивши подвигъ трудной,
Съ сѣкирой грозною въ рукахъ,
На брегъ низвергнетъ сей. . . . О
страхъ!
Я чувствую въ душѣ невольно содроганье!...

Величественный, гордый вязъ!
Прости, прости въ послѣдній разъ!
Прости листковъ твоихъ пріятное шептанье,
И вы простите имена,
На твердой сей корѣ рукой любви сплетенны. —
Одно мгновеніе!.... и гдѣ остатки тлѣнны?..
Ахъ! тщетно для тебя настанетъ вновь весна;
Ты умираешь съ тѣмъ, чтобъ вѣкъ
не возрождаться!....
Ужь члены всѣ твои разбросаны въ травѣ,
И возносившейся ко облакамъ главѣ
Во прахѣ суждено валяться!...
Теперь твой безобразный пень
Пугаетъ только птицъ; всѣ мимо пролетаютъ;
Пастушки съ пѣснями нейдутъ къ тебѣ
подъ сѣнь,

Но встрѣчи тщательно съ тобою избѣгаютъ.
Лишь горлица одна, въ отчаяньи, въ тоскѣ,
Лишась подруги сердцу милой,
Здѣсь сидя на пескѣ,
Съ печалію твоей сливаетъ гласъ унылой;
И эхо вдаль несетъ ея протяжной тонъ...
Я самъ, величіе твое воображая,
И дни счастливые протекши вспоминая,
Со вздохомъ испускаю стонъ.

Жестокая тоска мятетъ меня, сражаетъ;
Мнѣ мнится, будто твой засохшій пень вѣщаетъ:
„Все гибнетъ! гибнетъ все!“ . . . Такъ чтожь такое жизнь?

— — — — — — — — — — — — — —

Б. *

III.

ЭПИТАФІЯ

Княгинѣ Настасьѣ Ивановнѣ Одоевской.

Она была и мать и другъ своихъ дѣтей.
Для счастья ихъ жила, любовью къ нимъ дышала;

И еслибъ чувствомъ симъ хранилась жизнь людей;
Тобъ въ сердцѣ вѣкъ она жизнь нову почерпала.

Владимїръ Измайловъ (*).

IV.

О походѣ Ассупа Дола Удскаго Набоба на охоту (*).

Лукновъ, 20 Января 1794 года.

Теперь только приѣхалъ я сюда обратно послѣ четыре-мѣсячнаго путешествїя въ разныя мѣста съ Удскимъ Набобомъ, находившись въ его свитѣ. Мы отправились въ путь четвертаго числа Октября прошлаго года, и съ самаго начала пустились къ сторонѣ Бараха. Многочисленность нашей

(*) Авторъ, имѣвъ случай только издали удивляться достоинствамъ сей рѣдкой матери, почелъ за долгъ принесть ей дань сердечнаго сожалѣнїя, какъ женщинѣ, общаго уваженїя достойной. В. И.

(*) Одинъ Англичанинъ, ѣздившїй на сїю охоту, описалъ ее въ письмѣ, которое недавно напечатано въ *Британской Библїотекѣ*. *Изд.*

свиты превосходитъ вѣроятіе: она состояла изъ 40,000 человѣкъ и 20,000 другихъ животныхъ. Съ нами было: 10,000 пѣшихъ солдатъ, 1,000 конныхъ, 150 пушекъ, 1,500 слоновъ, 3,000 повозокъ и великое множество верблюдовъ, лошадей и быковъ.

Супруги Набоба со свитою женскаго пола ѣхали въ покрытыхъ, быками запряженныхъ повозкахъ, число коихъ было очень велико Мы не забыли взять съ собою и лодокъ, большихъ и малыхъ, которыя всѣ уложены были на длинныхъ повозкахъ, въ тридцать, сорокъ и пятьдесятъ воловъ запряженныхъ. Сверхъ того при насъ находились: тигры, барсы, соколы, прьученые къ бою пѣтухи и перепелы, соловьи и голуби, — далѣе: танцовщицы, прыгуны, шуты и затѣйники; короче сказать, Набобъ взялъ съ собою все что нравится, смѣшитъ, изумляетъ. Пять сотъ *кулисовъ* или носильщиковъ тащили на себѣ оружіе, порохъ, и проч. Въ томъ числѣ болѣе тысячи было двуствольныхъ ружей рѣдкихъ по своей добротѣ, множество одноствольныхъ ружей и пистолетовъ, шпагъ и копьевъ.

Набобъ остановился въ Барахѣ, гдѣ исполнилъ долгъ благочестія изъ усердія къ нѣкоторому святому. Сей святой всѣми от-

лично уважается; многіе набожные люди часто приходятъ туда для поклоненія; другіе поставили себѣ за правило посѣщать Барахъ ежегодно по одному разу. Тамъ показываютъ кости сего святаго, за четыреста лѣтъ передъ симъ найденныя, и съ того времени прославившіяся разными чудесами.

Изъ Бараха отправились мы въ Нампару, небольшой городъ, лежащій на первой цѣпи горъ, которыя отъ восточной части Бутана простираются до Гурдвара и служатъ предѣломъ между Тибетомъ и Нипаломъ. Каждой день по утру и въ вечеру забавлялись охотою, и всегда били невѣроятное множество дичи. Самъ Набобъ есть искуснѣйшій стрѣлокъ изъ всѣхъ, какихъ мнѣ когда-либо удавалось видѣть; этому и удивляться не должно: ибо онъ каждой день дѣлаетъ не менѣе ста выстрѣловъ по птицамъ и четвероногимъ животнымъ.

На сихъ горахъ въ первой разъ попался намъ тигръ, и мы тотчасъ приготовились сдѣлать нападеніе. Случилось, что въ это время онъ находился въ узкой долинѣ, которую Набобъ велѣлъ окружить двумя стами слоновъ. Мы услышали голосъ сего лютаго звѣря, которой страшно ревѣлъ въ кустарникѣ находящемся среди долины. Я

бывалъ часто при такихъ встрѣчахъ, и потому немедленно направилъ слона своего на тигра, которой въ ту минуту на меня бросился. Въ то самое время, какъ я хотѣлъ выстрѣлить по звѣрю, слонъ мой испугавшись побѣжалъ назадъ, и я не могъ ничего сдѣлать. Взявши съ собою еще трехъ слоновъ, я снова напалъ на тигра. Звѣрь, бросившись на насъ, досталъ до спины одного слона, на которомъ сидѣло четыре человѣка, и которой съ такою же яростію встрѣтилъ непріятеля. Все это сдѣлалось въ мгновеніе ока; люди, на спинѣ слона сидѣвшіе, сильнымъ движеніемъ были отброшены, и упали въ кустарникъ.

Набобъ, которой съ великимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на бой съ ближайшаго холма, далъ мнѣ знакъ, чтобъ я подогналъ къ нему тигра. Я опять напалъ на звѣря, и уже съ большимъ успѣхомъ нежели прежде. Тигръ бросился ко мнѣ, ревѣлъ и сильно металася. Я выстрѣлилъ; раненой тигръ побѣжалъ въ кустарникъ. Десять или двенадцать слоновъ, погнавшись за нимъ, стали задирать его, и принудили бѣжать въ ту сторону, гдѣ Набобъ ожидалъ его нетерпѣливо. Государь и окружающіе его *омраги* или вельможи выстрѣлили вдругъ, и тигръ упалъ на землю. Побѣда провозглашена общимъ крикомъ: вга! вга!

Другая достойная примѣчанія травля была надъ дикимъ слономъ. Спустя нѣсколько дней послѣ сраженія съ тигромъ, мы встрѣтили сего новаго непріятеля на равнинѣ, покрытой обширнымъ кустарникомъ. Набобъ, которой страстно любилъ сію травлю, тотчасъ приказалъ изъ четырехъ сотъ слоновъ сдѣлать кругъ, такъ чтобы они мало по малу сближились идучи впередъ, и не дали бы уйти звѣрю. Я прилѣжно наблюдалъ всѣ движенія; ибо никогда еще не удавалось мнѣ видѣть слоновой травли. Когда окружившіе слоны находились отъ нашей добычи почти во стѣ пятидесяти саженяхъ, мы замѣтили, что дикой звѣрь сталъ удивляться, однакожь не испугался. Противъ него отправили только двухъ слоновъ, которыхъ здѣсь называютъ *мустсами* (*). Дикой, не дожидаясь пока

(*) *Мустсы* есть названіе слоновъ чрезвычайно сердитыхъ, когда наступаетъ пора пониматься. Ни чѣмъ нельзя ихъ ни укротить, ни испугать; отъ того они крайне опасны въ дикомъ состояніи. Самцы обыкновенно понимаются на четырнадцатомъ году. Только *мустсы* осмѣливаются нападать на дикаго слона; ихъ также употребляютъ для бою со слонами, которымъ Индійскіе князья иногда любятъ забавляться.

они приближатся, бросился къ нимъ на встрѣчу. Началось ужаское сраженіе. Побѣда осталась на сторонѣ дикаго, которой прогналъ храбро обоихъ своихъ непріятелей. Когда слонъ пошелъ мимо насъ; Набобъ приказалъ поставить двухъ слонихъ съ петлями изъ крѣпкихъ веревокъ, которыя удобно могли бы задернуться и поймать звѣря. Однакожь опытъ не удался. Дикой изорвалъ веревки; ручные слоны принуждены были уступить силѣ неукротимой.

Набобъ, потерявши всю надежду поймать слона живаго, изрекъ приговоръ смертный. Вдругъ сдѣлано болѣе ста выстрѣловъ; многіе пули попали въ слона, которой однакожь мало заботился о нихъ, и спокойно бѣжалъ къ горамъ. Въ продолженіе половины часа не переставали стрѣлять по немъ ни на одну минуту. Набобъ и омраги дѣйствовали большими винтовками, и пускали тяжелыя пули, которыя портили кожу, но до тѣла не доставали.

Я сидѣлъ на слонихѣ. Нѣсколько разъ приближался я къ дикому звѣрю саженей на пять, и стрѣлялъ въ голову; но и мои пули ничего не сдѣлали: кровь текла изъ мягкихъ частей; однакожь черепъ оставался невредимымъ. Многіе всадники Кандагарскіе, бросившись на слона, рубили его сабля-

ми; звѣрь храбро оборонялся; нѣкоторыхъ умертвилъ, другихъ изувѣчилъ. Наконецъ когда слонъ получилъ болѣе трехъ тысячь пуль и безчисленное множество ударовъ саблями, и когда ослабѣлъ потерявши много крови; тогда уже сдѣлался смирнѣе, и шелъ тихо, какъ будто равнодушно ожидая смерти.

Мнѣ жаль стало бѣднаго звѣря. Конные солдаты примѣтивши слабость его, сошли съ лошадей, и опять напали съ саблями; они старались перерубить сухія жилы на заднихъ ногахъ, въ чемъ и успѣли. Слонъ зашатавшись упалъ. Подбѣжавшіе люди съ топорами начали вынимать изъ челюстей клыки; между тѣмъ конные и пѣшіе солдаты варварски терзали несчастнаго звѣря, пробуя надъ нимъ остроту своихъ сабель и силу оружія.

Непріятно было смотрѣть на такую жестокость. Слонъ еще дышалъ, но безъ крику и стоновъ; онъ устремлялъ пристальные взоры на своихъ мучителей. Наконецъ, сдѣлавъ усиліе подняться, испустилъ послѣдній вздохъ.

Набобъ отправился въ ставку свою съ такою торжественностію, какъ будто удалось ему одержать знаменитѣйшую побѣду.

(Съ Нѣмецкаго.)

V.

Объ одеждѣ Шотландскихъ воиновъ.

Писано было въ публичныхъ листкахъ, что на островѣ Сициліи не женщины сердились на горныхъ Шотландцовъ, мущинъ рослыхъ и здоровыхъ, присланныхъ изъ Англіи для защиты упомянутаго острова и извѣстныхъ по нѣкоторой странности въ ихъ одѣяніи; но что духовныя особы убѣдительно просили главнаго начальника войскъ Бриттанскихъ, чтобы онъ приказалъ Шотландцамъ надѣть нижнее платье для отвращенія соблазна, къ которому нагота сія подаетъ причину. Въ отвѣтъ сказано имъ, что повелѣніе о томъ дано будетъ не прежде, какъ Сицилійскія госпожи откажутся отъ модной наготы своей. Но это состояло не во власти, а можетъ быть и не въ *волѣ* духовенства. Требованіе ихъ конечно осталось бы неисполненнымъ въ такой жаркой странѣ, какова Сицилія, гдѣ, какъ думать надобно, женщины модную наготу нынѣшняго времени довели до возможнѣйшей степени совершенства. Какъ бы то ни было, и Шотландцы и госпожи Сицилійскія ничего не перемѣнили въ своей одеждѣ.

Нѣчто похожее случилось во время войны, которую Франція вела за *свободу* и

равенство. Одинъ полкъ горныхъ Шотландцовъ находился на островѣ Гвайшѣ, гдѣ пребывали тогда многїе Французы выѣхавшїе изъ отечества. Тамъ часто были вечернїя собранїя, на которыхъ присутствовали и горные Шотландцы въ обыкновенномъ своемъ уборѣ, то есть безъ исподняго платья, съ короткими запонами. Уборъ сей такого рода, что верхнїя части ногъ почти до самыхъ бедръ остаются незакрыты. Француженкамъ, которыя охотно посѣщали вечернїя собранїя, весьма не полюбился такой странный нарядъ; онѣ отправили отъ себя къ Шотландскимъ чиновникамъ повѣренныхъ съ прозьбою, чтобъ упомянутые господа по крайней мѣрѣ въ собранїяхъ и въ обществахъ являлись въ нижнемъ платьѣ. Чиновники оскорбились такимъ требованїемъ, и доказывали, что они одѣваются какъ прилично людямъ ихъ званїя. Когда сказано имъ, что многїе земляки ихъ отстали отъ сего обыкновенїя, и подобно всѣмъ Европейскимъ мущинамъ начали носить нижнее платье; они отвѣчали, что такая вольность извинительна только дома, когда нѣтъ надобности наряжаться, что честь велитъ имъ наблюдить строгую пристойность въ одѣянїи, и что слѣдственно они не смѣютъ въ непристойномъ платьѣ являться въ обществахъ, гдѣ присутствуютъ женщины. Дѣло такъ и ос-

талось, и Француженки, которымъ сперва очень не полюбился Шотландской уборъ, — можетъ быть древнѣйшій въ свѣтѣ, извѣстной еще при Адамѣ и Евѣ — скоро привыкли къ нему и успокоились.

Сей уборъ, въ прочемъ весьма несообразной Европейскимъ обычаямъ, но довольно хорошо соотвѣтствующій нынѣшней модной наготѣ нашихъ женщинъ, въ правленіе Георга II. нарочно изданнымъ закономъ былъ отставленъ; всѣмъ горнымъ Шотландцамъ повелѣно было *носить* нижнее платье непремѣнно, подъ опасеніемъ денежной пени. Сей законъ произвелъ всеобщее уныніе въ жителяхъ гористой Шотландіи, которымъ показалось больно и ужасно разставаться съ древнимъ отечественнымъ своимъ одѣяніемъ. Они прибѣгнули къ хитрой уловкѣ. Въ законѣ не было именно упомянуто, какъ *носить* нижнее платье, то есть на какія части тѣла надѣвать его. И такъ горные Шотландцы не перестали ходить по прежнему въ короткихъ своихъ запонахъ и съ голыми ногами; однакожь каждой имѣлъ при себѣ нижнее платье, которое клалъ себѣ на плечо, или носилъ повѣсивши на палкѣ, чтобы не платить денежной пени. Такимъ образомъ законъ остался недѣйствительнымъ, и старинной обычай наблюдаемъ

былъ по прежнему. Правительство смотрѣло на это сквозь пальцы.

Простодушной народъ столь страннаго одѣянія своего не только не почитаетъ противнымъ благопристойности, но даже гордится наготою, какъ будто тройною бронею.

(*Съ Нѣм.*)

VI.

Смѣсь.

Второй классъ Парижскаго Института, учрежденный, какъ извѣстно, вмѣсто бывшей Французской Академіи, въ послѣднихъ числахъ Августа имѣлъ чрезвычайное засѣданіе по случаю поминовенія надъ умершимъ членомъ г-мъ Нивернуа. Г. Франсуа Невшато читалъ похвальное слово, въ которомъ вычислилъ заслуги покойника. Это не что иное какъ обрядъ, съ давняго времени наблюдаемый во Французской Академіи, обрядъ, о которомъ говорить много нѣтъ нужды. Замѣтимъ только, что важный ораторъ въ торжественной рѣчи своей называетъ *собаками* (dogues) сварливыхъ журналистовъ, которые лѣтъ за шестьдесять передъ симъ старались помрачить славу Монтескія. Въ цвѣтущія времена Французской словесности, во времена вѣжливости и вкуса, слушатели поморщились бы при семъ словѣ: морщились ли они теперь — въ журналѣ Института не упомянуто. По окончаніи похвальнаго слова г. Сикаръ попросилъ Французскаго Виргилія (такъ назвалъ онъ г-на Делиля) потѣшить собраніе своими стихами. Предварительно объявлено было о чтеніи нѣкоторыхъ отрывковъ изъ новой поэмы: *Три царства природы*. Но г. Де-

лиль захотѣлъ начать весьма похваляемымъ *Изображенїемъ болтуна*, которое принадлежитъ къ поэмѣ его: *Бесѣда*. Потомъ онъ читалъ другїе отрывки изъ своихъ стихотворенїй, еще неизданныхъ. Слушатели изъявляли удовольствїе свое громкими рукоплесканїями; старой поэтъ былъ не меньше доволенъ.

*

Какой-то книгопродавецъ, по имени Генрихъ Грефъ, объявляетъ въ Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ, что „какъ нынѣ погибло не мало мущинъ, а дѣвокъ напротивъ того есть въ наличности великое множество; то очень бы полезно было въ теченїи слѣдующихъ десяти лѣтъ раждать однихъ только мальчиковъ. Для исполненїя же столь важнаго дѣла ничего болѣе не нужно какъ достать себѣ книгу, которая у него продается за сходную цѣну, и въ которой содержится полное наставленїе въ искуствѣ *раждать мальчиковъ или дѣвочекъ по произволу.*“ Всего забавнѣе, что сей безстыдной обманщикъ жалуется на типографщика, которой „воровскїя свои когти запустилъ въ его сокровище.“ Въ знакъ великодушїя своего онъ объявляетъ, что „лучше хочетъ лишиться всей награды за труды свои, нежели дозволить лукавому недругу спокойно пользоваться плодомъ его хищенїя.“ и проч.

*

Августа 30 похоронили въ Парижѣ г-на Лебрюна, извѣстнаго лирическаго стихотворца. Любители Французской словесности, читавшіе прекрасныя оды г-на Лебрюна, не безъ причины жалѣютъ о сей потерѣ. Онъ печаталъ стихи свои въ разныхъ изданіяхъ. Надобно думать, что теперь выдетъ полное собраніе всѣхъ его сочиненій. Члены Института провожали гробъ его до Монтрмартрскаго кладьбища, гдѣ стихотворецъ Шенье произнесъ надъ покойникомъ надгробное слово.

*

Извѣстный воздушный капитанъ, г. Гарнеренъ объявляетъ, что во время воздушнаго путешествія въ 15 день Августа онъ видѣлъ *множество метеоровъ*; къ которымъ однакожь не разсудилъ за благо приближаться, но благоговѣйно остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи. — Любопытно было бы узнать, какъ онъ умѣлъ *остановиться* въ нѣкоторомъ отдаленіи, когда до сихъ поръ еще не открытъ способъ управлять шаромъ воздушнымъ? Въ прочемъ какая нужда нескромно до всего добираться! Г-ну Гарнереню хотѣлось, чтобъ въ путешествіи его было что-нибудь чудесное — этого и довольно!

*

Королевская гидрографическая дирекція въ Мадритѣ по приказанію Князя мира об-

народовала слѣдующее извѣстїе о новооткрытыхъ островахъ на Южномъ Морѣ.

Фрегатъ *ла Пала*, принадлежащїй Филиппинской компанїи, плывучи изъ Манильи въ Лиму, 18 Февраля 1806 года открылъ двадцать девять островов, изъ которыхъ послѣднїй къ южной сторонѣ лежитъ подъ 3 градусомъ 29 минутами сѣверной широты, и 162 гр. 5 мин долготы. Острова сїи находятся въ близкомъ разстоянїи одинъ отъ другаго и раздѣляются узкими проливами. Жители приближившись на двухъ ладьяхъ ко фрегату, подавали Испанцамъ кокосовые орѣхи, но на фрегатъ взойти не хотѣли. Когда Испанцы подарили островитянамъ нѣсколько старыхъ ножей, желѣзныхъ колецъ и краснаго сукна; сїи добрые люди столько обрадовались, что предложили путешественникамъ всѣ вещи на ладьяхъ съ ними бывшїя: сѣти, удки, верши, сосуды изъ кокосовыхъ орѣховъ, огромныя шляпы изъ пальмовыхъ листьевъ; всѣ они взошли на фрегатъ, и хотѣли отдать послѣднее свое одѣянїе въ знакъ признательности своимъ благодѣтелямъ. Этого мало: дикїе недовольны были собою, и знаками изъясняли Испанцамъ, что желаютъ съѣздить на островъ, чтобы привезти еще нѣсколько подарковъ.

Люди сїи рослы, стройны, проворны и сильны. Тѣло имѣютъ оливковаго цвѣту,

сплюснутой носъ, волосы черные, кудрявые, однакожь не короткіе. Въ каждой ладьѣ былъ одинъ старикъ, по видимому начальникъ дикихъ. Странно, что оба старика отличались отъ прочихъ бѣлизною тѣла и орлинымъ носомъ. Они болѣе походили на Испанцовъ, нежели на дикихъ островитянъ.

*

Дрезденскіе жители во время обратнаго путешествія во Францію Императора Наполеона воспользовались благопріятнымъ случаемъ пощеголять стихотворнымъ своимъ дарованіемъ. Сказываютъ, что въ Саксонской столицѣ всякой обыватель, у котораго есть дома чернила и бумага, пишетъ стихи — разумѣется, безъ предварительнаго ученія, точно какъ и у насъ нѣкоторые стихотворцы, получившіе даръ свой непосредственно отъ самаго Аполлона. Замѣчайте, милостивые государи, какъ духъ вашъ будетъ возноситься выше земной сферы, какъ сердце постепенно будетъ наполняться сладкимъ удовольствіемъ при чтеніи слѣдующихъ образчиковъ.

Одинъ промышленникъ, изобразивъ на прозрачной картинѣ сосудъ съ горчицею, украсилъ его стихами слѣдующаго содержанія:

Отъ горшка сего пищи мало получаю,
Однакожь для освѣщенія охотно доставляю.

(Wenig Nahrung giebt mir das Senffafs
Doch zur Beleuchtung gab ich gern etwas).

Одинъ трактирщикъ надписалъ на окнѣ, кажется, прозою: „Вивать высоко! и „опять высоко! Великому Императору и Королю Наполеону!“ На другомъ окнѣ стихами:

Осчастливитель Саксоніи!
Часто память представляетъ мнѣ,
Какъ мы были всѣ въ несчастіи.

(Beglücker der Sachfen
Oft denk'ich zurück
An unfer unglück)

Одинъ купецъ выставилъ надпись:

Я платилъ контрибуцію,
Дѣлалъ экзерцицію,
Исправлялъ иллюминацію,
Какъ надлежитъ доброму
Саксонцу и вѣрному.

(Contribuiret
Exerciret
Illuminiret
Habe ich treulich
Wie es sich
Einem treuen Sachfen gebühret.)

Содержатель почтовыхъ лошадей прозрачными словами увѣрялъ всѣхъ мимоходящихъ, что

Такой день, какъ нынѣ,
Много всѣхъ радуетъ по судьбинѣ.

Замѣчено, что во многихъ надписяхъ упоминается о *дешевизнѣ* съѣстныхъ припасовъ; одни надѣются, что она скоро настанетъ; другіе желаютъ ее нетерпѣливо.

VII.

Къ читателямъ.

Другія упражненія и нѣкоторыя особенныя причины заставляютъ меня, по окончаніи послѣдней книжки сего года, отказаться отъ изданія Вѣстника Европы. Знаю, что благосклонное принятіе трудовъ моихъ должно приписывать болѣе участію почтенныхъ нашихъ писателей, нежели другимъ обстоятельствамъ; я только старался быть исправнымъ въ срочной выдачѣ и въ выборѣ помѣщаемыхъ статей, пока выбирать было можно; и такъ успѣхъ моего изданія почти не отъ меня зависѣлъ. Признаюсь въ томъ чистосердечно, и благодарю покорнѣйше всѣхъ доброхотовъ, однихъ за помощь въ составленіи книжекъ моего Вѣстника, другихъ за снисходительное ободреніе трудовъ моихъ. Сіе ободреніе послужитъ надежнымъ для меня руковод-

вомъ, когда, исполнивши нѣкоторыя обязанности свои по части учебной при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Гимназіи, подкрѣпивши силы душевныя, приготовивши что-нибудь достойное (или, что *покажется* мнѣ достойнымъ) просвѣщеннаго общества, выступлю вновь на поприще, которое нынѣ оставляю. — Пріятели совѣтуютъ мнѣ напечатать особо лучшія статьи изъ Вѣстника. Исправивши въ нихъ погрѣшности, отъ которыхъ нельзя остеречься работая на срокъ, ежели обстоятельства дозволятъ, можетъ быть воспользуюсь совѣтомъ, и въ такомъ случаѣ переводы, взятые изъ Вѣстника въ 1805 году изданнаго, и другія статьи долженъ буду представить въ новомъ видѣ.

М. Каченовскій.

ПОЛИТИКА.

I.

Статья изъ Монитера (*) о вступленіи Англичанъ въ Копенгагенъ.

Копенгагенъ во власти Англичанъ. Онъ сдался спустя двадцать одинъ день послѣ высадки ихъ на островѣ Зееландѣ! Европа изумится, узнавши что сія крѣпость досталась имъ въ руки до открытія траншей, единственно по причинѣ страха, бросаніемъ бомбъ напущеннаго. Правда что первые выстрѣлы нанесли великой вредъ; часть города сожжена, множество женщинъ и дѣтей погибло, и Датской генералъ почелъ для себя долгомъ подписать договоръ, которой мы видѣли.

Все заставляетъ думать, что договоръ сей не будетъ одобренъ Королемъ Датскимъ. Наслѣдный Принцъ Королевскій изъ-

(*) Еще повторимъ: *Статья изъ Монитера.* Она помѣщена здѣсь только для того, чтобъ читателямъ показать, какъ думаютъ въ Парижѣ объ Англійской высадкѣ.

Издатель.

явилъ живѣйшее негодованіе противъ уступокъ сдѣланныхъ генераломъ, которой въ семъ случаѣ выступилъ за предѣлы ввѣренной ему военной власти. Онъ уже отказался принять деньги отъ Джаксона, Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, которой пріѣзжалъ къ городу Килю; онъ объявилъ, что будетъ вести войну съ Англіею, и что силою оружія получитъ обратно то, что отнято у него нечаяннымъ нападеніемъ и измѣною.

Замѣчаютъ, что въ VII статьѣ Англичане упомянули о дружествѣ и согласіи между обоими государствами. Такъ они могутъ еще предполагать, что Датчане любятъ ихъ? Въ самомъ дѣлѣ, безъ всякой причины, необъявляя войны, и даже не нарушая обыкновенныхъ обрядовъ дружелюбія въ сношеніяхъ съ Датскимъ посланникомъ въ Лондонѣ пребывающимъ, они несдѣлали ничего болѣе какъ только взяли къ себѣ корабли и военные припасы ихъ, сожгли домы ихъ, принесли ужасъ и смерть въ мирныя ихъ семейства!

Послѣ такой обиды ежели Данія не начнетъ непримиримой войны противъ Англіи; ежели чувство стыда и мщенія невоспламенитъ всѣхъ, отъ старика до младенца, отъ Адмирала до послѣдняго мат-

роса: то Датскій народъ погибнетъ невозвратно. Онъ лишится бытія своего; ибо стерпитъ такое оскорбленіе, которому нѣтъ примѣра въ исторіи свѣта. Въ языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ для точнаго выраженія сего поступка.

Данія дозволяла играть собою, и въ семъ отношеніи она походила на многія государства Европейскія, которыя всегда недовѣряли Франціи, и совершенно полагались на обѣщанія и увѣренія великодушнаго Лондонскаго Кабинета. Такъ подлинно! еслибъ Датское войско не выходило на твердую землю; еслибъ оно находилось на островѣ Зееландѣ въ то время какъ Англичане сдѣлали высадку: то непріятель не имѣлъ бы причины хвалиться такими успѣхами. Въ прочемъ, Англійскіе министры недолжны предаваться излишней радости. Сей походъ тѣмъ особливо страненъ, что онъ въ самомъ существѣ дѣла убыточенъ для Англіи; чѣмъ бы ни окончился онъ, но въ исторіи будетъ наименованъ неиначе какъ глупою жестокостію. Для чего онъ предпринятъ?

Не для того ли чтобы не дать случая Французамъ овладѣть Датскимъ флотомъ? Но могли ль они сдѣлать это, когда флотъ сей находился въ пристани безопаснаго ост-

рова? Еслибъ они и овладѣли имъ, то возможно ли было бы вооружить его и отвести въ пристани Французскія?

Хотѣли ль Англичане прибавить къ своему флоту пятьнадцать или двадцать кораблей, стоявшихъ при Копенгагенѣ? Но они въ корабляхъ неимѣютъ недостатка.

Надѣялись ли Англичане овладѣть Зундомъ, какъ овладѣли Гибралтаромъ? Но генералъ Англійскій по договору обязался вывести войска съ острова Зееланда; притомъ же онъ оставилъ въ покоѣ Фіонію.

Боялись ли, чтобы Франція неувеличила своего могущества, присоединивъ къ себѣ всѣ Датскія силы? Но препятствовать этому было бы неблагоразумно. Чему нибудь одному надлежало случиться: или Датчане побоявшись угрозъ Англіи взяли бы ея сторону, — тогда Франція овладѣла бы Голштиніею, Ютландіею, островомъ Фіоніею, пристанями Геннингенскими, Килемъ, короче сказать, тремя частями Датскаго Королевства; или съ негодованіемъ отвергнули бы такое оскорбительное требованіе, въ чемъ нельзя и сомнѣваться, судя по благородному характеру наслѣднаго Принца и по мужеству народа, — тогда они были бы принуждены съ оружіемъ въ рукахъ проти-

виться обидчикамъ, и пристать къ сторонѣ Францїи. Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ симъ нападенїемъ Англїя приобрѣтаетъ себѣ новыхъ непрїятелей, и совѣтъ къ тому поданъ ей не инымъ кѣмъ, какъ безумными политиками, или тайными врагами ея могущества. Вотъ доказательство истины, утѣшительной для человѣческаго рода, что неправедной поступокъ никогда не бываетъ полезнымъ!

Соблазнительная несправедливость сїя такого рода, что Англїйскїй кабинетъ не могъ бы выдумать ничего вреднѣе для себя, ничего удобнѣе возбудить негодованїе въ цѣлой Европѣ. Не думаетъ ли онъ, что симъ принужденнымъ договоромъ, заключеннымъ по слабости, а можетъ быть еще и по глупости, избавилъ себя отъ опасности? Онъ навсегда потерялъ дружбу Данїи и уваженїе всѣхъ народовъ. Ему не льзя ни употребить въ дѣло взятыхъ кораблей, ни удержать за собою Зееландъ. Недалеко та пора года, въ которую можно будетъ напасть на Индїи восточную и западную, на Ирландїю, на самую даже Англїю, между тѣмъ какъ большая половина войскъ Великобриттанскихъ по пустому будетъ терпѣть стужу среди льдовъ Балтїйскаго моря. Ежели Англичане останутся на островѣ Зееландѣ; то ихъ оттуда выгонятъ зимою,

сколь ни было бы многочисленно ихъ войско: еслижъ, по содержанію договора, они оставятъ островъ; то навсегда проститься должны съ Зундомъ. Посредствомъ измѣны и вѣроломства успѣть можно одинъ только разъ, не болѣе.

Данія имѣетъ столько силъ сухопутныхъ, что можетъ отразить нападеніе Англичанъ; и еслибъ съ одной стороны не увѣрили ее о мнимой безопасности, съ другой не поселили бы недовѣрчивости къ намѣреніямъ Франціи; то Копенгагенъ былъ бы защищаемъ сороко-тысячнымъ войскомъ: тогда Лордъ Каткартъ подъ стѣнами сей столицы былъ бы встрѣченъ съ такою же почестію, какая оказана Герцогу Йоркскому въ Дюнкеркѣ, въ Голландіи, и какая оказывается Англичанамъ вездѣ на твердой землѣ, гдѣ только они дерзаютъ появляться.

Не уже ли Англійское министерство или генералъ ея думаютъ, что Данія останется неутральною и тогда, когда отнимаютъ у нее флотъ, зажигаютъ столичной ея городъ, нападаютъ на ея независимость, уничтожаютъ ея неутралитетъ? Въ такомъ случаѣ была бы причина столь же невыгодно заключать о благоразуміи Англичанъ, какъ и объ ихъ справедливости. Если они хотятъ удержаться на островѣ Зееландѣ, то непремѣнно должно собрать тамъ

80 тысячь своего войска; но и этого было бы все еще не много.

Сїе нападенїе покажется очень глупымъ и самымъ несправедливымъ, если только разсмотрѣть, какїя дѣйствїя произведетъ оно въ правительствахъ государствъ Европейскихъ, какую родитъ въ нихъ ненависть, и какїя средства подастъ имъ къ отмщенїю.

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ предложилъ Англїи свое посредство. Вмѣсто признательности за такое благодѣянїе, Англїя беретъ подъ власть свою моря, свободу коихъ защищать МОНАРХЪ сей обѣщался; она отнимаетъ флотъ и жжетъ столичной городъ такого государства, съ которымъ соединяли ее узы политики, дружбы и сосѣдства. Вотъ какъ Англичане платятъ за одолженїя, которыя Россїя всегда ей оказывала, — за предпочтенїе, которое Россїя дала ихъ торговлѣ, — за великїя пожертвованїя, которыя сдѣланы, чтобъ угодить ихъ честолюбїю! Въ то самое время, когда остатокъ прежняго союза можно бы употребить въ свою пользу, они небрегутъ о чести, оскорбляютъ своихъ союзниковъ, нападаютъ на драгоцѣнныя ихъ выгоды, и вызываясь на ссору, подвергаютъ опасности почтенный Домъ Датскїй, союзомъ крови сопряженный съ Королемъ Англїйскимъ, содѣлаться жертвою сего пагубнаго злодѣянїя.

Тщетно стали бы, для извиненія сего жестокаго поступка, предполагать, будто Франція умышляетъ что-нибудь вредное противъ Даніи. Очень не къ стати было безчестнымъ нападеніемъ предупреждать намѣренія Франціи. Попеченіе о славѣ ея недозволило бы Императору Французовъ рѣшиться на такое нарушеніе права народнаго и законовъ справедливости, — нарушеніе, которое опять воспламенило бы войну, раздражило бы Россію, распространило бы на твердой землѣ новыя бѣдствія. Какъ бы то ни было, Англія поступила бы гораздо умнѣе, непредупреждая такимъ образомъ, какъ теперь сдѣлала; она всегда могла бы выслать флоты свои для защищенія Зееланда, и въ семъ случаѣ имѣла бы на своей сторонѣ Россію, Швецію, Данію и — правое дѣло.

И такъ разсмотрѣвши конечную причину сего похода, исполненіе его и слѣдствія, всякой увидитъ слѣпую и жестокую боязнь, увидитъ политику, которая ничего не разсчитываетъ, ничего не знаетъ, и ничего не уважаетъ. Послѣ этого очень мудрено почитать премудрымъ уложеніе государства, допускающее такія соображенія; мудрено удивляться суетному многорѣчію парламента, которой дозволяетъ подобныя несправедливости, или скажемъ лучше, подобныя злодѣйства!

(Съ Франц.)

II.

Извлеченіе изъ книги весьма любопытной.

Мы должны дать отчетъ благосклоннымъ нашимъ читателямъ объ одномъ сочиненіи, котораго нѣсколько экземпляровъ прислано въ Москву. Это небольшая тетрадка, состоящая изо 100 страницъ, писанная на Россійскомъ и Французскомъ языкахъ *въ началѣ* 1807 *года*, и напечатанная въ *Кельнѣ*, въ типографіи *наслѣдниковъ покойнаго П. Галмера*. Называется она: *Разсужденіе объ участіи, приемлемомъ Россіею въ нынѣшней войнѣ* (*), *сочиненное другомъ политической свободы и взаимной независимости всѣхъ народовъ*. По Французски: Obſervations d'un partiſan de la liberté et de l'independance de toutes les nations, ſur l'intèret que trouve la Russie dans la guerre actuelle, enviſagé ſous ſon veritable point-de-vue. — Когда Русскому попадается книга, на отечественномъ языкѣ его писанная и печатанная *внѣ* Россіи; то прежде всего онъ обыкновенно разсматриваетъ качество буквъ и чистоту печати: отдаемъ справедливость *Кельнской типографіи наслѣдниковъ покойнаго П. Галмера*, и объ-

(*) Тогда война еще продолжалась. *Изд.*

являемъ чистосердечно, что въ *Кельнѣ* довольно хорошо печатаютъ Русскія книги.

Г. Сочинитель, прилѣжный и опытный наблюдатель, и — что драгоцѣннѣе для насъ — доброхотъ Россіи, почитатель славы ея и величія, сперва предлагаетъ вопросъ: За чемъ и почему Франція приближилась къ Россійскимъ границамъ? Потому и для того — отвѣчаетъ г. Сочинитель — что „Франція ведетъ (или вела; ибо Разсужденіе писано въ *началѣ* текущаго года) *войну наступательную*; что завоевательная война по существу своему есть безконечная, и однѣ только внѣшнія обстоятельства могутъ положить ей предѣлы.“ Отвѣты свои доказываетъ г. Сочинитель весьма удовлетворительно, и выводитъ изъ нихъ заключеніе, что только тѣсный союзъ государствъ, которымъ угрожаетъ опасность отъ сильнаго завоевателя, можетъ противуположить преграду властолюбію, и что сей только способъ надлежитъ почитать священною должностію для сохраненія своей независимости. Причины нынѣшняго состоянія Европы г. Сочинитель полагаетъ въ томъ, что державы не заботились о семъ спасительномъ способѣ.

„Хотя Французы и увѣряютъ (стр. 18), что вся Европа четыре раза вооружалась

противъ нихъ; но существовали ль коалиціи сіи на самомъ дѣлѣ, и если какія изъ нихъ и существовали, то заслуживаютъ ли онѣ по справедливости названіе союза общаго, предпринятаго со всею силою и рѣшительностію?"

„Первая коалиція не имѣла оной священной цѣли общаго защищенія государствъ; напротивъ того она несправедливымъ образомъ вмѣшалась въ права свободной націи: главнымъ предметомъ ея были завоеванія, и Россія поступила весьма справедливо, не принявъ никакого участія въ таковомъ союзѣ Европейскихъ государствъ. Отъ сего произошло несогласіе между самыми союзниками, которое воспрепятствовало двумъ слѣдующимъ союзамъ сдѣлаться всеобщими и достигнуть предположенной своей цѣли. Германія и Италія учинились добычею высокомѣрнаго правительства Французскаго; Испанія, Голландія и Швейцарія его васаллами, коихъ богатство употребило оно для своей собственной пользы; а Австрія истощилась въ толь неравной войнѣ. Но Россія однажды только приняла участіе въ общемъ дѣлѣ, и показавъ свѣту, сколь могущественно ея содѣйствіе, не продолжала онаго. Пруссія, которой справедливые виды при началѣ первой коалиціи не были удачны, думала сохранить безопасность свою только

неутралитетомъ, которой самъ по себѣ былъ невозможенъ. Но неуспѣла еще окончиться послѣдняя война, обезсилившая Австрію до изнеможенія, какъ планы завоевателя обнаружились уже противъ Пруссіи, единственнаго государства, которое отдѣляло его отъ Россіи. Отсюда родилась нынѣшняя война, и Французское правительство, которое произвело оную съ такою же хитростію, съ какою умѣло представить благовидную причину нападенія на Пруссію, старается нынѣ увѣрить, что причиною сей войны есть Англійскій кабинетъ, составившій противъ Франціи четвертую коалицію, не смотря на то, что до сихъ поръ продолжаются еще переговоры о мирѣ между Англіею и Пруссіею."

„Для полнаго обозрѣнія произшествій, изъ коихъ выше предложенные вопросы могутъ быть объяснены, нужно показать тѣ хитрыя мѣры, которыя Французская политика употребила для отдѣленія Пруссіи отъ всѣхъ прочихъ государствъ, чрезъ что самое держава сія, при неблагопріятномъ положеніи военныхъ силъ ея, подвергнулась нападенію столь превосходнѣйшаго непріятеля. Такимъ образомъ Франція, частію уничтоживъ силы Пруссіи, а частію захвативъ оныя въ свою власть, готова уже была начать войну на границахъ Россіи, и воору-

жить противъ сей могущественной націи какъ сѣверныя, такъ и южныя державы. Для точнаго сужденія, въ какой опасности находится Россія, а съ нею вся Европа и даже вся твердая земля стараго свѣта, надлежитъ показать причины, ниспровергнувшія столь быстро Прусскую державу, и удалившія ее почти совершенно отъ соучастія въ общемъ дѣлѣ."

Въ слѣдующей выпискѣ содержится краткое описаніе обстоятельствъ послѣдней войнѣ предшествовавшихъ, и тѣхъ, которыя приготовили несчастное сраженіе подъ Еною. Сколько намъ извѣстно, онѣ еще небыли предложены на Русскомъ языкѣ, потому что съ Октября мѣсяца прошлаго года немногія извѣстія о заграничныхъ дѣлахъ доходили до свѣдѣнія Россійскихъ писателей.

„Усилія Прусскаго государства были ослаблены несогласіемъ во мнѣніяхъ, раздѣлявшихъ кабинетъ его, и всѣ правительственныя власти раздѣлены были на три разныя стороны, изъ коихъ одна неутралитетъ Пруссіи, другая союзъ ея съ Франціею, а третія участіе въ коалиціи почитали единственными средствами для спасенія государства. Одна сторона брала перевѣсъ надъ другою; но прочія непереставали противудѣйствовать; отъ чего съ давняго времени происходило во всѣхъ политиче-

скихъ дѣлахъ то крайнее небреженіе; та чрезвычайная торопливость, которыя правила политики Прусской всегда дѣлали непостоянными."

„Франція питала тщательно таковыя расположенія Прусскаго правительства, и пользовалась ими удачно. Первымъ послѣдствіемъ сего былъ Вѣнскій трактатъ, который воспрепятствовалъ Пруссіи (хотя въ прочемъ она неимѣла никакого непосредственнаго обязательства съ другими державами) исполнить священнѣйшій долгъ — защищать общее дѣло, отъ чего зависѣло и ее собственное спасеніе. Такимъ образомъ Пруссія, отдѣлясь отъ прочихъ Европейскихъ державъ, потеряла столь счастливый случай, въ которой бы могла она возвратить славу свою, увѣнчававшую ее во дни Фридерика. — Въ то время, когда Пруссія полагалась совершенно на дружеское расположеніе Французскаго правительства, которое спасеніемъ своимъ обязано ея же отступленію отъ театра войны, распустила всѣ войска свои въ непремѣнныя квартиры обширныхъ ея владѣній; въ сіе время Французское войско появилось на ея предѣлахъ."

„При таковомъ неожиданномъ происшествіи Пруссія должна была или подвергнуть нашествію непріятеля всѣ свои владѣнія, или согласиться на постыдной, уни-

чижительной Парижской миръ, который долженъ былъ принудить Пруссїю уступить собственныя области и принять Ганноверъ, а чрезъ то самое вовлечь ее въ войну съ Россїею и Англїею, и унизить ее до того, что ей оставалось *сдѣлаться подчиненною союзницею Францїи.*"

„Правда, таковое намѣренїе Французской политики частїю оставалось безуспѣшно, потому что Императоръ АЛЕКСАНДРЪ провидѣлъ оное, и подавляя всякое непрїятное ощущенїе, неперемѣнилъ дружественныхъ расположенїй Своихъ къ Пруссїи, и чрезъ то самыя строгїя и рѣшительныя мѣры, предпринятыя Англїею и Швецїею, сдѣлалъ безвредными, или по крайней мѣрѣ смягчилъ оныя. Симъ только единственнымъ образомъ Прусская держава нелишилась политическаго бытїя своего, по крайней мѣрѣ для соучастїя въ общемъ дѣлѣ. Но Сентъ-Клудскїй кабинетъ ни минуты не оставался въ неизвѣстности. Ослабить сколько возможно Пруссїю, или совершенно уничтожить оную — вотъ планъ, который начертанъ былъ въ сїю минуту, и съ обыкновенною хитростїю и скоростїю приведенъ въ готовность къ исполненїю."

„Мирныя намѣренїя снова обнаружены были съ великимъ шумомъ. Начались переговоры о всеобщемъ мирѣ съ Россїею и Ан-

глїею, и всѣ средства (*) . . . были употреблены къ тому, чтобы мирныя условїя сдѣлать самыми выгодными для Францїи. Ганноверъ, сохраняемый подъ священнѣйшею гарантїею для Пруссїи, былъ приманкою для Англїи, а учиненное вновь нападенїе на Австрїйскїя области во время мира, который Австрїя сохраняла со всею честностїю, побудило Россїю согласиться какъ на Рейнскїй союзъ, составившїйся во время переговоровъ о всеобщемъ мирѣ, такъ и на раздробленїе Пруссїи. Еще прежде нежели воспослѣдовала ратификацїя о заключенїи сего мира, уже обнародованъ былъ съ насмѣшливою гордостїю сей страшный Союзъ, который долженствовалъ уничтожить совершенно Нѣмецкую конституцїю и большую часть Германїи превратить во Французскую провинцїю, и когда Пруссїя въ смущенїи согласилась на принятїе таковыхъ мирныхъ заключенїй, немедленно прибавлено еще къ онымъ весьма невыгодное условїе, а именно, что дозволенїе постороннимъ войскамъ занять принадлежащїя союзникамъ области должно быть почитаемо за объявленїе войны какъ противъ нихъ, такъ и противъ Францїи. Курфиршество Гессенское и вся Вестфалїя

(*) Здѣсь пропущено нѣсколько словъ колкихъ. Въ мирное время браниться не надобно. *Изд.*

сдѣлались чрезъ то столько же почти зависимы отъ Франціи, какъ и самые Князья участвующіе въ Рейнскомъ союзѣ: первое по причинѣ воспослѣдовавшаго уже присоединенія его къ Дармштадскимъ провинціямъ, а послѣдняя потому, что всѣми малыми Княжескими землями на Эмсѣ завладѣли Французскія войска, которыя давно уже явно говорили, что они займутъ всѣ Прусскія владѣнія во Франконіи и Вестфаліи. Самъ Французскій министръ въ весьма короткихъ словахъ далъ сіе почувствовать Прусскому Посланнику въ Парижѣ."

Пруссія увидя опасность начала собирать войска; между тѣмъ Франція скрывала свои намѣренія. Французское правительство умышленно разослало повелѣніе въ полки быть въ готовности къ обратной переправѣ за Рейнъ; но въ самомъ дѣлѣ положило напасть на Пруссію, пока она еще не успѣла ни собрать всѣхъ войскъ своихъ, ни помириться съ Англіею и Швеціею, ни заключить союзной договоръ съ какою-либо державою; всему главнымъ препятствіемъ было разномысліе кабинета. Пруссія медленностію своею и неисправностію потеряла выгоду наступательной войны, которая одна только и могла быть для нее спасительною. Храбрые Прусаки принуждены были дѣйствовать оборонительно, и дать главное сраженіе, тогда какъ еще не все было у нихъ приготовлено.

„Хотя же несмотря на все сїе можно еще было ожидать отъ храброст Прусскихъ войскъ счастливаго окончанїя сраженїя; но обманчивая надежда на миръ имѣла вредное влїянїе среди самыхъ военныхъ дѣйствїй. Ни одного чрезвычайнаго средства для отвращенїя чрезвычайной опасности не предпринято; малѣйшїе же посторонниїе виды уважены, и по причинѣ множества престарѣлыхъ генераловъ недоставило ни согласїя, ни рѣшительности въ коммандѣ! — Пагубныя между тѣмъ встрѣтившїяся произшествїя довершили несчастїе.“

„Сраженїе было генеральное, если только можно назвать его генеральнымъ по тому, что въ одинъ день должна была дѣйствовать цѣлая армїя: но сраженїя при Енѣ и Ауерштедтѣ совсемъ неимѣли никакой между собою связи. Здѣсь нечаянное нападенїе и скорая потеря главнаго полководца воспрепятствовали счастливому успѣху; а тамъ четыре-кратное превосходство силъ непрїятельскихъ было причиною совершеннаго пораженїя Прусскихъ войскъ, которыя поистинѣ въ обоихъ пунктахъ сражались съ отличнымъ мужествомъ.“

— — — — — —

„Небреженїе о сильныхъ мѣрахъ внутри государства для отвращенїя несчастныхъ послѣдствїй войны, малодушїе и даже постыдное поведенїе нѣкоторыхъ генераловъ и коммендантовъ, которые сдавали войска свои и крѣпости на капитуляцїю, были при-

чиною того, что Пруссія въ толь короткое время вся почти была занята непріятелями, и лишилась самаго лучшаго войска до 80,000 человѣкъ. Но главною причиною всѣхъ таковыхъ несчастій была пагубная надежда на миръ!"

Немедленно послѣ рѣшительной битвы отправлены были предложенія о мирѣ въ главную Французскую квартиру. Изнеможенные генералы вдругъ сдали изнеможенныя голодомъ войска свои; а робкіе и слабые коммендантыы — крѣпости. Непріятель постарался увѣрить ихъ, что по заключеніи мира они будутъ оправданы, и даже получатъ благодарность за сбереженіе людей отъ безполезнаго пролитія крови! Между тѣмъ непомѣрныя требованія Франціи часъ отъ часу возрастали, и наконецъ до того увеличились, что Король Прусскій былъ принужденъ отозвать своихъ уполномоченныхъ. Тогда Франція объявила, что неосвободитъ Прусскихъ провинцій, пока не будутъ отданы Испанскія и Голландскія владѣнія, завоеванныя Англичанами въ другихъ частяхъ свѣта. А чтобъ уговорить Французовъ терпѣть крайнюю нужду, и проливать кровь свою, имъ сказано, что все это необходимо для отвращенія пятой коалиціи.

„За симъ непосредственно слѣдовало возмущеніе Прусской Польши и стараніе склонить къ тому и всю Польскую націю

Изъ сего явствуетъ очевидно, что Французское правительство твердо держится своего правила, то есть чтобы по завоеваніи одного государства стремиться завоевать другое — — "

„Новѣйшія произшествія, коихъ мы всѣ были свидѣтелями, но коихъ тайную связь съ другими произшествіями не каждой обозрѣть можетъ, доказываютъ неоспоримо истину того положенія, что завоевательная война безконечна, ибо она въ самой себѣ находитъ для себя вѣчную пищу."

Г. сочинитель исчисляетъ возможные случаи и представляетъ картину будущаго въ видѣ, не для всѣхъ утѣшительномъ. Какъ другъ политической свободы и независимости народовъ, онъ убѣдительно молитъ Россіянъ остерегаться отъ пагубныхъ навѣтовъ, помнить славу свою и величіе, продолжать войну ревностно и порабощенной Европѣ возвратить дни счастливые. — Война окончилась, и Россіяне исполнили одну изъ священнѣйшихъ своихъ обязанностей — *нещадить жизни* для славы и благоденствія отечества; другую обязанность, по первомъ воззваніи *быть готовыми* защищать славу свою и родину, носятъ они въ памяти и сердцѣ. Порабощенная Европа сама для себя ковала цѣпи; пускай своими силами и расторгаетъ оныя.

III.

Извѣстія и замѣтанія.

Въ Дюнкеркѣ, въ Кале, въ Булони, въ Абевилѣ и въ разныхъ пристаняхъ Ламаншскаго залива поспѣшно приготовляются суда, и снабжаются всѣми нужными припасами. При Булони опять собирается большой лагерь. Министръ морскихъ силъ Декре самъ отправился къ берегамъ, чтобы ускорить начатую работу. Пишутъ изъ Парижа, что главный Директоръ военной конскрипціи объявилъ повелѣніе *всѣмъ* молодымъ людямъ, которымъ по жребью недостанется служить ни въ дѣйствительномъ войскѣ, ни въ запасномъ, что въ такомъ случаѣ они поступятъ въ морскую службу. Все сіе показываетъ, что Французское правительство твердо вознамѣрилось напасть на Англію.

По видимому и Сициліи угрожаетъ такая же опасность. Многочисленные отряды Французскаго войска идутъ въ Неаполитанское королевство изъ верхней Италіи. Хотя и неподтвердилось извѣстіе, что Король Фердинандъ со всею своею фамиліею отплылъ изъ Палермо на седмидесяти-пушечномъ кораблѣ Архимедѣ; однакожь за вѣрное пишутъ, что упомянутый корабль находится въ пристани Палермской, и что всѣ драгоцѣнности, Королю принадлежащія, уже перенесены въ оной и уложены, для того что-

бы дворъ могъ немедленно отправиться въ путь, когда потребуютъ того обстоятельства. Малой остатокъ Сицилїйскаго войска присоединенъ къ Англїйскому корпусу, неболѣе какъ изъ 1000 человѣкъ состоящему. Надо всѣми ими начальствуетъ Генералъ Муръ. Принцъ Гессенъ-Филипсстальскїй, прославившїйся долговременымъ защищенїемъ крѣпости Гаэты, лишился милости Короля Фердинанда, съ тѣхъ поръ какъ неудалось ему истребить Французовъ въ Калабрїи.

Дѣла Португальскаго правительства идутъ не съ лучшимъ успѣхомъ. Многїе оберъ- и унтеръ-офицеры Французскаго войска отозваны изъ Германїи для обученїя рекрутъ, набранныхъ въ зачетъ 1808 года и еще неупотребленныхъ на службу. Изъ сихъ людей будутъ составлены временные полки, и отправлены въ Байону для присоединенїя къ собранной тамъ армїи, назначенной идти въ Португаллїю. Въ Лондонѣ уже получено извѣстїе, что Принцъ-Регентъ Португальскїй не захотѣлъ платить Францїи требуемыхъ (*) четырехъ миллїоновъ крузадовъ, и что приготовляется къ отплытїю въ Америку. Онъ беретъ съ собою весь дворъ, все войско, всѣ сокровища, и отправляется съ военнымъ флотомъ своимъ въ Бразилїю. — И такъ Французамъ ни что не воспрепятствуетъ

(*) За что?

запереть Португальскія пристани для Англійской торговли, которая и безъ того уже много потерпѣла отъ военныхъ обстоятельствъ. Въ одномъ Гетрурійскомъ королевствѣ, куда Французы вошли нечаянно, захвачено Англійскихъ товаровъ на 200 милліоновъ — не сказано чего; положимъ что ливровъ, все выдетъ страшная сумма. Ливорно и пристани Папской области заняты Французскими войсками.

И Англичане, можетъ быть, имѣли бы право сочинить Филиппику противъ Французовъ, которые въ чужихъ государствахъ берутъ и описываютъ ихъ имущества и товары; но слова тутъ ничего непомогутъ, гдѣ надобно дѣйствовать. Не вступаясь ни за Англичанъ, ни за Французовъ, скажемъ искренно, что Датскіе корабли, которые теперь захвачены Англичанами, очутились бы можетъ быть на Темзѣ съ Французскими солдатами, или въ Индійскихъ колоніяхъ. Кто могъ бы подумать, напримѣръ, чтобъ Испанцовъ послали въ сѣверную Германію умирать за выгоды Французскаго правительства? Однакожь это случилось.

Несогласія между Англіею и Сѣверо-Американскою республикою, по видимому, скоро превратятся въ явную вражду. Пишутъ, что Американскій посланникъ уже выѣхалъ изъ Лондона. Сіе обстоятельство въ нынѣшнее время должно быть весьма непріятнымъ для Англіи, которая во всѣхъ частяхъ свѣ-

та сражается, и притомъ не вездѣ счастливо. „Стыдъ отъ неудачнаго нападенія на Буэносъ-Айресъ — написано въ одной Англійской газетѣ — превосходитъ потерю, которую мы претерпѣли въ семъ случаѣ. Испанцы ненавидѣли насъ; мы неимѣли ни одного доброхота въ странѣ, которою овладѣть хотѣли. Померкла военная слава Генерала Крауфурта. Непріятельскій Генералъ Линьеръ поступилъ очень искусно, что невывелъ войска своего на открытое поле, но расположилъ его въ домахъ и на крышкахъ, откуда оно дѣйствовало весьма успѣшно.“ — Въ Египтѣ дѣла ихъ не въ лучшемъ состояніи; однакожь Англичане тамъ еще держатся, и слухъ объ отплытіи ихъ обратно въ отечество оказался несправедливымъ. Напротивъ того они получили себѣ помощь изъ Сициліи.

Къ слухамъ, повторяемымъ въ публичныхъ листкахъ, принадлежатъ и слѣдующіе: Георгъ Черный будетъ признанъ отъ Порты Княземъ Сербіи. По прибытіи Императора Наполеона въ Венецію, куда онъ скоро отправится, Вице-Король Италійскій Евгеній получитъ достоинство *Короля Адріатическаго.* Великому Герцогу Вирцбургскому дано будетъ титло *Короля Франконскаго.* Кромѣ того приготовляются другія весьма важныя перемѣны. Англичане хотятъ овладѣть всѣмъ флотомъ Португальскимъ; молва о семъ подтвердилась нача-

ломъ; ибо въ Портсмутѣ уже задержаны корабли Португальскіе.

Въ Англійскихъ листкахъ помѣщено слѣдующее Королевское объявленіе о занятіи Копенгагена:

„Его Величество за долгъ себѣ почитаетъ чистосердечно объяснить тѣ причины, отъ которыхъ необходимо зависѣли последнія предпріятія на Балтійскомъ морѣ."

„Его Величество замедлилъ сдѣлать сіе объясненіе, потому что надѣялся дружески окончить дѣла съ Датскимъ правительствомъ. Е. В. желалъ и искалъ способовъ къ дружескому соглашенію, дѣлалъ великія усилія и пожертвованія для достиженія сей цѣли, и нетерялъ ея изъ виду въ самое рѣшительное время враждебныхъ начинаній."

„Сколь ни прискорбно было Е. В. увидѣть, что надежда его неисполнилась; столько напротивъ того утѣшился онъ увѣренностію, что онъ не оставилъ ни одного средства изъ тѣхъ, которыя могли служить къ благополучному окончанію. Оплакивая жестокую необходимость, заставившую поступать непріятельски съ такимъ народомъ, съ которымъ Е. В. желалъ дѣйствовать единодушно, онъ увѣренъ, что Европа и свѣтъ оправдаютъ поступокъ его, предписанный строгою и непремѣнною должностію, первою изъ всѣхъ повинностей

государя, а именно — пещись о безопасности народа своего, пока еще есть время."

„Е. В. получилъ достовѣрное извѣстіе, что нынѣшній владѣтель Франціи рѣшился военною силою покорить себѣ Голштинію, чтобы со всѣхъ сторонъ пресѣчь способы Великобриттаніи имѣть сообщенія съ твердою землею; что онъ вознамѣрился склонить или принудить Датской дворъ запереть Зундъ для торговли ея и мореплаванія; наконецъ, что съ помощію Датскаго флота хотѣлъ напасть на Великобриттанію и Ирландію."

„Сколь ни полагался Е. В. на достовѣрность источниковъ, изъ коихъ произтекло сіе извѣстіе, и сколь ни справедливыя имѣлъ причины быть во всемъ томъ твердо увѣреннымъ, какъ по неоднократнымъ, всѣмъ извѣстнымъ объявленіямъ непріятеля, такъ по новѣйшимъ произшествіямъ въ разсужденіи городовъ и областей неутральныхъ государствъ, равнымъ образомъ и по нынѣшнимъ его приготовленіямъ собрать многочисленное войско на предѣлахъ Датскихъ владѣній; однакожь Е. В. весьма не хотѣлъ бы еще начинать противныхъ дѣйствій, до тѣхъ поръ пока намѣреніе непріятеля не открылось бы всему свѣту."

„Е. В. удерживался, пока еще оставалось нѣкоторое сомнѣніе въ крайней опасности, и пока еще способы и расположенія Даніи

дозволяли ему ожидать, что она станетъ сопротивляться дѣятельнымъ образомъ."

„Между тѣмъ Е. В. долженъ былъ вспомнить, что Данія при начатіи прежней войны взяла сторону непріятелей Англіи, и въ извиненіе себя ссылалась на слабость свою, на постороннее содѣйствіе и на угрозы сильнаго сосѣда. Е. В. не могъ посторонняго содѣйствія — которое тогда принудило Датскій дворъ разорвать заключенныя условія — не сравнить съ тою великою силою, посредствомъ коея Франція нынѣ имѣетъ способы настращать Данію, повелѣвая обширными королевствами, и будучи въ состояніи весь народъ свой поставить подъ военными знаменами."

„Угрожала опасность близкая и несомнительная. Войско, назначенное занять Голштинію, уже собиралось въ округѣ неутральнаго Гамбурга. Еслибъ оно вошло въ Голштинію; то и островъ Зееландъ былъ бы во власти Французовъ; слѣдственно и Датскій флотъ имъ же достался бы."

„Правда, что Англійскій флотъ вошедши въ Балтійское море могъ бы на нѣкоторое время удержать дѣйствія кораблей Датскихъ; однакожь приближалась пора годовая, въ которую сія предосторожность осталась бы безъ успѣха. Французы между тѣмъ спокойно готовили средства напасть на владѣнія Его Величества."

„ Въ такихъ обстоятельствахъ будучи принужденъ требовать отъ Данїи надлежащаго объясненїя и безопасности; требовать выдачи на время флота, которой могъ служить залогомъ сей безопасности, и которой подавалъ поводъ Францїи желать, чтобъ Данїя начала войну съ Францїею, Е. В. предложилъ условїя, весьма удовлетворительныя для чести и выгодъ двора Датскаго. Самой Данїи отдано было на волю представить такїя условїя, какихъ только она желала."

„ Не боялась ли Данїя, чтобы Францїя выдачу кораблей не сочла доброхотствомъ ея къ Англїи? но Е. В. прислалъ такой страшной флотъ, которой оправдалъ бы мнимое угожденїе Данїи; ибо сопротивляться ему было невозможно."

„ Ежели Данїя хотѣла дѣйствительно отказать Францїи въ ея требованїяхъ, и поддержать свою независимость; то Е. В. предлагалъ для защиты ея помощь свою на морѣ, войско и деньги; предлагалъ поручительство за безопасность Европейскихъ ея областей и обѣщанїе увеличить ея владѣнїя въ другихъ частяхъ свѣта." и проч.

Сего довольно. Конецъ не столько важенъ, какъ начало.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

НОЯБРЬ, 1807.

№ 22.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Первое слово Демосѳенова противъ Филиппа.

Содержанїе.

Филиппъ возшедши на престолъ Македонскїй, утвердился на немъ силою оружїя своего и хитростїю политики. Всѣ окрестные народы боялись его; но онъ самъ боялся Аѳинянъ, и заключилъ съ ними договоръ на такихъ условїяхъ, какїя призналъ нужными для будущихъ своихъ предпрїятїй. Вознамѣрившись покорить Аѳины своей власти, онъ овладѣлъ Амфиполисомъ, которой обѣщался отдать имъ обратно. Вмѣсто того чтобъ сдержать слово, Филиппъ захватилъ себѣ Пидну, Потидею и Меѳону. Ему хотѣлось войти въ самую Грецїю, будто для наказанїя клятвопреступныхъ Фокейцовъ.

Аѳиняне успѣли сдѣлать нужныя распоряженія, и недали ему овладѣть Ѳермопилами, — важнымъ мѣстомъ, которое открыло бы дорогу въ Аттику. Сей благопріятной случай неизбавилъ ихъ отъ безпокойства. Они не могли быть равнодушными, видя что монархъ неутомимый, управляющій опытными воинами, всячески старается вредить имъ.

Демосѳенъ пользуясь такимъ расположеніемъ умовъ, произноситъ къ гражданамъ рѣчь, которою старается разогнать ихъ уныніе; показываетъ, что Филиппъ есть государь страшной, однакожь не такой, котораго побѣдить было бы не можно, и что успѣхи его проистекли отъ безпечности и небреженія Аѳинянъ. Демосѳенъ предлагаетъ потомъ, *что* надлежитъ имъ дѣлать, *сколько* войскъ и денегъ собрать потребно для сопротивленія грозному непріятелю; употребляетъ колкія и сильныя выраженія, чтобы возбудить дѣятельность въ безпечныхъ согражданахъ.

Рѣчь сія произнесена въ первый годъ CVII Олимпіады, при Архонтѣ Аристодемѣ. Демосѳену было тогда не болѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Въ приступѣ (exordium) онъ извиняетъ себя, что первой всходитъ на ораторское мѣсто, объявляя, что будетъ говорить о дѣлѣ, о которомъ прежде

уже было разсуждаемо. Надобно замѣтить, что въ законахъ Солоновыхъ предписано было, чтобы ораторы наблюдали порядокъ старшинства въ народныхъ собраніяхъ, то есть, чтобы старшіе начинали говорить прежде младшихъ. При Демосѳенѣ законъ сей не былъ исполняемъ въ точности.

Еслибъ, Аѳиняне, теперь надлежало намъ разсуждать о новомъ дѣлѣ; то я ожидалъ бы, пока другіе ораторы объявятъ свое мнѣніе: тогда, еслибъ сказанное понравилось мнѣ, я молчалъ бы; въ противномъ случаѣ, постарался бы открыть, что знаю. Но какъ и нынѣ будемъ разсуждать о дѣлѣ, о которомъ часто уже говорено было: то я, начиная слово прежде ихъ, ожидаю отъ васъ благосклоннаго снисхожденія; а особливо потому, что еслибъ они въ прежнія собранія подали совѣтъ полезный; то не было бы теперь надобности снова совѣтоваться.

Сограждане! во первыхъ не должно предаваться унынію при настоящемъ дѣлъ положеніи, сколь бѣдственнымъ оно ни кажется. Ибо что прежде было вамъ очень вредно; то самое обѣщаетъ великія выгоды для будущаго (*) А что

(*) ὁ γὰρ ἔστι χείριστον αὐτῶν ἐκ παρεληλυθότος χρόνου, τοῦτο πρὸς τὰ μέλλοντα βέλτιστον ὑπάρχει — точно не вы-

это такое? То, что дѣла въ худомъ положенїи по причинѣ безпечности вашей и нерадѣнїя. Ибо еслибъ онѣ были въ такомъ же состоянїи и тогда, когда вы исполняли бы свою должность; то не осталось бы уже никакой надежды. Во вторыхъ вы должны вспомнить (одни зная по наслышкѣ, другїе бывъ сами очевидными свидѣтелями), каково было могущество Лакедемонянъ передъ симъ очень недавно, и какъ рѣшительно, какъ славно вы — боясь, чтобы не сдѣлать чего-либо недостойнаго Аѳинъ — выдержали войну за права и свободу Грецїи. Для чего я о томъ упоминаю? Для того, сограждане, чтобъ вы увидѣли и узнали, что пока будете осторожны, до тѣхъ поръ ничего страшиться недолжно; но ежели останетесь въ бездѣйствїи, ничего надѣяться недолжно. Доказательствомъ служить могутъ тогдашнее могущество Лакедемонянъ, которое вы преодолѣли, потому что прилѣжно о дѣлахъ заботились, и нынѣшняя дерзость Филиппова, которая васъ много безпокоитъ, потому что вы не думали о томъ, о чемъ думать надлежало.

Можетъ быть изъ васъ кто-либо, сограждане, представивъ себѣ военныя силы

ражено ни во Французскомъ переводѣ г-на Ожера, ни въ Англїйскомъ г-на Леланда. Несправедливо было бы такія отступленія почитать ошибками.

Филипповы и всѣ мѣста, отнятыя у нашей республики, подумаетъ, что побѣдить его весьма трудно. Такая мысль очень справедлива; однакожь забывать не должно, Аѳиняне, что прежде имѣли мы Пидну, Потидею, Меѳону и всѣ мѣста окрестныя; что многіе народы, приставшіе къ сторонѣ Филиппа, прежде были свободны, и управлялись собственными законами; что сіи народы лучше хотятъ быть съ вами въ союзѣ, нежели съ Филиппомъ. И такъ еслибъ Филиппъ тогда думалъ, что одному безъ союзниковъ трудно сражаться съ Аѳинянами, которые имѣютъ у себя такія крѣпости, охраняющія предѣлы ихъ; то конечно не сдѣлалъ бы того, что нынѣ дѣлаетъ, и не приобрѣлъ бы себѣ такого могущества. Но онъ зналъ, сограждане, что всѣ мѣста сіи не что иное суть, какъ награда за труды военные; онъ зналъ, что по естественному порядку добро отсутствующаго достается тому, кто не удалялся отъ мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе (*), и собственность безпечныхъ лѣнивцовъ получаютъ люди предпріимчивые, трудолюбивые. Руководствуясь мнѣніемъ симъ, онъ все покорилъ, все имѣетъ въ своей власти; однихъ

(*) Можетъ быть за скоростію, я немогъ этого выразить другими словами; въ подлинникѣ гораздо короче: φύσει δ' ὑπάρχει τοῖς παρᾶσι τὰ τῶν ἀπόντων, и проч.

поработилъ себѣ силою оружія, другихъ сдѣлалъ своими друзьями и союзниками; ибо всѣмъ хочется пристать къ той стороне, которую видятъ всегда бодрою, всегда готовою дѣйствовать.

Сограждане! если и вы захотите принять такое же мнѣніе теперь, когда прежде неимѣли его; если каждой изъ васъ въ потребномъ случаѣ по возможности своей, безъ всякаго сопротивленія, постарается быть готовымъ служить отечеству — богатые добровольными приношеніями, молодые здоровьемъ своимъ и силою; или скажу коротко и просто: ежели захотите сами за себя вступиться, и перестанете въ бездѣйствіи возлагать надежду свою на другихъ: то, съ помощію Божіею, обратно получите нерадѣніемъ утраченное, и отомстите Филиппу. Ибо не думайте, чтобъ онъ, подобно божеству, нынѣшнее величіе свое могъ сдѣлать навѣки непремѣннымъ. Аѳиняне! есть люди, которые ненавидятъ его, которые боятся его, которые завидуютъ ему, и даже изъ числа тѣхъ, коихъ почитаютъ ему преданными. Чему подвержены другіе люди, то должно предполагать и въ почитателяхъ его могущества. Теперь они принуждены скрывать свои мысли, не имѣя никакого убѣжища, по причинѣ вашей медленности и нерадѣнія, которыя оставить

нынѣ вамъ совѣтую. Видите сами, Аѳиняне, до какой наглости дошелъ человѣкъ сей: онъ не даетъ вамъ воли ни дѣйствовать, ни оставаться въ покоѣ; грозится на васъ, и даже, какъ говорятъ, употребляетъ слова очень оскорбительныя; не доволенъ будучи своимъ приобрѣтенїемъ, безпрестанно ищетъ болѣе, и васъ въ бездѣйствїи и нерѣшительности пребывающихъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ сѣтями.

И такъ, Аѳиняне! когда, когда начнете вы дѣлать то, что должно? Не тогда ли, какъ случится что-нибудь важное? не тогда ли, какъ необходимость принудитъ? Но какъ думать должно о томъ, что нынѣ происходитъ? По моему мнѣнїю, безчестїе для свободныхъ людей есть самая величайшая необходимость. Скажите, не уже ли всегда будете расхаживая по городскимъ площадямъ, одинъ у другаго спрашивать: „не слышно ли чего новаго?“ — Какой еще болѣе новости требовать, когда Македонецъ покоряетъ Аѳины, и правитъ всею Грецїею? — „Не умеръ ли Филиппъ? Не умеръ, однакожь боленъ.“ — Какая вамъ до того нужда? Еслибъ и въ самомъ дѣлѣ съ нимъ что-нибудь случилось: вы не замедлите сдѣлать себѣ другаго Филиппа, когда все также будете заботиться о выгодахъ своихъ, какъ нынѣ. Ибо величїемъ

своимъ онъ обязанъ не столько силѣ своей, сколько вашей безпечности. Положимъ, что съ нимъ что-нибудь случилось бы; положимъ, что поблагопріятствовало бы намъ счастіе, которое всегда болѣе о насъ печется, нежели мы сами о себѣ: (и дай Богъ, чтобъ оно довершило свое благодѣяніе!) знайте, что находясь вблизи, и пользуясь минутою нечаяннаго смятенія, вы могли бы всѣмъ располагать по своей волѣ; но въ нынѣшнемъ состояніи нерѣшительности вашей и неготовности вы не могли бы овладѣть Амфиполисомъ, даже и тогда, когда самыя обстоятельства отдавали бы его въ ваши руки.

Оставляю говорить, что вы должны быть готовы ревностно исполнять свою должность; вы сами въ томъ увѣрены совершенно. Постараюсь предложить вамъ о способахъ приготовленія, которое почитаю удобнымъ поправить худыя обстоятельства, — о числѣ войска, о денежныхъ пособіяхъ и обо всемъ прочемъ, что по моему мнѣнію приготовить можно весьма скоро и наилучшимъ образомъ. О томъ только прошу васъ, Аѳиняне, чтобы судить стали, когда все выслушаете, и ничего бы напередъ не заключали; прошу также, если покажется кому, что требую новыхъ приготовленій, не подумать, будто умышляю сдѣ-

лать остановку. Не заслуживаетъ отличнаго одобренія совѣтъ тѣхъ людей, которые говорятъ, что надобно начать дѣло теперь же, не медля ни часа; ибо нынѣшними силами не возвратимъ того, что потеряно: тотъ достоинъ уваженія, кто скажетъ, какого и сколько потребно войска, чѣмъ и гдѣ содержать его до тѣхъ поръ, пока не заключимъ на выгодныхъ условіяхъ мира, или пока не одолѣемъ непріятеля; ибо симъ только средствомъ останемся безопасными на будущее время. Я намѣренъ предложить о томъ мое мнѣніе, никому не препятствуя открыть и свои мысли. Великое дѣло на себя приемлю: вы услышите и разсудите.

Прежде всего, Аѳиняне, по моему мнѣнію должно вооружить пятьдесятъ кораблей трехъ-весельныхъ; потомъ надобно вамъ твердо рѣшиться служить на нихъ, когда потребуетъ нужда. Далѣе, желаю, чтобы для половины всадниковъ было приготовлено достаточное число кораблей и судовъ перевозныхъ. Все сіе почитаю нужнымъ, чтобъ удержать Македонскаго Царя отъ внезапныхъ нападеній войска его на Пилы, на Херсонесъ, на Олинѳъ и на другія мѣста по его произволу. Надобно поселить въ немъ мысль, что вы можете оставить свою безпечность, какъ оставляли ее, когда предпринимали походъ на островъ

Эвбею, и нѣсколько прежде къ городу Галїуту, и потомъ не задолго передъ симъ къ Ѳермопиламъ. Хотя бы вы того, о чемъ теперь говорю, и не сдѣлали; однакожь приготовленїе не будетъ безполезно: ибо Филиппъ или побоявшись оставитъ васъ въ покоѣ, когда увѣдомится о вашей готовности (о которой узнаетъ непремѣнно, потому что здѣсь между нами есть множество людей, увѣдомляющихъ его о всемъ случившемся); или, пренебрегши донесенїя, не употребитъ надлежащей осторожности, и вы при удобномъ случаѣ безъ сопротивленїя возможете напасть на его области.

Я говорю, что вы должны одобрить сїе предложенїе, и думаю, что весьма нужно приготовиться. Кромѣ того, сограждане, надлежитъ вамъ имѣть во всегдашней готовности извѣстное число воиновъ, которые безпрестанно бы дѣйствовали и безпокоили Филиппа. Пускай не говорятъ мнѣ о десяти и двадцати тысячахъ чужестранцевъ; пускай не говорятъ мнѣ и о тѣхъ воинахъ, которые на письмѣ только существуютъ; нѣтъ, я требую, чтобы ополченїе составлено было изъ гражданъ природныхъ: тогда поручите надъ ними начальство одному или многимъ, тому или другому, словомъ, кого за благо разсудите сдѣлать полководцемъ, которому всѣ должны повиноваться.

Я требую, чтобы заготовлены были съѣстные припасы для войска.

Какое должно быть войско сїе? сколько его надобно? откуда взять съѣстные припасы? какъ произвести въ дѣйство мое предложенїе? На каждой изъ сихъ вопросовъ буду отвѣчать особливо.

Пускай служатъ вамъ и чужестранцы, не спорю; но не дѣлайте впредь того, что не одинъ уже разъ было для васъ крайне вредно. Почитая все мѣлочью, и затѣвая слишкомъ много въ своихъ опредѣленїяхъ, вы ничего не исполняете. Сдѣлайте прежде малое; потомъ уже прибавляйте къ нему, что признаете потребнымъ. Я думаю, что надобно набрать двѣ тысячи воиновъ для пѣхоты. Въ томъ числѣ должно быть пять сотъ Аѳинянъ изъ такого возраста, какой назначить захотите. Они будутъ служить положенное время, не очень продолжительное, но какое удобнымъ покажется, чтобы граждане могли смѣняться. Послѣднїе пусть будутъ чужестранцы. Къ тому числу прибавить надобно двѣсти человѣкъ конницы, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ должны быть Аѳиняне, и служить на тѣхъ же самыхъ правилахъ, которыя предположены для пѣхотныхъ. Конницѣ потребны суда перевозныя. Что еще

нужно? снарядить десять легкихъ судовъ трехъ-весельныхъ. У Филиппа есть корабли; по сей причинѣ и намъ надобно имѣть легкія суда, чтобы войска наши могли плавать безопасно.

Откуда взять съѣстные припасы для войска? и объ этомъ скажу; но прежде изъясню, почему такое малое число воиновъ почитаю достаточнымъ, и по какой причинѣ требую, чтобы граждане служили въ войскѣ.

Аѳиняне! мы не можемъ нынѣ выставить многочисленнаго войска, которое сражалось бы надлежащимъ образомъ; мы теперь въ такомъ состояніи, что должны въ разныхъ мѣстахъ безпокоить Филиппа, и сей способъ для насъ теперь выгоднѣе всякаго другаго. Итакъ намъ не должно имѣть ни очень великаго войска (для котораго нѣтъ у насъ жалованья и съѣстныхъ припасовъ), ни очень малаго. Хочу, чтобы сограждане служили въ войскѣ, и плавали бы на корабляхъ; вотъ причина: знаю по слуху, что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ городъ нашъ содержалъ на своемъ иждивеніи въ Коринѳѣ чужестранное войско, въ которомъ были начальниками Полистратъ, Иѳикратъ, Хавріасъ и другіе, и въ которомъ вы сами служили; знаю также по слуху, что вы,

дѣйствуя вмѣстѣ съ чужестранцами, побѣдили Лакедемонцовъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ одни чужестранцы начали за васъ сражаться, они побѣждаютъ друзей вашихъ и союзниковъ; а между тѣмъ непріятели усиливаются. Сіи войска, не заботясь о дѣлахъ нашего отечества, идутъ къ Артабазу (*), или кому-либо другому; начальникъ, радъ или не радъ, принужденъ идти съ ними: ибо нельзя приказывать тѣмъ, которые не получили своего жалованья.

И такъ, чего я требую? Отнять у полководца и у воиновъ причину къ жалобамъ, исправно платя имъ деньги, и присоединить своихъ воиновъ къ чужестраннымъ, для того чтобъ они были, такъ сказать, надзирателями за поведеніемъ и воиновъ и полководцовъ. Нынѣшнія распоряженія наши посмѣянія достойны. Ежели кто-нибудь спроситъ васъ: „Аѳиняне! у васъ теперь

(*) Имя Персидскаго Сатрапа. Харесъ, Аѳинскій полководецъ, посланный съ многолюднымъ войскомъ наемнымъ для покоренія возмутившихся Византійцевъ и другихъ, вмѣсто того чтобъ исполнить данное препорученіе, отправился помогать Артабазу. Демосѳенъ кладетъ вину на чужестраноне войско, которому не было выдано жалованье.

мирное время?" Нѣтъ, скажете вы, мы ведемъ войну противъ Филиппа. Хорошо! вы избрали изъ среди гражданъ десять воеводъ для пѣхоты, двухъ для конницы, и по десяти полковниковъ для того и другаго. Что всѣ они дѣлаютъ, кромѣ одного, котораго отправите сражаться? Всѣ они пригодны только при духовныхъ обрядахъ, для пышности идучи за жрецами. Вы дѣлаете себѣ воеводъ и полковниковъ не для службы, но только на показъ, равно какъ художники дѣлаютъ изваянія изъ глины для вывѣски.

Сограждане! чтобъ имѣть намъ войско дѣйствительно Аѳинское, не лучше ли, когда бы полководцы пѣхотные и конные, и вообще начальники, были природные Аѳиняне? Но вы своего согражданина посылаете съ конницею на островъ Лемносъ, а чужестранцу Менелаю ввѣряете начальство надъ тѣми, которые обороняютъ наши владѣнія! Говорю это не для того, чтобъ унизить, Менелая; нѣтъ, я хочу только сказать, что вамъ надлежало бы выбрать начальника изъ гражданъ Аѳинскихъ.

Можетъ быть вы одобряете мое предложеніе, и нетерпѣливо хотите услышать, откуда и сколько надлежитъ взять денегъ. Объявлю. Для содержанія войска, считая только съѣстные припасы, потребно денегъ

съ небольшимъ девяносто талантовъ; изъ нихъ сорокъ назначить должно для десяти легкихъ кораблей, полагая на каждой по двадцати минъ ежемѣсячно; столько же двумъ тысячамъ пѣшихъ воиновъ, каждому на пищу по десяти драхмъ ежемѣсячно; двенадцать талантовъ двумъ стамъ всадниковъ, каждому по тридцати драхмъ на мѣсяцъ. Тотъ ошибется, кто подумаетъ, что въ съѣстныхъ припасахъ не великое пособіе для войска. Я знаю достовѣрно, что при такомъ пособіи воины легко найдутъ средство достать себѣ все прочее, и даже полное жалованье, не безпокоя ни Грековъ, ни союзниковъ. Я самъ готовъ плыть, и за успѣхъ отвѣчаю моею жизнію. Но откуда взять деньги на предлагаемыя издержки? Слушайте.

(Одинъ изъ присутствующихъ читаетъ (*) записку, въ которой изъяснено, откуда взять требуемыя деньги.)

Вотъ, Аѳиняне, что могъ я выдумать. Собравши голоса о какомъ-либо предложеніи, и одобривши оное, немедленно исполняйте;

(*) У Грековъ и Римлянъ такія записки читалъ не самъ ораторъ, но другой человѣкъ. Сіе обыкновеніе было очень выгодно для того, кто произносилъ слово.

противуборствуйте Филиппу не письмами только, не опредѣленіями, но и самымъ дѣломъ.

Мнѣ кажется, вы о приготовленіяхъ и о самой войнѣ выгоднѣе для себя разсуждать будете, когда обратите вниманіе свое на тѣ мѣста, на которыхъ сражаться хотите, и когда размыслите, что Филиппъ исполняетъ намѣренія свои въ такую пору, которая благопріятствуетъ онымъ. Врагъ нашъ выступаетъ въ походъ обыкновенно во время постоянныхъ вѣтровъ, или зимою, то есть когда мы не можемъ встрѣтить его, гдѣ должно. По симъ-то причинамъ и вы набирайте войско не временное и не тогда, какъ нужда заставляетъ (ибо мы ни въ чемъ не успѣваемъ); но постарайтесь имѣть оное во всегдашней готовности. Оно можетъ зимовать на Лемносѣ, Ѳасѣ, Скіаѳѣ и на другихъ островахъ, имѣющихъ и пристани, и съѣстные припасы, и все потребное для войска. Въ какое время удобнѣе пристать къ берегу, какіе вѣтры благопріятны, какія пристани выгодны — обо всемъ этомъ узнать будетъ не трудно. Опыты научатъ полководца, которому ввѣрите начальство, когда и какъ дѣйствовать войску. Отъ васъ только требуется, чтобы исполнили мое предложеніе. Аѳиняне! приготовивши деньги, о

которыхъ упомянуто, снарядивши все нужное, пѣшихъ воиновъ, корабли, всадниковъ, закономъ обязавши избранныхъ людей постоянно служить съ оружіемъ въ рукахъ; рѣшившись быть сами хранителями и раздавателями денегъ своихъ, и требовать отчета въ дѣлахъ отъ главнаго военачальника, вы перестанете безполезно толковать о дѣлахъ, ничего не исполняя.

Аѳиняне! вы отнимете у Филиппа важнѣйшіе изъ его доходовъ. Какіе именно? Тѣ, которые онъ получаетъ отъ нашихъ союзниковъ, нападая на корабли ихъ, и съ помощію которыхъ насъ побѣждаетъ. Что далѣе? Онъ не будетъ въ состояніи вредить вамъ; уже не нападетъ, какъ прежде, на Лемносъ, на Имвросъ; не захватитъ въ плѣнъ вашихъ согражданъ; не овладѣетъ кораблями вашими при Герастѣ, и не получитъ великой добычи; не высадитъ войска въ Мараѳонской пристани, и не пожититъ священнаго корабля изъ вашихъ владѣній: и вы не могли удержать его, не могли выслать войска въ надлежащее время!

Аѳиняне! почему думаете вы, что праздники Панаѳенейскіе и Вакховы надлежитъ отправлять непремѣнно въ назначенное время, не разбирая, умнымъ ли людямъ, или глупымъ по жребію достается распо-

ряжать обрядами — сіи праздники, поглощающіе болѣе денегъ, нежели сколько потребно для снаряженія флота, и отправляемые съ такою пышностію, какой можетъ быть нигдѣ не видано? и почему корабли ваши всегда не въ пору приходятъ, когда надобно защитить или Меѳону, или Пагасы, или Потидею? Потому что всѣ обряды праздничные въ точности опредѣлены закономъ, и всякой изъ васъ напередъ знаетъ, кому быть начальникомъ своего племени, кому управлять хорами, когда, отъ кого и что принимать, и какъ дѣйствовать: ни о чемъ не забыто, все опредѣлено, все назначено. Напротивъ того въ разсужденіи войны и приготовленій къ ней ни въ чемъ не наблюдается ни порядка, ни правилъ, ни точности.

Услышавъ о непріятельскомъ движеніи, мы назначаемъ корабельныхъ начальниковъ, которымъ дозволяемъ еще мѣняться имѣніемъ (*); потомъ заботимся о приготовленіи

(*) Начальники, изъ богатыхъ гражданъ выбранные, должны были снаряжать по одному кораблю своимъ иждивеніемъ. Выбранный въ начальники могъ потребовать, чтобы велѣно было ему помѣняться имѣніемъ своимъ съ другимъ гражданиномъ, которой, по его мнѣнію, былъ богаче; въ та-

денежныхъ пособій; потомъ опредѣляемъ, чтобы чужестранцы, въ области нашей и внѣ оной пребывающіе, были посажены на корабли; потомъ признаемъ за нужное, чтобы граждане заступили ихъ мѣсто. Между тѣмъ какъ мы здѣсь медлимъ, тамъ берутъ города, къ которымъ посылать хотимъ войско; ибо время, когда надлежало бы дѣйствовать, теряемъ на безполезныя приготовленія. Благопріятной случай уходитъ, недожидаясь нашего нерадѣнія и безпечности. Думаемъ, что войска у насъ довольно; начавши дѣло, видимъ что его очень мало. Между тѣмъ Филиппъ такъ возгордился, что даже осмѣлился написать къ Эвбейцамъ слѣдующія строки:

(Читаютъ письмо (*) Филиппово.)

комъ случаѣ сему послѣднему надлежало или согласиться на обмѣнъ, или снарядить корабль. Полезной законъ сей уставленъ Солономъ, для того чтобы самые богатые граждане жертвовали отечеству своими избытками; но важная невыгода состояла въ томъ, что при назначеніи въ начальники всегда происходили споры, которые дѣлали остановку.

(*) Письмо сіе не дошло до насъ, и неизвѣстно, по какому случаю оно было писано. Думать надобно, что въ немъ содержалось много непріятнаго для Аѳинянъ.

Аѳиняне! въ семъ письмѣ очень много правды, много противнаго тому, чему быть надлежало бы. Вамъ безъ сомнѣнія все это не нравится: но еслибъ для отвращенія неудовольствій должно было скрывать непріятныя истины; то слова ораторовъ и народныя собранія служили бы только для забавы, и такое нелѣпое угожденіе было бы причиною вашей погибели. Стыдно, Аѳиняне, обманывать самихъ себя, и терпѣть во всемъ неудачи, откладывая исполненіе предпріятій, требующихъ труда и усилій; стыдно не понимать того, что для полученія успѣховъ въ дѣлахъ военныхъ надобно умѣть распоряжать случаями, а не повиноваться имъ. Какъ полководецъ управляетъ движеніями войска; такъ искусной политикъ управляетъ случаями, и ведетъ ихъ къ желаемому концу, не дожидаясь пока они сами настанутъ. А вы, о сограждане! имѣя въ рукахъ болѣе способовъ, нежели какой-либо другой народъ, имѣя болѣе кораблей; болѣе пѣхоты и конницы, имѣя знатнѣйшіе доходы, вы никогда не употребляете ихъ для своей пользы, и ничего въ пору не дѣлаете. Вы защищаете себя противъ Филиппа точно какъ варвары, которыхъ мы заставляемъ биться на позорищахъ. Получивши ударъ въ грудь, они хватаются рукою за грудь; ударятъ ли ихъ въ другое мѣсто — тамъ и рука очутится: но предупредить

нападенїе противника, отразить его удары — объ этомъ они и не знаютъ и не думаютъ. Точно такъ и вы поступаете съ Филиппомъ. Узнавъ, что онъ въ Херсонесѣ, туда опредѣляете послать войско; идетъ ли онъ къ Ѳермопиламъ — и вы туда же отправляетесь; обращается ли онъ на правую, на лѣвую сторону — и вы за нимъ. Онъ вашъ полководецъ; онъ управляетъ вашими движенїями; вы узнаете о произшествїяхъ или уже послѣ, или въ то время, когда онѣ происходятъ. Прежде вамъ можно было такъ дѣйствовать; но теперь — теперь настаетъ рѣшительная минута; слѣдственно надлежитъ поступать иначе.

Я думаю, Аѳиняне, что кто-нибудь изъ боговъ стыдится, взирая на безпечность нашу, и что богъ сей возбудилъ въ Филиппѣ дѣятельность такую необыкновенную. Еслибъ сей государь, довольствуясь побѣдами, рѣшился остаться въ покоѣ; то вѣрно мы, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ насъ, были бы тому рады; тогда заслужили бы мы презрѣнїе всѣхъ народовъ; но теперь, когда онъ безпрестанно идетъ впередъ, безпрестанно желаетъ болѣе, теперь вы можетъ быть воспрянете, ежели только не на всегда уснули.

Удивляюсь, Аѳиняне, что ни одинъ изъ васъ не помышляетъ о томъ, что пред-

принявъ войну для отмщенія Филиппу, надобно окончить ее такъ, чтобы онъ впредь уже не могъ нападать на насъ. Будьте увѣрены, что сей государь самъ собою никогда не остановится. Станемъ ли ожидать этого? станемъ ли думать, что мы уже все сдѣлали, когда пошлемъ противъ него корабли безъ войскъ Аѳинскихъ? удовольствуемся ли пустою надеждою, которая въ насъ родилась безъ основательной причины? не выступимъ ли въ походъ сами? сограждане наши не составятъ ли хотя части ополченія теперь, когда не сдѣлали сего прежде? не нападемъ ли на области Филиповы? Спросятъ меня: гдѣ высадимъ войско? Аѳиняне! война покажетъ намъ слабую сторону непріятеля, лишь только рѣшимся напасть на него. Ежели будемъ сидѣть дома и слушать, какъ спорятъ и бранятся нащиораторы; то ничего полезнаго для себя не сдѣлаемъ. Я увѣренъ, сограждане, что боги и счастіе помогутъ намъ вездѣ, куда ни пошлемъ войско свое, ежели только хотя часть онаго будетъ составлена изъ природныхъ Аѳинянъ. Но пока станемъ посылать полководца безъ войска; пока будемъ издавать тщетныя опредѣленія; пока будемъ питаться пустою надеждою: до тѣхъ поръ ни въ чемъ не успѣемъ. Походы наши страшны только

для союзниковъ (*); но враги смѣются надъ ними. Не льзя статься, сограждане! статься не льзя, чтобы одинъ человѣкъ былъ въ состояніи исполнить все, чего вы хотите. Безъ сомнѣнія, онъ можетъ обѣщать, обнадеживать васъ, обвинять того или другаго: но это было причиною нашей разстройки. Начальникъ слабыхъ наемниковъ терпитъ пораженіе; къ вамъ присылаются ложныя извѣстія о произшествіяхъ; вы повѣривши слухамъ оправдываете его, или обвиняете: чего тутъ добраго ожидать можно? Когдажь мы наконецъ отвратимъ сіи злоупотребленія? Не прежде, какъ опредѣлите въ войско согражданъ, которые служить будутъ отечеству съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ свидѣтелями поведенія военачальниковъ и судьями ихъ по окончаніи похода. Тогда вы будете все видѣть собственными глазами, и перестанете обольщаться ложными донесеніями. Теперь до того дошло у насъ, что нѣтъ полководца, которой два или три раза не подвергался бы осужденію на смертную казнь; между тѣмъ какъ ни одинъ изъ нихъ не отваживается выступить въ поле противъ непріятеля! Безчестная казнь, злодѣевъ достой-

(*) Страшны для союзниковъ, потому что войско неисправно получая жалованье, грабило союзныя области.

ная, предпочитается славной смерти за отечество! ибо злодѣю только должно потерять жизнь по судейскому приговору; но полководцу прилично умереть отъ руки непрїятеля.

Между тѣмъ вы разхаживаете по улицамъ, и забавляетесь новостями. Одни говорятъ, что Филиппъ, согласившись съ Лакедемонцами, умышляетъ пагубу Ѳивянамъ, и что старается поселить раздоръ между республиками; другїе распускаютъ молву, что онъ отправилъ посольство къ Царю Персидскому; третьи, что онъ укрѣпляетъ города въ Иллирїи; всякой сочиняетъ басни и передаетъ ихъ любопытнымъ. Я очень вѣрю, что Филиппъ, возгордившись послѣ столь знаменитыхъ успѣховъ, и видя, что никто ему не сопротивляется, затѣваетъ чудесныя предпрїятїя; однакожь не думаю, чтобы онъ не заботился о надлежащей осторожности, и чтобы его намѣренїя извѣстны были нашимъ разсказсчикамъ, людямъ самымъ легкомысленнымъ и безтолковымъ. Въ прочемъ, оставивши ихъ бредни, ежели разсудимъ, что Филиппъ нашъ непрїятель; что онъ отнимаетъ наши владѣнїя; что уже съ давняго времени оскорбляетъ насъ; что всѣ народы, отъ коихъ мы ожидали себѣ помощи, отпали отъ насъ; что всѣ средства безопасности остались только въ

насъ самихъ; что откладывать начало войны, которую должны мы вести въ Македоніи, значитъ тоже, что всю Аттику подвергать военнымъ бѣдствіямъ; ежели, говорю, мы обо всемъ этомъ разсудимъ: то узнаемъ, Аѳиняне, чего не знать намъ не должно, и не станемъ обольщаться пустословіемъ. Ибо здѣсь не нужно отгадывать, что впредь случится; будьте увѣрены, что мы погибнемъ, ежели не рѣшитесь дѣйствовать и пещись о безопасности.

Я никогда не желалъ угождать вамъ, дѣлая ущербъ вашимъ выгодамъ, и постановилъ для себя долгомъ, а особливо въ настоящемъ случаѣ, искренно и свободно предложить вамъ свои мысли. Еслибъ я былъ увѣренъ, что столько же полезно для оратора подавать вамъ совѣты, какъ для васъ пользоваться оными; то слово сіе произнесъ бы еще смѣлѣе. И не будучи увѣренъ въ успѣхѣ, я рѣшился подать вамъ совѣты; не сомнѣваюсь въ томъ, что вы для пользы своей должны имъ слѣдовать. Въ прочемъ, да пріимете намѣреніе, которое всѣмъ вамъ покажется полезнѣе.

II.

Извѣстіе о качествахъ дѣлаемаго въ Россіи пороха.

Въ царствованіе Государя Императора Петра Перваго по Высочайшему Указу Его Императорскаго Величества, послѣдовавшему 1724 года Января въ 17 день, узаконено: порохъ имѣть и приуготовлять такого качества, дабы 24-золотниковой деревяной конусъ бросалъ изъ мортирки пушечной на 73, а мушкетной и пистолетной на 100 Англійскихъ футовъ въ вышину; а ниже упомянутыхъ футовъ имѣть и приуготовлять невелѣно. Въ послѣдствіи времени приуготовленіе пороха въ Россіи, со временъ Императора Петра Перваго, приводилось къ усовершенствованію постепенно разными испытаніями. На пудъ пороха полагаема была селитры, сѣры и уголья такая пропорція, изъ которой порохъ выходилъ бы сильнѣе и прочнѣе для долговременнаго содержанія. Наконецъ по положенію 1804 года порохъ сталъ приуготовляться и выходить въ силѣ своей превосходнѣе прежде дѣлаемаго, такъ что при пробахъ изъ установленной въ 1724 году мортирки, въ которую полагается пороху по 3 золотника, бросаетъ конусъ не только мушкетной и винтовочной, но и

пушечной выше ста двадцати футовъ (*), да и самое употребленїе на заряды для солдатскихъ ружей нынѣшняго мушкетнаго пороха противу прежняго уменьшается однимъ золотникомъ. Въ прошедшемъ же Сентябрѣ мѣсяцѣ Господинъ Министръ военныхъ сухопутныхъ силъ, препровождая образцы мушкетному и винтовочному пороху, купленному по Высочайшему повелѣнїю флота Капитанъ-Лейтенантомъ Грейгомъ въ Англїи, предлагалъ Артиллерїйской Экспедицїи сдѣлать надъ обоими опыты, для узнанїя разности, какая выдетъ противу дѣлаемаго въ Россїи. Во исполненїе чего, въ присутствїи Членовъ Экспедицїи сего

(*) Для узнанїя силы пороха ставится обыкновенно изъ мачтовыхъ деревъ связанной столбъ, вертикально вкопанной въ землю, вышиною во 120 футовъ; а дабы оной не повалило вѣтромъ, то привязывается посрединѣ 4ю и 6ю веревками, коихъ другїе концы прикрѣпляются ко вбитымъ въ землю кольямъ. — Столбъ сей обыкновенно выкрашивается черною краскою, и каждая футовая мѣра на немъ означена бѣлою чертою. У подошвы столба ставится перпендикулярно небольшая мортирка, при зажженїи въ коей пороха примѣчается, на сколько футовъ въ верьхъ взлетитъ конусъ; посредствомъ чего и узнается сила онаго. *Г. А.*

Октября въ 1 й день на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ была дѣлана купленному пороху проба. Открылось, что дѣлая опытъ надъ установленною въ 1724 мъ году мортиркою, въ которую полагается, какъ выше упомянуто, пороху по 3 золотника, и конусомъ бросаемымъ въ верьхъ и имѣющимъ въ себѣ вѣсу 24 золотника, настоящей силы пороха опредѣлить не возможно; ибо какъ Англійской, такъ и Россійской порохъ бросаетъ изъ мортирки тотъ конусъ гораздо выше ста двадцати-футоваго столба; почему какъ Англійской, такъ и дѣлаемой здѣсь на Охтенскомъ заводѣ порохъ пробованъ былъ посредствомъ особо сдѣланной для узнанія силы мортирки, въ которую полагалось онаго 2 золотника, а желѣзной конусъ былъ вѣсомъ въ одинъ фунтъ. Какая при сей пробѣ въ Англійскомъ и Россійскомъ порохѣ оказалась разница, видно изъ приложеннаго означенія, сдѣланнаго Членами Артиллерійской Экспедиціи.

Англійской порохъ	Мушкетной	
	въ первой разъ бросилъ на	31 фут.
	— второй — — —	28 —
	Винтовочной	
	въ первой разъ бросилъ на	51 —
	— второй — — —	48 —

Россійской порохъ, по новому положенію дѣлаемой,	Мушкетной			
	въ первой разъ бросилъ на		37	фут.
	— второй —	—	—	35 —
	Винтовочной			
	въ первой разъ бросилъ на		53	—
	— второй —	—	—	46 —

Слѣдственно нашъ порохъ силою своею превосходитъ даже и Англійскій.

Графъ Аракчеевъ.

III.

Совѣтъ дѣвицамъ.

Когда, дѣвицы, не хотите
Любви путемъ идти къ бѣдамъ;
Внимательно стихи прочтите:
Я искренній совѣтъ вамъ дамъ.

*

Мое понятно наставленье;
Нѣтъ трудностей, загадокъ въ немъ;
Одно лишь только повторенье:
Нѣтъ, нѣтъ; отвѣтствуйте вы всѣмъ.

*

Отъ соблазнителей спѣшите,
Льстецовъ не слушайте вы бредъ;
Холодность всякому кажите,
Рѣшительно скажите: *нѣтъ*!

*

Когда старикъ угрюмой, хилой,
Возмнитъ вновь юношею быть,
Предъ вами образъ свой унылой
Въ Адонисовъ перемѣнить;

*

Хоть и смѣшно, не улыбнитесь:
Будь дряхлъ онъ, будь онъ лысъ и сѣдъ,
Смиренно, скромно уклонитесь:
Нѣтъ, дѣдушка, скажите, *Нѣтъ*!

*

Когда съ печальною кто миной
На васъ взоръ страстной возведетъ,
И въ пѣсни нѣжной и унылой
Свои страданья воспоетъ:

*

„Ужель томиться вѣкъ тобою,
„Души моей отрада, свѣтъ?
„Тронись, тронись моей судьбою!— "
Скажите Селадону: *Нѣтъ*!

*

Въ почетной, пышной кто одеждѣ
Любовь вамъ предлагать начнетъ;
Не вѣрьте счастія надеждѣ,
И барину скажите: *Нѣтъ*!

*

Когда желая новой славы
Герой начнетъ искать побѣдъ;
Чтобъ мирты взять, даетъ вамъ лавры;
И рыцарю скажите: *Нѣто*!

*

Когда богачь захочетъ звономъ
Прельстить васъ золотыхъ монетъ,
Не дорожите милліономъ,
И Крезу говорите: *Нѣтъ!*

*

Но если юноша любезный,
Въ румяномъ пламени стыда,
Къ вамъ страстію пылая нѣжной,
Даритъ вамъ сердце навсегда;

*

Словами изъяснить не смѣетъ,
Что чувствуетъ въ душѣ своей;
Взглянувъ съ нескромностью, робѣетъ,
Боится языка очей:

*

Ахъ, можно ль тутъ вамъ удержаться!
Дадите ли ему запретъ?
Сокрыться должно, иль признаться?
Тутъ: *Да*, стократно лучше *Нѣтъ*.

Казань.

Птръ. Кндрвъ.

IV.

ЭПИТАФІЯ

молодому товарищу,

А. И. Я.

Средь утреннихъ его, невинныхъ лѣтъ
Надеждой мы дня свѣтлаго прельщались;
Но, ахъ! померкъ зари его разсвѣтъ.
Мечта прошла — мы съ нимъ на вѣкъ
разстались.

Казань. *Птръ. Кндрвъ.*

V.

Любезной крестницѣ моей, дѣвицѣ Дельсаль.

(Подарившей мнѣ прекрасно ею нарисованной Руссовъ портретъ.)

Ты живописнаго мнѣ прелестью искуства,
Дельсаль, представила Жанъ-Жаковы черты,
А нѣжностью ко мнѣ своей — Руссовы чувства,
И Юліи его душевны красоты.

Переводчикъ Новой Элоизы.

VI.

Отъ Мецената къ Августу (*).

Я долго размышлялъ, Императоръ, о предложенiи, которое ты объявилъ по довѣренности, вчера бесѣдуя со мною. Ты желаешь, чтобъ я призвалъ въ Римъ знаменитѣйшихъ мудрецовъ и стихотворцовъ Греческихъ. Надѣешься въ обращенiи съ ними находить прiятнѣйшее успокоенiе отъ дѣлъ государственныхъ; награждая ихъ и ободряя надѣешься заслужить имя покровителя наукъ и художествъ; творенiями ихъ надѣешься вѣчно сохранить славу свою въ потомствѣ.

Императоръ! дозволь мнѣ теперь въ другой разъ похвалить твое намѣренiе, какъ я вчера хвалилъ его. Сiя мысль достойна великой, славолюбивой души твоей; исполненiе мысли сей, можетъ быть, единственное средство есть наслѣднику обоготвореннаго Юлiя отличиться въ свѣтѣ и въ потомствѣ.

(*) „Списано въ Ватиканской Библiотекѣ съ обертки нѣкоторой старинной книги церковной. За подлинность письма сего ручаться не можно; ибо слогъ его ни мало не походитъ на слогъ изнѣженной и вялой, какой Меценату приличенъ.“

Военными подвигами трудно тебѣ превзойти безсмертнаго твоего предшественника. Твое искуство управлять народами велико; твои законы премудры: однакожь я сомнѣваюсь, чтобы и въ семъ право первенства тебѣ принадлежало. И такъ сей одинъ только лавръ предоставленъ тебѣ отъ Юлія Цесаря. Не говорю, будто на художества и науки взиралъ онъ презрительно, какъ воинственный Марій; нѣтъ, могъ ли нелюбить ихъ тотъ, кто былъ бы первымъ витіею въ Римѣ, еслибъ не былъ первымъ полководцемъ? Безпрерывная война помѣшала ему заботиться объ изящныхъ наукахъ, и въ короткое время отдыха послѣ главныхъ упражненій, при всеобщей испорченности нравовъ, онъ признавалъ нужнѣе быть Солономъ, нежели Перикломъ своего народа.

Теперь дозволь мнѣ, Императоръ, предложить тебѣ одинъ вопросъ въ разсужденіи твоего намѣренія: почему однихъ только Грековъ, а не Римлянъ удостоиваешь ты своею бесѣдою, отворивъ имъ двери въ чертоги для свободнаго къ тебѣ доступа? Сія отличная милость къ народу чуждому, столь явное, можетъ быть незаслуженное, предпочтеніе дарованіямъ и языку народа чуждаго не сдѣлаютъ ли въ твоихъ Римлянахъ непріятнаго, даже болѣзненнаго впечатлѣнія? а особливо еще когда Греки, по

природѣ самолюбивые, станутъ гордиться тѣмъ преимуществомъ, которое первая особа въ свѣтѣ даетъ ихъ дарованіямъ, и когда они станутъ взирать презрительнымъ окомъ на тѣхъ, которые подъ предводительствомъ Цесаря и подъ твоимъ собственнымъ прославились безсмертными побѣдами, и коихъ отцы кровію своею купили царства, могущественнымъ твоимъ скипетромъ нынѣ управляемыя. И теперь уже прискорбно Римлянамъ твоимъ видѣть, что ты явно презираешь умъ ихъ, презираешь языкъ, которой служитъ, такъ сказать, мѣрою для ума; еще прискорбнѣе для нихъ будетъ, когда высокомѣрные чужеземцы, примѣромъ твоимъ ободряемые, станутъ оказывать имъ презрѣніе. При одной мысли сей духъ истиннаго Римлянина во мнѣ пробуждается, хотя я по праву тѣснаго дружества съ тобою, не гордости сихъ чужеземцовъ, но подлаго ласкательства ихъ долженъ опасаться! Ты знаешь, государь, что самолюбіе наше не ограничивается любовію къ себѣ только самому ощущаемою; наша слава и безславіе, наше счастіе и несчастіе неразлучно сопряжены со славою и счастіемъ нашего семейства, нашего поколѣнія, нашего народа, и вообще всѣхъ людей, которые говорятъ однимъ языкомъ съ нами, имѣютъ одинакіе нравы, участвуютъ въ общемъ дѣлѣ.

Главною цѣлью, къ которой желаніе твое стремится, есть любовь, преданность Римлянъ — не потому только что на сей основѣ незыблемо утвердиться можетъ твое владычество; но и потому еще что достохвальная любовь твоя, по свойству своему, требуетъ взаимнаго соотвѣтствія. И такъ привяжи къ себѣ сердца ихъ знаками того уваженія, которое всего пріятнѣе, всего вожделѣннѣе для народа, недавно перешедшаго отъ первобытной грубости своей до просвѣщенія. Заставь ихъ вѣрить, что ты дорожишь не только силою рукъ ихъ, но и душевными силами; что ты почитаешь ихъ способными сдѣлать такія чудеса посредствомъ языка величественнаго и богатаго, какія сдѣланы ими посредствомъ оружія; и что ты нетерпѣливо ожидаешь той минуты, счастливѣйшей въ жизни минуты, когда увидишь, что Римляне твои, силою оружія вознесшіеся превыше всѣхъ земныхъ народовъ, равно превзошли ихъ и способностями разума въ безсмертныхъ твореніяхъ! Будь покровителемъ, будь благодѣтелемъ отличныхъ дарованій: тогда, повѣрь мнѣ, восхищенный, преисполненный благодарности Римъ, въ началѣ златаго вѣка своего будетъ покланяться тебѣ не какъ распространителю успѣховъ просвѣщенія, но какъ единственному творцу онаго и виновнику.

Признаюсь тебѣ, Императоръ, что ни одинъ, я думаю, изъ великихъ обладателей, пожелавши возвести народъ свой на высочайшую степень просвѣщенія, не успѣетъ въ своемъ намѣреніи; ибо сіе дѣло зависитъ отъ множества причинъ постороннихъ, надъ которыми повелители свѣта не только не властны, но даже сами подлежатъ ихъ могуществу, даже сами стоятъ на той степени просвѣщенія, вкуса и разсудительности, на которой вѣкъ ихъ стоять имъ дозволяетъ. Въ прочемъ ежели предубѣжденіе о всемогуществѣ повелителя и въ семъ случаѣ имѣетъ свою силу; ежели преданный тебѣ Римлянинъ подумаетъ, что ты виновникъ такого дѣла, которое безъ твоего участія, даже безъ твоего вѣдома уже давно родилось и возрастало; ежели онъ подумаетъ, что безъ твоей любви благотворной, безъ твоей теплоты животворящей, прозябающій разумъ его не принесъ бы плодовъ столь прекрасныхъ, или по крайней мѣрѣ недостигъ бы до сей степени зрѣлости и совершенства: то употреби въ пользу такую увѣренность; заставь любить себя еще болѣе; заставь еще болѣе благоговѣть предъ достославнымъ твоимъ именемъ! Пускай народъ остается при мнѣніи своемъ, что животворному владычеству твоему онъ обязанъ всѣми утѣхами сердца и воображенія, сими утѣхами, которыя для просвѣщеннаго жи-

теля земли гораздо пріятнѣе грубыхъ чувственныхъ удовольствій, и которыя даже для мудреца драгоцѣнны, по причинѣ близкаго родства ихъ съ науками и добродѣтелью.

Правда, что питая къ Греческимъ искуствамъ любовь, которую привычка поселила уже почти во всѣхъ вельможахъ Римскихъ, ты заслужилъ бы отъ Римлянъ благодарность, когдабъ возмогъ старую засохшую пошву Греціи сдѣлать опять плодоносною, опять возрастить на ней сочные плоды и цвѣты благовонные. Но съ чѣмъ сравнить благодарность ихъ, когда бы ты явилъ себя творцемъ и покровителемъ художествъ Римскихъ, отечественныхъ, такъ чтобы весь народъ могъ наслаждаться плодами твоихъ благодѣяній! Предположимъ, что великолѣпные храмы и чертоги, которыми ты уже украсилъ и которыми впредь украсить хочешь столицу міра, были бы воздвигнуты въ Аттикѣ: и тогда Римляне твои взирали бы на нихъ, удивлялись бы имъ, достойно превозносили бы ихъ похвалами, — но только тѣ немногіе, которыхъ завели бы въ Грецію или дѣла, или науки, или забавы, а не весь народъ Римской, которой, неисключая даже воиновъ морскихъ и сухопутныхъ, постоянно живетъ на своей родинѣ. Скажи, незахотѣлиль бы тѣ немногіе у себя дома и всегда

смотрѣть на то, на что смотрѣли во время своего пребыванія внѣ отечества? Не соединилиль бы они голосовъ своихъ съ ропотомъ толпы народной, что ты расточаешь сокровища Римлянами приобрѣтаемыя, расточаешь для того чтобъ чужую землю украшать образцовыми произведеніями зодчества, между тѣмъ какъ на страну отечественную, которая должна быть тебѣ несравненно милѣе, бросаешь пасмурные, недовольные взоры?

Къ сему разсужденію прибавь еще другое, важнѣйшее. Послѣ того какъ политическое устройство Грековъ начало приходить въ упадокъ, умъ ихъ такъ состарѣлся, что даже узнать его не можно; крылья творческой способности ихъ, прежде сильныя, стремительныя, давно уже ослабѣли; осталась только слава чудесныхъ дѣяній древности, коихъ число не умножается подвигами внуковъ: какъ же можешь надѣяться, осыпая Грековъ благодѣяніями, заслужить славу и удивленіе потомства? Ободреніе и покровительство, которыя Грекамъ являешь, дадутъ поводъ Риму и всему свѣту думать, что ты не въ силахъ былъ возбудить умы, гдѣ уже ихъ не стало, и что не могъ ты привести въ движеніе способностей тамъ, гдѣ все уже поблекло, помертвѣло. Удивляйся, государь, вмѣстѣ съ мы-

сящими и чувствующими людьми всѣхъ вѣковъ, удивляйся величїю прежнихъ Грековъ; но ничего не надѣйся отъ нынѣшнихъ! Вмѣсто *Гомера* или *Пиндара* найдешь сухаго толкователя; вмѣсто *Лизїя* или *Демосѳена* увидишь болтливаго и холоднаго ритора; вмѣсто *Сократа* или *Зенона* будешь говорить съ невразумительнымъ, затѣйливымъ пустословомъ. Орудїе обработаннаго, богатѣйшаго, прекраснѣйшаго языка осталось неповрежденнымъ; но руки, которыя управлять имъ должны, или неопытны, или слабы. Великїе художники, умѣвшїе извлекать изъ него небесное доброзвучїе, очаровательную гармонїю, сошли въ подземное царство тѣней, и никакой Геркулесъ, богоподобною силою одаренный, невыведетъ ихъ въ мїръ подлунный.

Но положимъ — чему конечно не льзя и противорѣчить — что умъ Грековъ воспрянулъ бы снова отъ нынѣшняго безсилїя, и что для ихъ искуствъ настала бы жизнь новая: будетъ ли это прекрасная жизнь юности первобытной, исполненной силы, огня, отважной и счастливой дѣятельности? Вѣкъ сей, которой возможнымъ предполагаю, не скажу сравнится, но уподобится ли хоть мало прекрасному вѣку Периклову? Сносно ли будетъ великой душѣ Августа, дающаго названїе своему столѣтїю, сносно ли

будетъ видѣть себя на степени гораздо ниже сихъ малозначущихъ демагоговъ Аттическихъ?

Въ Римѣ твоемъ, Императоръ, дѣла находятся совсемъ въ другомъ состоянїи: здѣсь теперь только разцвѣлъ вѣкъ прекраснѣйшїй, ежели вѣрить всѣмъ признакамъ. Здѣсь представляются взорамъ виды столько свѣтлые и прелестные, сколь они напротивъ того мрачны и отвратительны въ Грецїи. Благодаренїе богамъ и тебѣ, Императоръ! наконецъ уже минули оные пасмурные дни, которые неблагопрїятствовали успѣхамъ просвѣщенїя; государственное устройство основано и утверждено твоею мудростїю; грудь Римлянина, которая передъ симъ воздымалась отъ усилїй излишняго славолюбїя, терзалась духомъ крамолы, мучилась безпокойствомъ объ отечествѣ, имѣнїи, жизни, теперь отдыхаетъ при благословенномъ, тобою дарованномъ мирѣ; нравы наши очистились и смягчились; богатства, лїющїяся къ намъ со всѣхъ странъ свѣта, возбуждаютъ въ насъ охоту къ тѣмъ благороднымъ забавамъ, которыя были страстно любимы народомъ Аѳинскимъ, и даютъ намъ возможность ими наслаждаться. Такимъ образомъ и у насъ открывается для дарованїй поприще, гдѣ готовятся вѣнки лавровые не въ тѣсномъ

кругу малаго числа любителей изящества получаемые, но въ присутствіи многочисленной толпы, кликами и рукоплесканіемъ поздравляющей одержавшаго славную побѣду. Знаменитая награда возбуждаетъ ревность; отъ ревности укрѣпляются душевныя силы. Подвижникъ бодро летитъ на поприще, и находитъ предлежащій себѣ путь несравненно болѣе гладкимъ, болѣе удобнымъ, нежели какимъ былъ онъ при *Эннїяхъ* и *Луцилїяхъ*. Языкъ Римлянъ, прежде бѣдный и грубый, со дней Сципїоновъ сдѣлался благороднѣе и богаче; скажу даже что безпокойныя времена споспѣшествовали дальнѣйшему усовершенствованію онаго. Великїе, сильные витїи, которые ни въ чемъ неуступаютъ Аѳинскимъ, чтобы трогать сердца Римлянъ угождали ихъ слуху; они составили языкъ изъ отборныхъ слогъ, смягчили его, предписали для него правила, обогатили его разными оборотами и фигурами, сообщили ему тонкость и красоту Греческаго, сохранивъ то величество, ту возвышенность, въ которыхъ видно свойство Римскаго народа.

Ученїе открыло тебѣ, Императоръ, въ юношескихъ лѣтахъ, какія изданы сочиненія на нашемъ языкѣ, прежде нежели ты началъ дѣйствовать на позорищѣ міра; но многія прекраснѣйшія произведенія ума, по-

слѣ того времени явившїяся, тебѣ менѣе извѣстны, потому что множество дѣлъ великихъ, требующихъ всей внимательности, недозволяютъ тебѣ заниматься ни чѣмъ постороннимъ. — Помнишь ли молодаго любезнаго Мантуанца, которому ты обратно отдалъ поля его надъ рѣкою Минцїемъ, и которой въ знакъ благодарности тебѣ сочинилъ прекрасную эклогу? У него есть много подобныхъ стихотворенїй, въ которыхъ столько красотъ, столько сладости, что онъ въ этомъ превзошелъ самаго *Ѳеокрита*, образцоваго своего пѣснопѣвца. Еще выше превзошелъ онъ *Гесїода* въ одной дидактической поэмѣ, которая навсегда останется прекраснѣйшимъ памятникомъ нашего языка и вкуса, и которую, когда прикажешь, могу прочесть тебѣ, имѣя теперь ее въ рукахъ своихъ по дружбѣ сочинителя. Сїе одно творенїе содѣлало бы имя его безсмертнымъ; ибо Музы и Грацїи сами надъ нимъ трудились: но гордая душа его не довольна побѣдою надъ *Гесїодомъ*, — нѣтъ, онъ борется теперь съ *Гомеромъ*. Хотя не можно ему будетъ преодолѣть сего великаго пѣснопѣвца, не можно будетъ ниже сравниться съ нимъ: однакожь я, видѣвшїй расположенїе и ходъ поэмы, увѣренъ, что она, послѣ *Гомеровой*, будетъ первымъ эпическимъ творенїемъ, и что вся Грецїя не возможетъ противупоста-

вить ему ничего кромѣ образца великаго, непревышаемаго. Радуюсь и поздравляю тебя, Императоръ! Тебя ожидаетъ пріятнѣйшее удовольствіе, которымъ я уже насладился; ты ощутишь множество красотъ превосходныхъ, единственныхъ.

Сочиненіями другаго рода, не менѣе знаменитаго, отличился юный трибунъ, котораго *Меркурій* нѣкогда покрылъ облакомъ (*) на поляхъ Филиппинскихъ, для того чтобъ извлечь его изъ побѣдоносной толпы, и содѣлать Римскимъ Алцеемъ, украшеніемъ нашего Парнасса. Какіе восторги! какое глубокомысліе! какая власть надъ языкомъ! какая очаровательная гармонія въ его пѣсняхъ! Но я увѣренъ, что пылкія и нѣжныя пѣснопѣнія лиры его не столько понравятся тебѣ, какъ другіе стихи легкіе, но разительной смыслъ въ себѣ заключающіе; я говорю о морально-сатирическихъ опытахъ его, въ которыхъ вездѣ открывается знаніе свѣта и сердца человѣческаго, важная мудрость *Сократова*, замысловатыя шутки *Аристофановы*. Соль, которою они приправлены, есть настоящая Аттическая, однакожь не изъ Аттики привезенная. Ими подтверждается истина, преподанная намъ *Луциліемъ* и *Лукреціемъ*, что мы не столько

(*) Горацій убѣжалъ съ поля сраженія.

зависимъ отъ Грековъ, какъ сіи гордецы о томъ думаютъ, и что мы удобны сдѣлать нѣчто болѣе, а не подражать только ихъ твореніямъ.

Но я стыжусь теперь, Императоръ, что осмѣлился превозносить языкъ Римлянъ передъ *Августомъ*, передъ тѣмъ, кто самъ и говоритъ и пишетъ на немъ совершенно; стыжусь, что рѣшился нынѣ произнести приговоръ о знаменитѣйшихъ произведеніяхъ поэтовъ нашихъ; ибо собственной вкусъ твой легче и вѣрнѣе опредѣлитъ ихъ достоинство. Удостовѣрься же самъ въ ихъ превосходствѣ, удѣли для своего *Мецената* одинъ счастливой вечеръ, и дозволь ему привести къ тебѣ *Виргилія*, *Горація* и того дѣеписателя, которой первыми книгами своей исторіи уже пріобрѣлъ отличное твое уваженіе, и которой будущими трудами своими докажетъ, что мы и повѣствованіемъ подвиговъ своихъ и самыми подвигами всѣхъ превосходимъ. Императоръ! я предварительно веселюсь духомъ, представляя себѣ съ какою живостію, по обыкновенію своему, будешь ты изъявлять удовольствіе и даже удивленіе; веселюсь еще болѣе, воображая слѣдствія твоего снисхожденія, слѣдствія благодатныя для народа, уже имѣющаго вкусъ образованный, уже страстно любящаго отечественныя художества;

наконецъ веселюсь несказанно, воображая счастливыя слѣдствія для свѣжихъ дарованій, готовыхъ къ отважнѣйшимъ предпріятіямъ. Слышу, какъ отдаленнѣйшія столѣтія превозносятъ похвалами вѣкъ твой, вѣкъ прекраснѣйшій нашего отечества; слышу, съ какимъ восторгомъ говорятъ о первыхъ образцовыхъ твореніяхъ чистаго вкуса, передъ твоими глазами возникшихъ; вижу укрѣпляющуюся и растущую гордость Римлянина и униженное, болѣе уже невысокомѣрное тщеславіе Грека, которой при всей зависти своей въ тайнѣ признаетъ мудрость твою и справедливость, коихъ гласу повинуясь ты предпочелъ народъ собственный, нынѣ безспорно ко всему способнѣйшій, чуждому народу, гораздо менѣе способному. Тогда, для удовлетворенія своего самолюбія, пускай хвалится онъ древностію подвиговъ, сладостію языка, народнымъ богатствомъ! тогда пускай унизившіеся дѣти великихъ праотцовъ, оставаясь при ничтожности своей, гордятся баснословною древностію своего рода, и ненаслѣдованными добродѣтелями предковъ знаменитыхъ!

(*Изъ Свѣт. Фил.*)

VII.

О пансїонѣ для модного воспитанїя дѣвицъ.

Надобно признаться, что на воспитанїе дѣвицъ въ прежнее время не было обращено должнаго вниманїя; но теперь ихъ разумъ возносится до такой высоты, до какой недостигалъ онъ никогда, и можно сказать, что въ наше время дѣвицы знаютъ гораздо болѣе, нежели почтенныя ихъ бабки. И такъ надобно съ благоговѣнїемъ держаться учебнаго порядка, введеннаго модными воспитательницами. А чтобы спасительныя правила моды сдѣлать еще полезнѣе; мы вознамѣрились привести ихъ въ надлежащую систему, предположивъ себѣ главною цѣлью счастїе мущинъ и славу женщинъ. Мы вознамѣрились открыть новой пансїонъ, въ которомъ постараемся воспитывать дѣвицъ по нынѣшнему достохвальному обыкновенїю. Смѣемъ увѣрить, что юныя питомицы, окончивши свое ученїе, надѣлаютъ много шуму въ свѣтѣ.

Извѣстно всѣмъ благомыслящимъ людямъ, что женщины созданы *единственно* для того, чтобъ нравиться и плѣнять. Руководствуясь сею неоспоримою истиною, мы вознамѣрились въ воспитанїи дѣвицъ *прїятное* предпочитать *полезному*. Не наше дѣ-

ло готовить матерей семейства; не наше дѣло учить хозяйству, которымъ въ старину занимались княжны и царицы Гомеровой Одиссеи. Наши дѣвицы, даже небогатыя, далеко превзошли прекрасную Навзикаю и супругу Улиссову; притомъ же онѣ никакъ не согласились бы выходить за такихъ жениховъ, каковы Гомеровы герои. Не будемъ учить ихъ ни шить бѣлья, ни вышивать узоровъ, ни считать, ни — — — можно бы написать толстую книжку, если вычислять все, чему не намѣрены мы учить нашихъ питомицъ. Развѣ недовольно, что мы беремъ на себя трудъ каждой день прибавлять къ ихъ прелестямъ новыя, приводить въ зрѣлость тѣлесную красоту ихъ, преподавать науку править сердцами? Слѣдуетъ описанїе учебныхъ книгъ и наукъ, назначаемыхъ нами для воспитанїя.

Древняя исторїя: Начало и успѣхи танцовальнаго искуства у Грековъ и Римлянъ; избранные анекдоты о Батилѣ, Пиладѣ и другихъ знаменитыхъ плясунахъ вѣковъ древнихъ; состоянїе моды при Императорахъ Титѣ и Каракаллѣ; домашняя жизнь Аспазїи, съ прибавленїемъ Разсужденїя объ одеждѣ, которую она употребляла на играхъ Олимпїйскихъ.

Исторїя новѣйшихъ временъ: Объ успѣхахъ танцовальнаго искуства въ Англїи,

во Франціи; въ Германіи и въ Россіи; исторія о рыцарскихъ трудахъ, подъятыхъ за красавицъ; домашняя жизнь *безсмертной* Ниноны Ланкло; исторія Французскаго театра, съ прибавленіемъ анекдотовъ о славнѣйшихъ актриссахъ; исторія модныхъ магазиновъ Кузнецкаго мосту, отъ начала ихъ до нынѣшняго цвѣтущаго состоянія, и проч. и проч.

Географія: Статистика модъ, или обозрѣніе женской одежды вообще у всѣхъ народовъ, и въ особенности во Франціи и департаментахъ ея употребляемой; къ сему прибавится Разсужденіе о нарядахъ, съ показаніемъ, какой уборъ какому лицу приличнѣе; въ замѣчаніяхъ при Статистикѣ упомянуто будетъ, изъ какихъ странъ привозятся лучшія шали, въ какихъ мѣстахъ дѣлаются прекраснѣйшія ленты и самыя тонкія кружева, гдѣ достаются перлы, корольки, алмазы и вообще все, что служитъ къ украшенію пригожей женщины. Думаемъ, что болѣе географическихъ свѣдѣній, какія здѣсь упомянуты, не нужно для дѣвицы, которая готовится представлять дѣйствующее лице на театрѣ большаго свѣта. — Каждой новой листокъ Парижскаго моднаго журнала немедленно по полученіи изъ Почтъ-Амта будетъ прочитанъ питомицамъ

цамъ, съ нужнымъ объясненіемъ на темныя мѣста и съ полезными примѣчаніями.

Языки: Будемъ разбирать новѣйшія Французскія пѣсни, шарады и каламбуры по правиламъ грамматическимъ; постараемся показать юнымъ питомицамъ правила едва примѣтныхъ отличій въ произношеніи, выражающимъ разныя степени страсти и чувствительности; не пощадимъ никакихъ усилій, чтобы довести ихъ до возможнѣйшаго совершенства въ спряженіи глагола aimer. Грамматика Россійская исключается навсегда изъ списка наукъ, въ нашемъ пансіонѣ преподаваемыхъ; ибо дѣвицѣ благовоспитываемой не прилично знать основательно и правильно языкъ своего отечества. Несравненно полезнѣе учиться по Италіянски, по Англійски, или даже по Нѣмецки. Мы не согласны съ тѣми, которые говорятъ, будто женщины должны безотлучно жить при своемъ семействѣ, и по сей причинѣ будемъ воспитывать Россіянокъ такимъ образомъ, чтобъ онѣ могли во всякое время предпринять путешествіе въ чужіе краи, а особливо во Францію.

Миѳологія: Для удовольствія нашихъ питомицъ выберемъ изъ древняго баснословія самыя лучшія повѣсти, какъ-то: любовныя приключенія Геро и Леандра,

Тезея и Аріадны; шалости Юпитера; исторію Данаи; судъ Парисовъ; похожденія Психеи и проч. Миѳологическія наши тетради будутъ написаны огненнымъ перомъ Дюмутье. Назначаемый Профессоръ, человѣкъ искусный въ свѣтскомъ обращеніи, въ каждую недѣлю постарается сочинять по одному мадригалу, въ которомъ питомицы будутъ сравниваемы съ Венерою и Граціями.

Танцованье, *Музыка* и *Декламація*: Здѣсь мы употребимъ всѣ усилія, чтобы питомицъ сдѣлать достойными нашихъ попеченій. Прежде всего заставимъ ихъ вытвердить наизусть *Трактатъ о танцовальномъ искусствѣ*, сочиненный во Франціи пречестнымъ отцемъ Менестрье; потомъ будемъ учить ихъ практически по осьми часовъ каждой день, до тѣхъ поръ пока не доведемъ ихъ до совершенства, то есть пока онѣ не превзойдутъ всѣхъ танцовщицъ Московскихъ и Петербургскихъ, и не сравняются съ Парижскими. Что касается до музыки, смѣемъ увѣрить почтенныхъ родителей, что дочери ихъ будутъ играть на всѣхъ употребительныхъ инструментахъ, и выучатъ всѣ новыя пѣсенки Французскія. Слова любимыхъ пѣсенъ изъ Русалки будутъ переведены на Французской языкъ; ибо въ нашемъ пансіонѣ за всякое Русское слово, даже безъ намѣренія произнесенное, положено будетъ наказаніе, смотря по важности

проступка. Сей похвальной обычай, введенный уже во многихъ домахъ иностранными учителями (*), чрезвычайно способствуетъ успѣхамъ просвѣщенія. Прекрасное искуство декламаціи или произношенія равнымъ образомъ въ небреженіи не останется; надобно, чтобы каждая питомица умѣла представлять на театрѣ. Благородная дѣвица, возвратившись изъ нашего пансіона въ домъ родительской, будетъ въ состояніи дать правильной отчетъ объ игрѣ актриссъ и актеровъ, и въ случаѣ нужды написать маленькую статью о представленной комедіи, для любителей театра.

Мораль: У насъ не будетъ особаго класса для нравоученія. Въ нынѣшнее просвѣщенное время нашли способъ во всѣхъ искуствахъ помѣщать правила нравственности; даже въ пѣсняхъ и романахъ найти ихъ можно. Извѣстно, что музыка и танцованье возбуждаютъ чувствительность, смягчаютъ нравы и украшаютъ душу. Въ драматическомъ искуствѣ равнымъ образомъ найдемъ полезные способы усовершенство-

(*) Которымъ хозяева, по благоразумной снисходительности, дозволяютъ дѣлать все, что имъ ни захочется, и безпрекословно исполняютъ полезные ихъ совѣты — я чуть было не сказалъ: повелѣнія.

Изд.

вать нравственность; ибо театръ есть училище свѣтской жизни. И такъ питомицы наши будутъ имѣть много средствъ образовать свои нравы; слѣдственно тутъ было бы лишнимъ особенное попеченіе о благонравіи. Въ прочемъ учителямъ Исторіи, Географіи и Миѳологіи незапрещается при удобномъ случаѣ говорить ученицамъ о нравственности, когда имъ вздумается.

По окончаніи годоваго ученія каждой разъ будетъ происходить въ пансіонѣ публичное испытаніе въ присутствіи многихъ содержательницъ модныхъ лавокъ и разнаго званія и ремесла иностранцовъ, достохвально отправляющихъ въ здѣшнихъ домахъ должности универсальныхъ учителей. Всѣ питомицы безъ изъятія получатъ приличныя награды; ибо мы увѣрены, что всѣ онѣ заслужатъ ихъ своими успѣхами.

Дѣвицы, въ цвѣтущихъ лѣтахъ вышедши изъ нашего пансіона, прикуютъ къ торжественной колесницѣ своей толпы молодыхъ сбожателей, которые добровольно наложатъ на себя оковы. Можетъ быть кто-нибудь спроситъ: „что будетъ съ нашими питомицами, когда пройдутъ цвѣтущія лѣта юности?“ Мы почитаемъ женщинъ такими растеніями, которыя сберегаются только для цвѣтовъ, а не для плодовъ;

почему и будемъ воспитывать ихъ такъ, чтобы онѣ до двадцати пяти лѣтъ могли прожить весело и счастливо: а далѣе — пускай себѣ живутъ какъ хотятъ. Въ прочемъ тогда ни что не помѣшаетъ имъ опять войти въ какой-нибудь пансіонъ, чтобы научиться, какъ провести зрѣлыя лѣта и спокойно достигнуть старости: но дѣло сіе до насъ не принадлежитъ.

Charle Vagabond, ci-devant Sans-culotte.
Antoinette Vagabonde, sa femme.

ПОЛИТИКА.

I.

О морскихъ правахъ Англіи.

Г. Коббетъ, Англійскій журналистъ, отличается ревностію своею, съ которою онъ защищаетъ морскія права своего отечества. Статья сія, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, очень любопытна, и мы признали за нужное сообщить нашимъ читателямъ какъ собственныя слова гн-а Коббета, такъ и примѣчанія на нихъ, взятыя изъ Сѣвернаго Журнала.

Извлеченіе изъ Weekly Political Register:

„Каждой, кто носитъ въ себѣ Англійское сердце, какое бы въ прочемъ мнѣніе ни имѣлъ о внутреннихъ дѣлахъ нашихъ, не можетъ слушать равнодушно, когда у нашего отечества оспориваютъ право на моряхъ господствовать. Всѣ Короли и Королевы, всѣ особы управлявшія Англіею, съ тѣхъ поръ какъ отечество наше называется симъ именемъ, всегда рѣшительно присвоивали себѣ господство на влажной стихіи. Исторія свидѣтельствуетъ, что

всѣ тѣ, кои отлично уважали нашу свободу, со всевозможнымъ раченіемъ держались сего спасительнаго правила. Они читали пышныя разсужденія Нѣмецкихъ и Французскихъ законоискусниковъ о правѣ народномъ; уважали только то, что относилось къ святости договоровъ; но всегда отвергали странной толкъ, будто право пріобрѣтается побѣдою на твердой землѣ, гдѣ Англичане почти ничего завоевать не могутъ, и что правило сіе не годится, когда идетъ дѣло о господствѣ на моряхъ, гдѣ по всѣмъ вѣроятностямъ только и можемъ мы дѣлать завоеванія. Имъ говорили, что притязанія въ разсужденіи господства на моряхъ основаны на слѣдующемъ положеніи: *право состоитъ въ могуществѣ*; небоясь нареканія за мнимое защищеніе деспотизма, они отвѣчали, что *опыты и разумъ научили ихъ, что въ разсужденіи взаимныхъ отношеній между народами, дѣйствительно право состоитъ въ могуществѣ.*"

„Надобно знать различіе между правами разныхъ народовъ, и правами людей одинъ народъ составляющихъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ каждой равно пользуется защитою законовъ. Но

народы во взаимныхъ отношеніяхъ своихъ не знаютъ законовъ и проч. — Хотя и есть люди, которые писали о томъ, что называютъ они закономъ народовъ; однакожь они выдавали только свое мнѣніе, ссылаясь на поступки того или другаго народа, въ такомъ или другомъ случаѣ. Никакому сомнѣнію не подвержено, что во всемъ касающемся до народовъ сила рѣшитъ *все*, закономъ ли оправдываетъ свои поступки, или обыкновеніемъ. Изъ того не слѣдуетъ однакожь, будто сильной народъ, не нарушая справедливости, можетъ дѣлать притѣсненіе маломощному. Не должно терять изъ виду различія между справедливостію и несправедливостію; но единственная ограда, которая можетъ удержать властолюбіе народа, состоитъ не въ чемъ другомъ, какъ въ попеченіи о собственной безопасности, въ опасеніи, чтобы другіе народы рано или поздно не соединились для отмщенія за обиды, нанесенныя слабому. Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть: при нынѣшнемъ дѣлъ положеніи могущество наше на моряхъ есть ли средство притѣснять другихъ, или только защищать самихъ себя?"

„Утверждаю, что при нынѣщнихъ обстоятельствахъ мы употребляемъ свое

могущество не для чего другаго, какъ для собственной защиты. Можетъ быть наступитъ время, когда мы, безвредно для себя, перестанемъ пользоваться правомъ сильнаго; но теперь нехотимъ стать подданными Франціи, и потому должны со всевозможною точностію удерживать при себѣ господство на морѣ. Отказаться отъ сихъ правъ безъ всякой другой причины, кромѣ какъ изъ угожденія народамъ, которыхъ представляютъ намъ друзьями свободы, значило бы исказить, всѣмъ извѣстную, любовь нашу къ отечеству, и подвергнуть себя презрѣнію всего свѣта. Намъ не надобна свобода ни Французская, ни Американская; намъ надобна только та свобода, за которую отцы наши сражались, и которую приобрѣли силою оружія, — сія свобода неизвѣстна ни Французамъ, ни Американцамъ."

За симъ слѣдуютъ нѣкоторыя разсужденія, неотносящіяся до морской торговли. Въ другомъ листкѣ опять начато говорить о сей же матеріи; сочинитель продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Могущество на моряхъ дозволяетъ намъ предписывать условія всѣмъ народамъ, относительно плаванія кораб-

лей ихъ. Мы можемъ имѣть у себя ключи отъ Балтїйскаго моря, отъ Индїи и отъ Китая. Въ нашей состоитъ волѣ сдѣлать, что всѣ народы станутъ покупать чужестранные товары въ десятеро дороже противъ нынѣшней покупки."

„Въ нашей также состоитъ власти пресѣчь всякїя сообщенїя на моряхъ между народами земнаго шара."

Не входя въ подробное изслѣдованїе сего дѣла, мы, по долгу Россїянина, почитаемъ нужнымъ разсмотрѣть послѣднїя два положенїя г-на Коббета, то есть: точно ли зависитъ отъ Англїи удесятерить цѣну чужестранныхъ товаровъ, и какое сообщенїе могутъ имѣть между собою земные народы, ежели путь океана будетъ для нихъ заперт? Чтобы рѣшить сїи два вопроса, надлежитъ знать мѣстныя обстоятельства, которыя не всякому извѣстны.

Первое и важнѣйшее обстоятельство состоитъ въ томъ, что товаръ, сложенный на судно въ Брестѣ на рѣкѣ Бугѣ, безъ перекладки можетъ привезенъ быть въ Бремеръ-Форденъ, то есть почти къ самому Бремену, посредствомъ каналовъ Бромбергскаго и Гавельскаго. Сей путь удобенъ для

вещей немѣлочныхъ, и мы не сомнѣваемся, что онъ давно уже могъ бы служить для торговыхъ сношенїй, еслибъ не мѣшали тому заставы въ Германїи, которыя дѣлаютъ препятство въ торговыхъ оборотахъ на твердой землѣ въ Европѣ.

Предположивъ, что сїе препятство уничтожено, и принявъ Амстердамъ за главное мѣсто складки Европейскихъ товаровъ, посмотримъ, что сдѣлаетъ Голландецъ, когда захочется ему отправить сукна въ малую Азїю, и получить оттуда хлопчатую бумагу. Онъ сложитъ сукна въ пристани залива Зюйдерзее, и между островами проведетъ оныя въ устье Везера; потомъ перевезши ихъ сухимъ путемъ до Бремеръ-Фордена, отправитъ къ Бресту, какъ выше сказано, посредствомъ рѣкъ и каналовъ, по которымъ удобно можно плыть какъ вверхъ, такъ и внизъ.

Въ Брестѣ начали дѣлать каналъ. Между тѣмъ, пока оной еще не окончанъ, товары можно препровождать сухимъ путемъ до близь находящейся рѣки Припети, которая впадаетъ въ Днѣпръ. Ежели Голландецъ захочетъ миновать пороги; въ такомъ случаѣ опять найдетъ телеги для перевозки по сухому пути чрезъ разстоянїе нѣсколькихъ верстъ. Потомъ останется ему

везти сукна свои по Черному морю и пристать въ Требизонтѣ. Отправляясь обратно, Голландецъ возметъ хлопчатую бумагу, чернильные орѣшки и проч., и тѣмъ же путемъ повезетъ свои товары; или, ежели захочетъ, найдетъ въ Одессѣ Украинскихъ извощиковъ, которые, вмѣсто того чтобъ ѣхать домой съ порожними телегами, согласятся за сходную цѣну — можетъ быть дешевлѣ, нежели во что стало бы отправленіе водою — привезти товары въ Бресть.

Ежели тотъ же Голландецъ захочетъ отправить товары свои до самой Персіи, купивши опіуму въ малой Азіи; то поплыветъ вверхъ по рѣкѣ Дону, и поровнявшись съ Царицынымъ, найдетъ обыкновенной, весьма дешевой способъ перевезти сухимъ путемъ свои товары, которыхъ цѣна возрастетъ не болѣе какъ тремя копѣйками на пудъ. Потомъ онъ поплыветъ Волгою, и войдетъ въ Каспійское море.

Г. Коббетъ говоритъ, что Англичане держатъ въ своихъ рукахъ ключи отъ Китая. Россія не имѣетъ въ сихъ ключахъ никакой нужды. Россія сама собою ведетъ торговлю съ Китаемъ, и сія торговля была бы еще обширнѣе, когда бы посылали туда піастры, какъ дѣлаютъ другіе народы. Перевозъ тысячи піастровъ обошелся бы ме-

нѣе шести рублей, а обратной путь можно совершать водою; ибо Селенга есть рѣка судоходная на самыхъ Китайскихъ границахъ. Изъ нее входятъ въ озеро Байкалъ, оттуда въ Аргунъ, потомъ въ Енисей и плывутъ до самаго Енисейска; здѣсь сухимъ путемъ переѣзжаютъ сто верстъ до Кети, и по сей рѣкѣ, потомъ по Иртышу и Тоболу достигаютъ предѣловъ Европейской Россіи. И такъ народы могутъ имѣть между собою сообщеніе, неплавая по океану.

Разсмотримъ теперь, какіе именно товары могутъ стать въ десятеро дороже, по волѣ обладателей океана. Начнемъ съ кофе. Всякой, кому случилось быть въ Венеціи передъ симъ лѣтъ за пятнадцать, знаетъ, что тамъ пили вообще Аравійское кофе, которое, сказать правду, становилось дороже Левантскаго, потому что надлежало платить великія суммы Египетскимъ Беямъ. Дорога отъ Суэца черезъ Алепъ, Орфу и Эрзерумъ до Требизонта содержитъ въ себѣ около 1,200 верстъ. Кофе покупаемое въ С. Петербургѣ привозится къ предѣламъ Имперіи сухимъ путемъ, съ малою накладкою въ цѣнѣ. А какъ извѣстно, что доставленіе на верблюдахъ становится очень дешево; то и слѣдуетъ, что въ Россіи можно имѣть Аравійское

кофе за туже цѣну, за какую получали его въ Венеціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что сахаръ есть такая вещь, которая почти оправдываетъ мнѣніе гна Коббета, а особливо при нынѣшнемъ дѣлъ положеніи. Но сіи обстоятельства легко могутъ перемѣниться посредствомъ свободнаго и безопаснаго сообщенія съ Индусомъ; для того нужно только согласіе Персовъ и Авгановъ. Въ самомъ дѣлѣ, Англичане не имѣютъ владѣній своихъ надъ Индусомъ, которой принадлежитъ къ Райѣ, независящему отъ Татты. Оренбургскіе Татары, которые иногда заѣзжаютъ въ тѣ мѣста, согласно сказываютъ, что тамъ дешевизна сахару превосходитъ всякое вѣроятіе. Отъ рѣки Индуса до Каспійскаго моря 1500 верстъ. Сахаръ, приготовленный по образцу Китайскаго и Египетскаго, то есть передѣланный въ леденецъ, можетъ быть перевезенъ чрезъ сіе разстояніе, такъ что первая очень дешевая цѣна его не возрастетъ вдвое. Кормъ верблюжій ничего не стоитъ; слѣдственно и перевозка сахару обойдется очень дешево.

Наконецъ, ежели выключить только пряные коренья, мало есть такихъ Асійскихъ товаровъ, которыхъ бы не льзя было вывозить въ Европу черезъ Россію. При-

томъ замѣтить надобно; что Россія въ продолженіе шести мѣсяцовъ представляетъ собою океанъ; будучи покрыта водою въ видѣ снѣга. Всѣ лошади, свободные въ то время отъ земледѣльческой работы, могутъ быть употреблены для перевозки товаровъ за самую сходную цѣну. Лѣтомъ великое множество рѣкъ, вливающихся въ Волгу и Каспійское море, призываетъ Россіянъ употребить свою дѣятельность на торговыя сношенія.

Никакому сомнѣнію не подвержено, что Англія закупала для своихъ флотовъ множество произведеній, и до сихъ поръ приносила Россіи такія выгоды, какихъ она не можетъ ожидать отъ другихъ торговыхъ народовъ. Ежели угрозы г-на Коббета исполнятся; то Россія сначала потерпитъ убытокъ, но послѣ, можетъ быть, въ томъ же самомъ найдетъ для себя прибыль.

II.

Статистическія извѣстія о Черногорской области.

Въ пустой книжкѣ: *Il monte nero.* Canti tre, *di Nicolao Jvellio* находимъ очень любопытныя географическія и статистическія извѣстія о Черногорцахъ.

Намъ не нужны Италїянскїе стихи, гдѣ между прочимъ написано:

Supplici andate
Al roffeggiare della novella avrora
Ai Franci Duci. A vostro pro favelli
Il custode dell' ara, & il vostro sangue
Offro al invitto Eroe, che il ciel prescielse
Sulla terra a segnar Giove secondo.

И проч. и проч.

Гораздо прїятнѣе и полезнѣе читать извѣстїя о Черногорцахъ. Г. Ивелліо есть уроженецъ изъ Спалатры, слѣдственно близкой сосѣдъ народа, о которомъ пишетъ. Помѣщаемъ вѣрное извлеченїе изъ его описанія.

Длинная цѣпь утесистыхъ горъ, на которыхъ угодно было природѣ напечатлѣть знаки своей щедрости, составляетъ между Каттаро, Боснїею и Турецкою Албанїею ту малую область, которая въ Европѣ извѣстна подъ именемъ Monte Nero, и которую сами жители называютъ *Черною Горою*. Она раздѣляется на четыре округа, съ древнихъ временъ различающихся названїями: Катениска Ная, Черница Ная, Рѣска Ная, Лѣсенска Ная. Горы простирающїяся надъ рѣкою Синицею, бывшїя прежде во владанїи Турковъ, при нынѣшнемъ *Владыкѣ* Петрѣ Петровичѣ завоеваны Черногорцами.

Область сія имѣетъ около 20,000 человѣкъ (по другимъ извѣстіямъ 12,000) войска. Печальной видъ обнаженныхъ вершинъ горныхъ нѣкоторымъ образомъ замѣняется веселыми холмами, обширными долинами и равнинами, пересѣкаемыми *Великою рѣкою* (Velica Rica), которая, равно какъ и Синица, впадаетъ въ озеро Скутари (Lago di Scutari). Пошва земли плодоносна. Жители упражняются въ рыбной и звѣриной ловлѣ, въ скотоводствѣ и землепашествѣ; однакожъ своего хлѣба едва достаетъ имъ на три или на четыре мѣсяца. Наиболѣе прибытка получаютъ они отъ овецъ и сыра. Черногорцы съ чрезвычайною грубостію соединяютъ въ себѣ чувство народной гордости, которое придаетъ имъ наружность нѣкоторой твердости въ характерѣ. Они понятливы, разсудительны и даже хитры. Въ наукахъ и художествахъ вовсе не упражняются, такъ что весьма немногіе умѣютъ читать и писать на природномъ своемъ языкѣ. Имена ихъ мало сходствуютъ съ прочими Далматскими; упомянемъ нѣкоторыя: Барисса, Новакъ, Станко, Груйо, Мергенъ, Манойло, Ракита, Бистра, и проч. Главнымъ украшеніемъ почитаютъ оружіе, и каждой старается превзойти онымъ своихъ товарищей. Черногорцы, имѣя пылкое воображеніе, до сихъ еще поръ остаются вѣрными несправедливому понятію своему о ге-

ройствѣ, процвѣтавшемъ въ среднїе вѣки. Мщенїе у нихъ есть страсть наслѣдственная, и оскорбленїе заглаждается только кровїю оскорбителя или его родственника. Народъ управляется Епископомъ, котораго называютъ *Владыкою*. Онъ и законодатель и правитель и военачальникъ и блюститель святыни. Черногорцы слѣпо ему повинуются, потому что онъ умѣетъ править ихъ умами по своему произволу.

Они вѣрятъ колдовству и привидѣнїямъ; бесѣдуютъ съ тѣнями умершихъ родственниковъ, видятъ ихъ носящихся на облакахъ, и во время нощной тишины слышатъ голоса, требующїе отмщенїя за нанесенное оскорбленїе. Простодушные люди сїи говорятъ къ мертвымъ, и даютъ имъ разныя препорученїя, которыя должно исполнить въ другомъ свѣтѣ. Стихотворство ихъ содержитъ въ себѣ описанїя страшныхъ явленїй небесныхъ, громъ водопадовъ, шумъ бури, и проч. Простота жизни и строгое цѣломудрїе дѣлаютъ женщинъ здоровыми и сильными. Женской полъ носитъ на себѣ всѣ признаки твердаго мужества. Прекрасные черные глаза плѣняютъ мущинъ слабыхъ; но надъ Черногорцами не имѣютъ они власти: ибо у нихъ жены во всемъ повинуются мужьямъ. — Нынѣшнїй Епископъ отличается строгою честностїю, дарованїями и свѣдѣнїями въ дѣлахъ политиче-

скихъ. По всему видно, что сей первосвященникъ могъ бы истребить въ народѣ своемъ невѣжество, суевѣріе и мстительность; но кажется еще не время за это приниматься.

Слѣдующія извѣстія почерпнуты изъ другихъ источниковъ. Епископъ Петръ Петровичь родился отъ бѣдныхъ людей въ Негусси, Черногорской деревнѣ, лежащей на границахъ Каттаро. Въ 1777 году онъ получилъ санъ Епископа въ Карловичѣ; оттуда отправился черезъ Вѣну, гдѣ облагодѣтельствованъ былъ щедростію Императора Іосифа II, въ С. Петербургъ. Здѣсь познакомился съ Рагузанскимъ Аббатомъ Долчи, котораго принялъ къ себѣ въ должность секретаря домашняго, и отправился съ нимъ въ отечество. Черногорцы тогда управлялись избранными двумя свѣтскими Губернаторами или Сардарами; но Епископъ не замедлилъ взять вожди правленія въ свои руки, оставивъ Губернаторовъ только при одномъ титлѣ. Онъ сдѣлалъ многія хорошія распоряженія, и ввелъ въ употребленіе картофель. Въ 1788 году онъ явилъ Россіи готовность свою вспомоществовать ей въ войнѣ противъ Турковъ. Въ 1795 отнялъ у Турковъ Верхнія горы (Monti ſuperiori); отъ Венеціанъ получалъ деньги и военные припасы. Павелъ I. пожаловалъ ему орденъ Св. Александра Нев-

скаго. Въ 1804 году Епископъ сей, подпавши подозрѣнію въ тайномъ согласіи съ Французами, сложилъ всю вину на Долчи, которой и умеръ въ заключеніи. Въ то же время Черногорцы въ присутствіи Статскаго Совѣтника Санковскаго присягнули въ вѣрности Россійскому Государству. О новѣйшихъ произшествіяхъ писано въ вѣдомостяхъ.

III.

Мой побѣгъ изъ Берлина въ Мемель въ концѣ 1806 года (*).

(Продолженіе.)

Пощажу моихъ читателей и самаго себя; не буду упоминать о времени, нѣсколько недѣль продолжавшемся, въ которое то ожидали войны, то думали, что она не начнется; о времени, въ которое сердца патріотовъ то ощущали пріятнѣйшую надежду, когда прекрасныя, одушевленныя рѣшительною отвагою войска проходили черезъ столицу, то опять предавались унынію, когда правительство отклоняло представленіе о наборѣ

(*) См. No 20, мѣсяцъ Октябрь сего года, стран. 305.

вольныхъ корпусовъ, отклоняло всякую помощь постороннюю (*). Первое обнаруживало недовѣрчивость къ усердному народу; второе показывало надѣятельность на собственныя силы, которая однакожь послѣ умышленнаго отступленія въ минувшую осень казалась не совсѣмъ вѣроятною.

Наконецъ Король отправился къ войску; никто несомнѣвался, что дѣло рѣшено; всѣ почитали себя и потому уже счастливыми, что удалена неизвѣстность. „Хорошо! хорошо!“ говорили повсюду съ благородною гордостію, и сожалѣли, что не могутъ участвовать въ семъ славномъ дѣлѣ. Еслибъ Монарху въ сіе время угодно было потребовать какой-либо жертвы, или хоть дозволить собраться корпусу охотниковъ; то Берлинъ предложилъ бы ему милліонъ талеровъ и нѣсколько тысячь людей

(*) Въ то самое время, когда всѣ ожидали близкой войны и желали ее нетерпѣливо, ночью свалилась долой съ вершины цейггауза статуя *богини побѣды* и разбилась въ дребезги. Суевѣрные ужаснулись; просвѣщенные люди старались доказывать, что *случай* сей ничего не значитъ. Изслѣдовала ли полиція, что сіе случайное произшествіе умышленно сдѣлано, чтобы произвести уныніе и замѣшательство въ народѣ — мнѣ не извѣстно.

вооруженныхъ. По несчастїю, такое расположенїе умовъ и сердецъ скоро перемѣнилось.

Усердныя мольбы подданныхъ проводили Короля и Королеву; ибо, сказать истинно, всѣ вообще любили ихъ и почитали. Въ мирное время Берлинъ — какъ вообще столичнымъ городамъ свойственно — кажется, въ преданности государю не могъ спорить съ провинцїями; во время опасности всѣ равно одушевились усердїемъ, тѣмъ болѣе что видѣли (или думалось, что видятъ) Короля окруженнаго измѣнниками; притомъ же народъ зналъ, что начинается война за его собственную безопасность, и что все его счастїе, что бытїе монархїи зависятъ отъ ходу, какой данъ будетъ дѣламъ государственнымъ. При такомъ расположенїи умовъ, неудивительно что сперва всѣ изумились, потомъ унывать стали, наконецъ огорчились, неполучая никакихъ отъ правительства извѣстїй изъ армїи, и незная ничего даже о путешествїи государя, — по крайней мѣрѣ ничего до гражданъ недоходило. Берлинскїя вѣдомости наполнены были подробнѣйшимъ описанїемъ предпрїятїй Императора Наполеона, многочисленныхъ и страшныхъ корпусовъ его; даже писано было, что, когда и по какому случаю сказалъ онъ о начинающейся войнѣ: но о Прусскомъ войскѣ ничего, совсѣмъ ничего не упоминалось; даже не было писано, гдѣ находится

главная квартира. Въ самомъ дѣлѣ объ этомъ ничего у насъ не вѣдали! Я не знаю, на комъ лежала обязанность присылать сіи извѣстія; но кто бы онъ ни былъ, и какія ни имѣлъ бы тому причины, довольно что *скромность* сія нанесла великой вредъ Монарху и государству. Онъ подавилъ участіе въ народѣ, которой съ горестію видя оказываемое ему пренебреженіе, по неволѣ долженъ былъ заключить, что дѣло, о которомъ не почитаютъ нужнымъ увѣдомлять его, вовсе до него не принадлежитъ, и что ему болѣе ничего дѣлать не остается, какъ смотрѣть на все равнодушно. А чтобы не сидѣть въ праздности, то принялись читать Французскія декларацiи и описанія о движеніяхъ непріятельскихъ; стали разсуждать о нихъ, дѣлать замѣчанія, *удивляться*: ибо извѣстіями сими наполнены были даже придворныя вѣдомости Берлинскія, между тѣмъ какъ о Прусскомъ войскѣ и о предпріятіяхъ двора не было говорено ни слова (*). Слѣдствія такой осторожности скоро обнаружились. Отъ городовъ Прусской монархіи, въ томъ числѣ и отъ Берлина, потребовано денежныхъ пособій для заготовленія зимней одежды войску. Малые городки взнесли важныя суммы; въ Берлинѣ

(*) Кто виноватъ, что Берлинскія *Вѣдомости* содержали въ себѣ шакія стран-

напротивъ того не успѣли собрать и *тридцати тысячь* талеровъ, то есть ни половины той суммы, какая на него наложена, какъ получено извѣстіе о сраженіи подъ Еною. „Какая намъ нужда до войска, — въ слухъ говорили жители — о которомъ не удостоиваютъ увѣдомить насъ, гдѣ оно находится?“ Неудовольствіе увеличилось еще болѣе, когда узнали, что Генералъ, Министръ, Губернаторъ Берлина и всего Брандебурга, Графъ Шуленбургъ-Кенертъ для столь важнаго дѣла подписался взнести только *двадцать пять* талеровъ (семь или восемь червонцовъ). Какъ это случилось? я право незнаю: хотя мнѣ и извѣстно, что Графъ человѣкъ богатой и нескупой. Говорятъ, это сдѣлано съ досады противъ тѣхъ, которыхъ почитали виновниками вызова на подписку; но поступокъ сей, по моему мнѣнію, очень низокъ и недостоинъ чиновника дальновиднаго и заслуженнаго.

Вопреки молчанію правительства и публичныхъ листковъ, носились разные

ныя *увѣдомленія*? Не хочу никого обвинять; однакожь скажу, что цензура находилась подъ начальствомъ департамента иностранныхъ дѣлъ, и что сей департаментъ наполненъ былъ родственниками и тварями кабинетнаго секретаря Ломбарда. *Сос.*

слухи о войскѣ; но слухи сїи были недостовѣрны, и злонамѣренные люди толковали ихъ по своему, то есть очень невыгодно для сыновъ отечества.

Получено извѣстїе, что первой планъ военныхъ дѣйствїй, начертанный Генераломъ Пфулемъ — планъ, которому всѣ люди въ военномъ дѣлѣ свѣдущїе удивлялись — уничтоженъ; Вестфалїя и Гессенъ оставлены. Незная тому причины, всѣ подумали, что войско уже отступаетъ, и несчастное начало войны заставило ожидать несчастнаго окончанїя.

Давно уже принято за неоспоримую истину: какъ главная сила Прусскаго войска противъ Французовъ состоитъ въ превосходнѣйшей конницѣ; то и недолжно драться съ ними на неровномъ мѣстѣ, недолжно дожидаться ихъ нападенїя, но немедленно нападать на ихъ самыхъ. Вмѣсто того пришло извѣстїе, что Прусское войско отступило въ Тирингскїя горы, и тамъ *ожидаетъ* Французовъ.

Нужно ли толковать, что выводя войско, которое уже четырнадцать лѣтъ невидало войны, противъ войска же, которое во все сїе время почти безпрерывно сражалось, ненадобно было предпринимать ничего рѣшительнаго до тѣхъ поръ, пока всѣ корпусы, даже всѣ полки въ огнѣ не побываютъ. У насъ напротивъ того сказывали,

что Герцогъ Брауншвейгскій именно велѣлъ не начинать мѣлкихъ сшибокъ, и рѣшился не прежде наступательно дѣйствовать, какъ уже соберется вся Французская армія въ одно мѣсто.

Какіе изъ сихъ слуховъ оказались справедливыми и несправедливыми, здѣсь разсматривать не нужно; довольно того, что они носились въ Берлинѣ, и злонамѣренными людьми толкованы были, какъ имъ хотѣлось, единственно по той причинѣ, что правительство необъявляло никакихъ отъ себя извѣстій.

(Будетъ продолженіе.)

IV.

Извѣстія.

Въ одномъ Англійскомъ листкѣ (Morning Chronicle) послѣднихъ числъ Сентября мѣсяца помѣщены были замѣчанія о томъ: лучше ли для Англичанъ остаться на островѣ Зееландѣ, или отправиться оттуда въ обратной путь? Изъ всего выведено заключеніе, что гораздо будетъ полезнѣе удалиться съ острова, взявъ Датской флотъ съ собою. Сочинители временныхъ изданій не всегда отгадываютъ намѣренія правительствъ; но на сей разъ Англійской поли

тикъ сказалъ правду. Незваные гости убираются съ острова со всѣми своими пожитками. Думали, что до 19 Октября, въ день срока по договору назначеннаго, ни одного Англичанина не останется на островѣ Зееландїи. Артиллеристы, гусары и большая часть Ганноверскаго легїона посажены на корабли, изъ которыхъ многїе уже поплыли. Датской флотъ давно отведенъ въ Англїйскїя пристани. Всѣ вѣдомости согласно подтверждаютъ, что Король Шведскїй требовалъ отъ Англїи 20,000 человѣкъ вспомогательнаго войска, но что послано къ нему только 10,000. Англїйскїе министры, какъ извѣстно, не очень охотно посылаютъ войска вспомогательныя къ своимъ союзникамъ. Ежели сїи 10,000 точно посланы въ Швецїю; то за это надобно благодарить не доброй волѣ Англичанъ, но стеченїю обстоятельствъ, которыя заманили ихъ въ Балтїйское море къ предѣламъ Шведскимъ.

По мѣрѣ уменьшенїя числа Англичанъ на островѣ Зееландѣ, въ разныхъ мѣстахъ появляются Датскїя войска; милицїи и земской артиллерїи велѣно собраться къ 20 числу Октября. Все принимаетъ видъ военный. Сказываютъ еще, что Е. В. Король Шведскїй будетъ отправлять должность главнокомандующаго надъ Англїйскимъ войскомъ,

и что отдаетъ весь флотъ свой въ распоряженіе Англійскаго правительства.

Въ Лондонскомъ кабинетѣ нѣсколько часовъ сряду разсуждали о причинахъ несогласія между Англіею и Сѣверо-Американскою республикою. Особенно занимались разсмотрѣніемъ отвѣта Американскому посланнику на поданную отъ него записку. Республика недовольна, какъ извѣстно, разными своевольствами, которыя позволяютъ себѣ Англичане дѣлать на моряхъ, обыскивая встрѣчающіеся корабли, и запрещая имъ входить въ чужія пристани. Увѣряютъ, что Англійское министерство хочетъ объявить запертыми всѣ приморскія мѣста, подъ Французскою властію состоящія, и что ни одинъ корабль не долженъ приближаться къ нимъ, неполучивъ предварительнаго дозволенія отъ Англіи.

Въ письмѣ изъ Лондона отъ 5 Октября сказано, что правительство все еще не оставило намѣренія снова завоевать Буэносъ-Айресъ, и что по возвращеніи флота съ Балтійскаго моря немедленно приступитъ къ исполненію оныхъ, согласясь со дворомъ Португальскимъ. Думаютъ, что начальство надъ флотомъ будетъ ввѣрено Сиру Гому Попгаму, а надъ сухопутнымъ десятитысячнымъ войскомъ Лорду Каткарту, и что сборное мѣсто назначено въ Брезиліи.

И такъ по видимому несправедлива молва, будто Принцъ-Регентъ Португальскій удовлетворилъ всѣ требованія Франціи, и не поѣдетъ въ Америку. Въ Лиссабонѣ со дня на день опасаются прибытія Французскаго войска, которое давно уже двинулось съ мѣста. Между тѣмъ еще другая запасная армія собирается на юго-западныхъ предѣлахъ Франціи, и безпрестанно усиливается. Она состоитъ изъ тѣхъ войскъ, которыя находились внутри имперіи, и непринадлежали къ большой арміи, которая все еще неполучила повелѣнія выступить изъ Германіи. — Французской и Испанской посланники выѣхали изъ Лиссабона; Португальскій посланникъ равнымъ образомъ приготовился къ отъѣзду изъ Парижа. „Сіе новое покушеніе — написано въ одномъ Французскомъ журналѣ — воспламенить огонь несогласія на твердой землѣ, уже съ давняго времени приготовлено. Въ прошломъ году Лордъ Росслинъ явился съ Англійскою эскадрою въ устьѣ Тага, и предлагалъ двору Португальскому пагубные совѣты; но твердость и благоразуміе Г-на Аранїо уничтожили его умыслы. Теперь кажется, что сей министръ наконецъ замолчалъ, видя тщетными всѣ свои старанія предостеречь дворъ отъ козней Англійскаго правительства, которое давно уже ищетъ способовъ поссорить Принца Бре-

зильскаго съ тестемъ его Королемъ Испанскимъ, и которому хочется, употребивъ посредства Португалліи, возмутить южную Америку."

Изъ Венеціи. Французская армія, которой назначено было пройти къ Дунаю черезъ Боснію, и которой передовой отрядъ находился уже въ Травникѣ и Цворникѣ, нынѣ опять расположилась въ Далматіи и Албаніи. Она однакожь безпрестанно усиливается, и можетъ увеличиться до 80 и до 100,000, когда присоединится къ ней запасный корпусъ, въ Фріулѣ и Венеціанской области находящійся.

Ключи отъ Египта все еще находятся въ рукахъ Англичанъ; коихъ агенты стараются склонить на свою сторону Мамелюковъ верхняго Египта, для того чтобы соединенными силами сдѣлать на Каиръ нападеніе. Все лишнее войско изъ Мальты отправлено въ Александрію. И такъ остается думать, что извѣстія въ Лондонѣ распущенныя о намѣреніи оставить Египетъ выдуманы — ради шутки.

Острова Архипелага находятся очень въ худомъ оборонительномъ состояніи, такъ что они безъ сопротивленія достаться могутъ той державѣ, которая прежде другихъ захочетъ овладѣть ими. — На островахъ Іонійскихъ прилѣжно трудятся надъ приго-

товленіями къ защитѣ отъ нападенія Англичанъ. Острова сіи, какъ видно изъ объявленія Генерала Цезаря Бертье, составляютъ нынѣ часть Французской Имперіи.

Въ Лондонѣ разнеслась молва въ послѣднихъ числахъ Сентября мѣсяца, будто по предложенію, отъ Французскаго правительства сдѣланному, Лордъ Мальмесбури отправится въ Парижъ для начатія переговоровъ о мирѣ. Въ слѣдствіе сего цѣна вексельнаго курса поднялась. Однакожъ извѣстіе сіе, къ сожалѣнію, не подтвердилось.

Напротивъ того надежда на окончательный миръ между Россіею и Портою кажется несомнительна. Въ слѣдствіе заключеннаго перемирія войска Россійскія, Сербскія и Турецкія стоятъ спокойно въ мѣстахъ своихъ. Переговоры продолжаются съ неутомимою дѣятельностію.

13 *Ноября.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДЕКАБРЬ, 1807.

№ 23.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Демосѳеново слово противъ Филиппа о Херсонесѣ.

Филиппъ уже занялъ войскомъ своимъ Ѳермопилы и Фокиду, которая открывала ему дорогу въ Аттику; получилъ право засѣдать въ собраніи Амфиктіоновъ, и слѣдственно участвовать въ дѣлахъ Греціи; овладѣлъ островомъ Эвбеею, откуда могъ всегда угрожать нападеніемъ на Аттику; наконецъ повелъ войска въ верхнюю Ѳракію, гдѣ по обыкновенію своему дѣйствовалъ силою оружія. Керсовлептъ, одинъ изъ владѣльцовъ Ѳракійскихъ, опасаясь предпріятій Филипповыхъ, уступилъ Аѳинянамъ Херсонесъ, полуостровъ лежащій при Геллеспонтѣ. Жители Кардіи, одного

изъ главныхъ городовъ сего полуострова, не захотѣли быть подъ властїю Аѳинянъ, но рѣшились лучше отдаться Филиппу. Аѳиняне, пославши колонїю свою въ Херсонесъ, подкрѣпили ее войскомъ, надъ которымъ начальство ввѣрили Дїопиѳу, отцу знаменитаго Менандра, комическаго поэта. Дїопиѳъ немогъ равнодушно смотрѣть на связи между Филиппомъ и жителями Кардїи; напалъ на приморскїя земли Ѳракїи, ограбилъ и опустошилъ города, и возвратился въ Херсонесъ съ богатою добычею. Филиппъ, занятый войною въ верхней Ѳракїи, немогъ на ту пору остановить Дїопиѳа, и рѣшился пожаловаться на него Аѳинянамъ. Подкупленные друзья Филипповы возстали противъ Дїопиѳа, начали охуждать поступокъ его, и требовали, чтобы велѣно было удовлетворить Филиппа, а полководца смѣнить и подвергнуть судебному изслѣдованїю. Демосѳенъ, негодуя на безумную подлость ораторовъ, защищаетъ Дїопиѳа, какъ такого гражданина, которой дѣйствовалъ для общаго блага. — Слово сїе произнесено въ третїй годъ CIX Олимпїады, при Архонтѣ Сосигенѣ.

Надлежало бЪ, Аѳиняне, чтобы витіи ваши непричастны были ни гнѣву, ни угодливости, и чтобы просто объявляли вамЪ свои мнѣнія, какія имЪ кажутся полезнѣйшими, а особливо когда разсуждаете о важнѣйшихЪ дѣлахЪ общественныхЪ. Но какЪ многіе изЪ нихЪ управляются духомЪ вражды или другими побудительными причинами; то надобно, чтобы по крайней мѣрѣ вы, отложивши всѣ частныя выгоды, опредѣляли и исполняли единственно то, что признаете полезнымЪ обществу.

О чемЪ теперь у насЪ дѣло? о Херсонесѣ и о войнѣ, которую уже одиннадцать мѣсяцовЪ ФилиппЪ ведетЪ во Ѳракіи. О чемЪ говорятЪ наши витіи? о дѣйствіяхЪ и предпріятіяхЪ Діопиѳа. Я думаю, можно бы вЪ другое время на досугѣ разсматривать поступки военачальниковЪ, которыхЪ вы по силѣ закона властны обвинять теперь или послѣ; не вижу причины, которая нынѣ заставляла бы меня или кого-либо другаго вступаться вЪ сіе дѣло. Аѳиняне! ФилиппЪ, врагЪ нашЪ, отнялЪ у насЪ города; сильные войска его покрываютЪ берега Геллеспонта; пропустивши удобное время, вы никогда обратно не получите потеряннаго: вотЪ что не терпитЪ отсрочки; вотЪ о чемЪ надобно теперь же заботиться, а не предаваться спорамЪ и вредному пустословію.

Обыкновенные споры наши кажутся мнѣ очень странными; но всего болѣе удивило меня нѣкоторое предложенїе, а именно что, говоря о нынѣшнихъ обстоятельствахъ, необходимо должно совѣтовать или войну, или миръ. Еслибъ Царь Македонскїй остался въ покоѣ, еслибъ онъ пересталъ нарушать договоры, отнимать у насъ города и области, возмущать противъ насъ всѣ народы; то намъ, безъ сомнѣнїя, надлежало бы хранить миръ, къ чему и съ вашей стороны не вижу никакого препятства. Но когда имѣемъ передъ глазами клятвенные договоры о мирѣ, вписанные въ книги узаконеннымъ порядкомъ; когда, еще прежде отправленїя Дїопиѳа и поселенцовъ, которымъ нынѣ приписываютъ снова начинающуюся войну, Филиппъ, нарушивъ договоры и справедливость, какъ изъ вашихъ же опредѣленїй явствуетъ, завладѣлъ многими нашими городами, привлекъ на свою сторону и возмутилъ противъ насъ и Грековъ и варваровъ: то какъ толковать слова тѣхъ, которые говорятъ, что надобно выбирать одно, или войну, или миръ? Намъ выбирать нечего; остается по неволѣ дѣлать, чего требуетъ нужда и справедливость, то есть отразить нападчика. Но этого-то вамъ не предлагаютъ! а говорятъ, что Филиппъ не обижаетъ насъ и не воюетъ съ нами, ибо онъ еще не коснулся ни Аттики, ни Пирея. Еже-

ли, Аѳиняне, въ этомъ состоятъ правила справедливости и условія мира; то кто изъ васъ не видитъ ясно, что сіе мнѣніе, въ прочемъ пустое, несправедливое и вредное, противорѣчитъ всему тому, въ чемъ упрекаютъ Діопиѳа? Ибо, дозволяя Филиппу сдѣлать все, чего ни захочетъ, лишь только бы онъ не касался нашей области, какую причину имѣемъ сердиться на Діопиѳа за то, что онъ защищаетъ города Ѳракійскіе? Какую имѣемъ причину обвинять его и говорить, будто онъ войну начинаетъ?

Скажутъ, что поступки Царя Македонскаго неоправдываютъ поступковъ нашего войска наемнаго, которое опустошаетъ берега Геллеспонта; Діопиѳъ захватываетъ чужіе корабли; этого терпѣть не должно. Пускай такъ; этому я не противорѣчу: однакожь думаю, что ежели только изъ любви къ справедливости подали вамъ совѣтъ сей; то обвиняя полководца, которой находитъ способы содержать вашихъ ратниковъ, и склоняя васъ распустить войско свое, кажется надлежало бы прежде доказать, что и Филиппъ свое распуститъ, когда вы согласитесь на сіе предложеніе. Еслижь это не доказано; то подумайте, Аѳиняне, что насъ опять хотятъ вовлечь въ тѣ же трудныя обстоятельства, которыя до сихъ поръ были пагубны нашему отечеству. Вы знае-

те, что Царь Македонскій во всемъ имѣлъ выгоды передъ нами единственно по тому, что вездѣ предупреждалъ насъ. Всегда имѣя при себѣ готовое войско, онъ выдумываетъ предпріятія, и тотчасъ нападаетъ, когда видитъ въ томъ надобность. А мы начинаемъ еще только готовиться, услышавъ о какомъ-либо важномъ произшествіи! вотъ отъ чего непріятель нашъ, захвативши себѣ что-нибудь одинъ разъ, спокойно владѣетъ своимъ приобрѣтеніемъ; между тѣмъ какъ мы, всегда пропуская случаи, теряя напрасно издержки, мы успѣваемъ только обнаружить свою ненависть къ непріятелю, успѣваемъ открыть свое намѣреніе, и пришедши не въ пору, со стыдомъ назадъ возвращаемся.

Будьте увѣрены, Аѳиняне, что пустословіе, которымъ забавляютъ васъ, клонится къ тому, чтобъ запереть васъ въ стѣнахъ города, и чтобы дать Филиппу способы все дѣлать, отнявши у васъ войско. Разсмотрите, что онъ теперь дѣлаетъ. Онъ теперь находится во Ѳракіи съ сильнымъ войскомъ, и — какъ увѣряютъ люди свѣдущіе — требуетъ изъ Македоніи и Ѳессаліи подкрѣпленія. Ежели, недождавшись постоянныхъ вѣтровъ, онъ осадитъ Византію; не ужели думаете, что жители города сего все будутъ оставаться при своемъ безумномъ упрямствѣ, и нестанутъ

просить у васъ помощи? Я противнаго мнѣнія; думаю, что они скорѣе захотятъ призвать къ себѣ другихъ (даже тѣхъ, къ коимъ еще менѣе нежели къ вамъ имѣютъ довѣренности), а Филиппу не отдадутся, если только онъ не предупредитъ ихъ нечаяннымъ нападеніемъ. Неполучая отъ насъ вспомогательнаго войска, котораго мы за противными вѣтрами послать невозможемъ, и котораго небудемъ имѣть въ готовности въ тѣхъ мѣстахъ, повѣрьте мнѣ, Византійцы подпадутъ власти Филиппо-вой. „Но Византійцы ослѣплены злымъ духомъ; они безумствуютъ.“ Я согласенъ; однакожь надобно спасти ихъ, для собственной нашей пользы.

Увѣрены ли мы, что Царь Македонскій не устремится на Херсонесъ? не упомянулъ ли онъ въ письмѣ своемъ, что надѣется отмстить обитателямъ Херсонеса? Ежели мы удержимъ тамъ войско свое; то оно можетъ подать помощь полуострову и безпокоить непріятеля: но ежели распустимъ войско, и ежели Филиппъ устремится на Херсонесъ; тогда что намъ дѣлать останется? Судить Діопиѳа? но къ чему это послужитъ? Отправимъ вспомогательное войско? но вѣтры будутъ ли благопріятствовать плаванію? Нѣтъ, Филиппъ неотважится напасть на полуостровъ. А кто вамъ за это поручится?

И такъ, Аѳиняне, подумайте, въ какое время, въ какую пору года совѣтуютъ вамъ удалить войско съ береговъ Геллеспонта и оставить страну сїю безъ обороны противъ Филиппа. Что ежели онъ, идучи изъ верхней Ѳракїи, оставитъ въ сторонѣ и Херсонесъ и Византїю, и нападетъ на Холкиду и Мегару, какъ незадолго передъ симъ нападалъ на городъ Орею? Не уже ли вы лучше захотите воевать противъ него здѣсь въ Аттикѣ, нежели отражать нападенїя его на отдаленныхъ предѣлахъ Аѳинскихъ владѣнїй? Не думаю, чтобы и тутъ еще можно было сомнѣваться въ выборѣ.

Разсмотрѣвши все сїе, вмѣсто того чтобы распустить войско, которое Дїопиѳъ содержитъ для обороны отечества, вы должны подкрѣпить его новыми силами, послать денегъ полководцу и доставить ему все нужное Ибо если спросить Филиппа, лучше ли угодно ему, чтобъ войско, находящееся подъ начальствомъ Дїопиѳа (каково оно, теперь нѣтъ нужды мнѣ изслѣдывать), было сохранено, усилено, ободрено правительствомъ, или чтобъ оно было разсѣяно и уничтожено по недоброхотству злоумышляющихъ ораторовъ; вѣрно онъ выбралъ бы послѣднее. Вы сами теперь хотите исполнить желанїе Филиппово. И такъ можно ли еще спрашивать, отъ чего дѣла наши

въ худомъ положенiи? Я вамъ объясню это искренно; представлю передъ ваши взоры нынѣшнее состоянiе города и безпорядочные наши поступки.

Мы нехотимъ ни взносить денегъ, ни служить на ратномъ полѣ; жадно присвоивая себѣ доходы общественные, заставляемъ полководца терпѣть недостатокъ; вмѣсто того чтобы благодарить его за попеченiя о войскѣ, которое всѣмъ снабдѣваетъ онъ своею расторопностiю, мы замѣчаемъ его поступки, охуждаемъ его предприятiя, порицаемъ средства, которыя употребляетъ онъ для успѣха въ своемъ дѣлѣ. Такимъ же образомъ во всемъ поступаемъ, и никогда нехотимъ заняться своими дѣлами. Правда, мы хвалимъ ораторовъ, которые велегласно говорятъ о славѣ отечества; а дѣйствуемъ, какъ будто бы мы держались стороны противной. Вы обыкновенно спрашиваете у ораторовъ: что надобно дѣлать? А я теперь въ свою очередь спрошу у васъ: что надобно вамъ сказывать? Ибо, ежели все нестанете взносить денежныхъ пособiй; ежели не рѣшитесь сами служить на ратномъ полѣ; ежели будете расточать общественные доходы; ежели не захотите послать Дiопиеу опредѣленныхъ денегъ, и въ добавокъ еще станете обвинять его, что онъ расторопностiю своею питаетъ войско; однимъ сло-

вомъ, ежели не рѣшитесь заниматься своими дѣлами: то мнѣ право говорить ничего не остается. Къ чему послужитъ, когда вы теперь дозволите клеветникамъ нападать на Діопиѳа, обвинять его за то, что онъ, по ихъ мнѣнію, впредь еще сдѣлать намѣренъ? И вы терпѣливо станете слушать всѣ ихъ жалобы? Я скажу вамъ, какія изъ того выдутъ послѣдствія, и скажу чистосердечно, ибо не могу иначе.

Вопервыхъ знайте, что всѣ корабельные начальники (и я жизнію своею отвѣчаю, что это правда), отплывши отъ пристаней нашихъ, получаютъ деньги отъ жителей Хіо, Эриѳреи и вообще отъ кого взять могутъ, даже отъ Грековъ Асійскихъ. У кого одинъ только или два корабля; тотъ получаетъ менѣе: напротивъ того начальнику многихъ кораблей достается много денегъ. Народы, которые платятъ деньги, дѣлаютъ это не по безумію, но съ выгоднымъ для себя намѣреніемъ; они покупаютъ у корабельныхъ начальниковъ дозволеніе свободно и безопасно отправлять морскую торговлю; пользуются защитою ихъ отъ нападенія морскихъ разбойниковъ. Люди сіи говорятъ, что все это для насъ они дѣлаютъ по доброхотству. Слѣдственно нѣтъ сомнѣнія, что и Діопиѳъ, также какъ другіе, получаетъ отъ нихъ все нужное. Ибо чѣмъ

сталъ бы онъ содержать войско, неимѣя ничего съ собою, и неполучая отъ васъ должнаго? откуда взялъ бы онъ деньги? развѣ спадутъ съ неба? но этого не бываетъ. Онъ кормитъ людей своихъ тѣмъ, что достать можетъ разными средствами, или въ займы, или въ видѣ подарка. Смотрите жь теперь, что дѣлаютъ обвинители его передъ вами? Они возвѣщаютъ всему свѣту, чтобы никто ничего недавалъ полководцу, котораго подвергаете суду, и которому запрещаете пользоваться пособїями. Вотъ истинное значенїе словъ, нѣкоторыми людьми произносимыхъ: *наконецъ онъ станетъ осаждать города; онъ навлечетъ бѣдствїя на Грековъ. . .* Отъ чего такая забота о Грекахъ Асїйскихъ? отъ того что наши крикуны мало думаютъ о дѣлахъ своего отечества. Они требуютъ, чтобъ посланъ былъ другой полководецъ противъ Дїопиѳа! вотъ чего они требуютъ! Но ежели Дїопиѳъ виноватъ, ежели онъ захватываетъ чужїе корабли; въ такомъ случаѣ ваше повелѣнїе, одно ваше повелѣнїе заставитъ его перемѣнить свои поступки. Законы предписываютъ подвергать судебному слѣдствїю такихъ нарушителей, а не вооружать противъ нихъ флоты съ большими издержками. Это было бы очень глупо. Противъ непрїятелей, неповинующихся законамъ нашимъ, должно посылать войска, снаряжать корабли, собирать

деньги; сего требуетъ необходимость: на противъ нашего согражданина довольно, говорю, послать одно законное повелѣнїе, одного нарочнаго. Всѣ тѣ, которые совѣтуютъ поступить иначе, умышляютъ вамъ пагубу.

Прискорбно, сограждане, имѣть такихъ совѣтователей; но еще прискорбнѣе, что вы принимаете столь нелѣпыя предложенїя. Стоитъ только произнести съ ораторскаго мѣста обвинительное слово противъ Дїопиѳа, Хареса, Аристофона, и возложить на нихъ всю вину бѣдствїй нашихъ; вы тотчасъ одобряете мнѣнїе, и осыпаете похвалами разскащика. Но когда другъ правды говоритъ вамъ, что одинъ Филиппъ есть виновникъ всѣхъ несчастїй нашихъ, и что безъ его честолюбивыхъ затѣй Аѳины были бы спокойны; вы не опровергаете истины, однакожь слушаете ее весьма неохотно, и кажется слова сїи почитаете для себя смертнымъ ударомъ. Знаю, отъ чего это происходитъ. Сограждане! ради боговъ, не огорчитесь тѣмъ, что свободно говорить буду для собственной вашей пользы.

Нѣкоторые изъ ораторовъ успѣли сдѣлать, что вы бываете неутомимы и страшны въ народномъ собранїи, но медленны и робки, когда надобно дѣйствовать. Ежели во всѣхъ неудачахъ обвиняютъ согражданин-

на, котораго можно отдать подъ стражу; вы охотно слушаете обвиненія. Но когда вину возлагаютъ на такого человѣка, котораго надобно усмирять съ оружіемъ въ рукахъ; вы колеблетесь, не знаете, на что рѣшиться, и не любите слушать полезныхъ совѣтовъ. Напротивъ того надлежало бы, Аѳиняне! приучить васъ быть кроткими и умѣренными въ народномъ собраніи, гдѣ разсуждаютъ о дѣлахъ гражданъ и союзниковъ, но стремительными и страшными въ войнѣ противъ соперниковъ и непріятелей. Коварные льстецы пагубною угодливостію своею до того довели, что вы любите слушать пріятныя бездѣлки, и боитесь разсуждать о важныхъ произшествіяхъ, которыя теперь наступаютъ.

Богами свидѣтельствуюсь, сограждане, что еслибъ народы Греческіе потребовали у васъ отчета во всѣхъ благопріятныхъ случаяхъ, которые потеряны отъ вашего нерадѣнія; еслибъ сказали они вамъ: „Аѳиняне! вы безпрестанно присылаете къ намъ нарочныхъ съ увѣдомленіемъ, что Филиппъ умышляетъ противъ нашей свободы, противъ свободы всей Греціи, что мы должны остерегаться его честолюбія, и тому подобное. Такъ, мы сами знаемъ, что это правда; но скажите намъ, о люди безпечнѣйшіе! скажите (это слова Грековъ), когда Филиппъ цѣлые десять мѣсяцовъ нахо-

дился въ странѣ отдаленной, когда будучи удерживаемъ войною, зимнею стужею, болѣзнїю, онъ не могъ возвратиться, воспользовались ли вы симъ случаемъ? освободилиль островъ Эвбею? позаботились ли получить обратно, что у васъ отнято? Между тѣмъ какъ вы здѣсь наслаждались праздностїю и хорошимъ здоровьемъ (если только можно здоровыми назвать тѣхъ, въ коихъ примѣчается такая слабость!), онъ опредѣлилъ въ Эвбеѣ двухъ тиранновъ, одного въ Скїаѳѣ, а другаго противъ самой Аттики, чтобы держать ее во всегдашнемъ страхѣ. Не говоря уже о прочемъ, вы даже не подумали о способахъ остановить его; давъ ему полную свободу все дѣлать, оставивши все на его произволъ, вы обнаружили, что хотя бы Филиппъ десять разъ умеръ, дѣла наши все были бы не въ лучшемъ состоянїи. За чемъ же отправлять къ намъ пословъ? за чемъ ожесточать насъ противъ Царя Македонскаго? за чемъ обременять насъ вашими жалобами?" Аѳиняне! что отвѣчали бы мы на сїи вопросы? по крайней мѣрѣ я остаюсь въ совершенномъ недоумѣнїи.

Знаю, что нѣкоторые изъ васъ думаютъ привести въ замѣшательство оратора вопросомъ: *такъ чтожъ намъ дѣлать должно?* Отвѣтъ мой на это будетъ и коротокъ, и справедливъ, и основателенъ: не надобно дѣлать того, что теперь дѣлаете.

Коснусь еще нѣкоторыхъ подробностей, желая чтобы сіи люди исполнили мои совѣты съ такою же охотною поспѣшностію, съ какою предлагаютъ вопросы.

Вопервыхъ оставьте всѣ излишнія пренія, и признайте за неоспоримую истину, что Филиппъ нарушилъ мирные договоры; что онъ противъ насъ воюетъ; что онъ есть врагъ непримиримый Аѳинамъ; что умышляетъ погибель нашему городу и всѣмъ гражданамъ, даже и тѣмъ, которые думаютъ, что пользуются его благоволеніемъ. Ежели сіи люди сомнѣваются въ справедливости словъ моихъ; то пускай взглянутъ на судьбу Эѳикрата и Ласѳена, гражданъ Олинѳійскихъ, измѣнившихъ своему отечеству и бывшихъ сперва короткими пріятелями Филиппа, но потомъ бѣдственно погибшихъ. Болѣе всего ненавидитъ онъ свободу нашу, и ни о чемъ столько не печется, какъ о способахъ разрушить наше правительство. Разсчеты его очень основательны. Онъ знаетъ, что поработивши всѣхъ, не можетъ спокойно наслаждаться плодами своего хищенія до тѣхъ поръ, пока вы будете свободны; знаетъ, что еслибъ съ нимъ случилось какое-либо несчастіе, то порабощенные народы, нынѣ страхомъ содержимые въ его власти, тогда стали бы просить у васъ защиты. Аѳиняне! вы не стараетесь ни усиливаться, ни похищать чужое; но

любите препятствовать, чтобы другїе не усиливались, стремитесь отнять неправедно присвоенное. Вы готовы сражаться противъ самовластнаго тиранна, и защищать тѣхъ, которые нехотятъ быть его рабами. И такъ Филиппъ умно дѣлаетъ, что нехочетъ безпрестанно бояться Аѳинской свободы, которая для него весьма опасна. Онъ врагъ ея непримиримой; въ сей истинѣ должны вы быть твердо увѣрены, если хотите рѣшиться на что-либо полезное.

Потомъ должны мы быть твердо увѣрены, что всѣ его умыслы, всѣ намѣренїя устремлены противъ нашего города, и что всякой, кто только старается вредить Филиппу, дѣйствуетъ для нашей пользы. Между вами конечно нѣтъ никого, кто по своему простодушїю могъ бы подумать, что Филиппъ только для бѣдныхъ деревень Ѳракїйскихъ (ибо какъ иначе назвать Дронгилу, Кавилу, Мастиру, и другїя мѣста, которыя онъ уже захватилъ, или захватить намѣренъ?) переноситъ стужу, труды и опасности, что онъ безъ зависти смотритъ на пристани наши, на житницы, на корабли, на серебряныя руды, на различныя сокровища, и что дозволяетъ намъ спокойно обладать нашею собственностїю, тогда какъ самъ среди глубокихъ снѣговъ сражается за пшеницу и просо горъ Ѳракїйскихъ! Нѣтъ, Аѳиняне! это неправда.

Что же дѣлать должны люди благоразумные, увѣренные въ предпріятіяхъ властолюбиваго Царя Македонскаго? сотрясти пагубную безпечность, издать повелѣніе о взносѣ денежныхъ пособій, потребовать ихъ отъ союзниковъ, употребить всевозможныя старанія о сохраненіи войска, которое нынѣ имѣемъ. Филиппъ всегда въ готовности содержитъ полки для нападенія на Грековъ и для порабощенія ихъ; и намъ надобно также имѣть у себя войско для защищенія слабыхъ. Повторяю: пока будете отправлять, куда надобно, вооруженныхъ людей поспѣшно собираемыхъ; до тѣхъ поръ ни въ чемъ не успѣете. Имѣйте всегда готовое войско, старайтесь снабжать его съѣстными припасами и жалованьемъ, введите порядокъ въ службѣ: тогда можно вамъ будетъ требовать отчета у начальниковъ какъ въ денежныхъ расходахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ военныхъ. Предположивши для себя правила сіи, вы удобно возможете запереть Филиппа въ Македоніи; тогда заставите его хранить условія и наслаждаться выгодами тишины, или по крайней мѣрѣ съ равными силами будете съ нимъ сражаться.

Скажутъ мнѣ: такая рѣшительность требуетъ великихъ издержекъ и много работы. Я и не спорю; но ежели вычи-

слимъ всѣ бѣдствія, которыя неминуемо постигнутъ городъ нашъ, когда не захотимъ предупредить опасности; то увидимъ, что собственная польза требуетъ отъ насъ рѣшительной дѣятельности. Ежелибъ, Аѳиняне, какой-нибудь богъ увѣрилъ васъ (ибо смертному не возможно тутъ ничего сказать утвердительно), что Филиппъ не нападетъ на васъ, хотя вы и не оставите своей безпечности; не стыдно будетъ вамъ, сограждане? Всѣми богами свидѣтельствуюсь, что вы помрачите славу предковъ своихъ и отечества, когда свободою цѣлой Греціи пожертвуете своему спокойствію. Я лучше умру, нежели соглашусь подавать такіе совѣты. Пускай другой предлагаетъ вамъ, что ненадобно вооружаться.

Но ежели всѣ вы гнушаетесь такимъ постыднымъ мнѣніемъ, ежели всѣ вы знаете вмѣстѣ со мною, что чѣмъ спокойнѣе смотрѣть будете на Филиповы успѣхи, тѣмъ болѣе станетъ усиливаться врагъ нашъ; то за чемъ откладывать? за чемъ медлить? Развѣ надобно дожидаться, пока необходимость заставитъ насъ дѣйствовать? но истинная необходимость, какую только люди свободные могутъ чувствовать, давно уже тѣснитъ насъ. Не уже ли станемъ дожидаться еще другой необходимости, рабской? Чѣмъ отличается рабъ отъ свобод-

наго человѣка? одинъ болѣе всего страшится безчестія; другой боится тѣлеснаго наказанія. Аѳиняне! дай Богъ, чтобъ вы никогда не узнали сей необходимости! Я стыжусь даже говорить о ней.

Я хотѣлъ бы разсказать вамъ всѣ хитрости, употребляемыя здѣсь, для того чтобъ ввести васъ въ заблужденіе; умолчу о другихъ, упомяну только о слѣдующей. Лишь только начинается рѣчь о Филиппѣ; нѣкоторые люди тотчасъ, поднявшись съ мѣста, восклицаютъ: какъ пріятно наслаждаться миромъ! какъ тягостно содержать войска! какъ убыточны всѣ сіи приготовленія для нашихъ доходовъ! — Вотъ обыкновенныя слова, которыми усыпляютъ васъ; а между тѣмъ даютъ время Филиппу исполнять его намѣренія. Такимъ образомъ всѣ получаютъ желаемое: вы наслаждаетесь драгоцѣнною своею праздностію; (дай только Богъ, чтобъ она не обошлась вамъ очень дорого!) непріятель усиливается; льстецы пріобрѣтаютъ вашу благосклонность и получаютъ отъ Филиппа золото.

По моему мнѣнію, не васъ должно склонять къ миру, ибо вы и безъ совѣтовъ слишкомъ уже миролюбивы; я хотѣлъ бы, чтобъ Филиппа къ тому склонили, потому что онъ живетъ и дышетъ войною. Мы

должны тягостными почитать не издержки, употребляемыя для нашей же обороны, но тѣ бѣдствія, которыя постигнутъ насъ, когда станемъ жалѣть издержекъ. Нѣтъ сомнѣнія, что надобно прекратить расточеніе доходовъ общественныхъ; но для того требуется присмотръ и порядокъ, а не скупость, вредная отечеству. Въ прочемъ я весьма удивляюсь, что злоупотребленія, которыя всегда предотвратить можно, и за которыя вы имѣете право наказывать виновныхъ, такъ чувствительно огорчаютъ нѣкоторыхъ людей, между тѣмъ какъ тѣ же самые люди ни мало не огорчаются, что Филиппъ мало помалу всю Грецію порабощаетъ, и на васъ самыхъ напасть готовится!

Въ самомъ дѣлѣ какъ изъяснить, что когда Македонецъ съ оружіемъ въ рукахъ не перестаетъ дѣлать обиды, вездѣ порабощаетъ города, люди сіи не жалуются на такую несправедливость; напротивъ того лишь только станетъ кто-нибудь совѣтовать вамъ, чтобъ воспротивились его насильству и защитили бы свою вольность, въ ту минуту начинаютъ кричать: это вызовъ на войну? Мнѣ извѣстна причина: они хотятъ, чтобы въ случаѣ замѣшательства отъ войны (какая же война и не имѣетъ ихъ?) негодованіе ваше пало не на Филиппа, но на тѣхъ гражданъ, которые подавали вамъ полезные совѣты; имъ хочется

въ одно и тоже время обвинить невинныхъ и отвратить отъ себя достойное наказанїе. Вотъ истинная причина безпрестанныхъ воплей противъ войны; ибо, еще повторю, прежде нежели кому-либо изъ васъ приходило на мысль говорить о войнѣ, Филиппъ уже захватилъ многїе города ваши, и наконецъ передъ симъ не задолго прислалъ вспомогательное войско къ возмутившимся жителямъ Кардїи. Если же и теперь еще мы по упрямству станемъ думать, что все это неправда; повѣрьте мнѣ, что онъ не позаботится выводить насъ изъ заблужденїя, ибо знаетъ, что это было бы очень глупо. Скажу болѣе: онъ и тогда станетъ увѣрять, что противъ васъ не воюетъ, когда вступитъ въ ваши владѣнїя. Не это ли сказывалъ онъ жителямъ Ореи, когда войска его уже на ихъ землѣ стояли? не это ли сказывалъ онъ жителямъ Фереса, подступивши къ ихъ городу? не это ли онъ повторялъ жителямъ Олинѳа, до тѣхъ поръ пока не пришелъ къ нимъ съ войскомъ? Точно то же и съ нами послѣдуетъ; и когда мы захотимъ обороняться, почтенные друзья его закричатъ: для чего войну затѣваемъ? Такъ, сограждане! лучше добровольно наложимъ на себя иго: ибо это обыкновенная участь тѣхъ, которые не заботятся отразить дѣятельнаго непрїятеля.

Вѣдайте еще, Аѳиняне, что вы подвергаетесь большей опасности, нежели другіе народы Греціи. Филиппъ умышляетъ не только поработить васъ, но даже истребить на вѣки; ибо знаетъ, что вы не рождены для рабства, и что привыкнувши начальствовать, не можете исполнять чужія повелѣнія, хотя бы сами того захотѣли. Онъ знаетъ, что при первомъ случаѣ вы надѣлаете ему болѣе хлопотъ, нежели вся Греція.

И такъ не дожидайтесь, пока онъ доведетъ васъ до крайности; возгнушайтесь измѣнниками, и велите предать ихъ казни. Не можно побѣдить внѣшняго врага, не наказавши прежде враговъ внутреннихъ, его сообщниковъ. Въ противномъ случаѣ, сіи наемники всегда будутъ останавливать намѣренія ваши, и вы непремѣнно подпадете игу завоевателя.

Какъ вы думаете, Аѳиняне! почему Филиппъ дерзаетъ явно оскорблять васъ? почему теперь уже угрозами стращаетъ васъ, между тѣмъ какъ всѣхъ другихъ старается обманывать притворнымъ угожденіемъ? На примѣръ, Ѳессалію онъ поработилъ, прежде оказавъ ей немаловажныя одолженія. Какими хитростями дурачилъ онъ несчастныхъ жителей Олинѳійскихъ, которымъ сначала отдалъ Потидею и другія крѣпости! Даже

теперь, освободивши Ѳивянъ отъ войны продолжительной и тягостной, онъ дозволяетъ имъ господствовать въ Віотіи! Всѣ народы, изъ которыхъ одни уже страдаютъ, другимъ еще только угрожаетъ несчастіе, сперва по крайней мѣрѣ пользовались нѣкоторыми выгодами. Напротивъ того — не говорю уже о хищеніяхъ его во время войны — васъ, Аѳиняне, сколько онъ обманывалъ даже при самомъ заключеніи мира? чего онъ у васъ не отнялъ? не завладѣлъ ли онъ Фокидою и Ѳермомилами? во Ѳракіи не захватилъ ли Дориска, Серріи и самаго владѣтеля Керсовлепта? не присвоилъ ли Кардіи, и не хвалится ли своею добычею? Отъ чегожь сіе различіе въ поступкахъ Филипповыхъ? Отъ того, сограждане, что у насъ только свободно можно говорить въ пользу непріятеля; у насъ только измѣнникъ, получающій отъ него плату, безопасно можетъ вступаться за грабителя передъ тѣми, которыхъ онъ грабитъ. Въ Олинѳѣ не льзя было говорить за Филиппа до тѣхъ поръ, пока народъ не пользовался его одолженіями и не получилъ Потидеи. У Ѳессалійцовъ не льзя было говорить за Филиппа, пока государь сей не освободилъ ихъ отъ тирановъ, и города Пилъ не подчинилъ ихъ власти. Въ Ѳивахъ не льзя было говорить за Филиппа, пока онъ не поработилъ имъ Віотіи, и не разорилъ Фокиды. Только въ Аѳи-

нахъ можно вступаться за Филиппа, не смотря что онъ отнялъ у насъ Амфиполь и Кардїю, что укрѣпился на островѣ Эвбеѣ, чтобъ содержитъ въ страхѣ всю Аттику, и что даже теперь идетъ съ войскомъ своимъ къ Византїи! Этого не довольно: друзья его, прежде неизвѣстные и бѣдные, вдругъ сдѣлались и славными и богатыми, между тѣмъ какъ ваше богатство превратилось въ бѣдность, ваша слава въ поношенїе. Такъ, сограждане! по моему мнѣнїю богатство республики состоитъ въ числѣ союзниковъ, въ любви и вѣрности народовъ; и того и другаго мы лишились. Между тѣмъ какъ вы спокойно смотрите на произшествїя, и дозволяете грабить себя, Филиппъ сдѣлался богатъ, силенъ, страшенъ и Грекамъ и варварамъ: напротивъ того Аѳины всѣми презрѣны, оставлены; богаты великолѣпїемъ, но бѣдны могуществомъ. Еще замѣчу, что многїе ораторы подаютъ совѣты, которымъ сами не слѣдуютъ: они убѣждаютъ васъ наблюдать тишину и тогда, какъ на васъ нападаютъ; между тѣмъ сами не молчатъ, хотя и никто ихъ не обижаетъ.

Кто-либо изъ нихъ теперь скажетъ: однакожь ты не предлагаешь рѣшительнаго опредѣленїя о начатїи войны! ты боишься подвергнуть себя опасности! — Не будучи

ни дерзкимъ, ни наглымъ, ни безстыднымъ, смѣю приписывать болѣе рѣшительности себѣ, нежели прочимъ нашимъ ораторамъ. Говорить о дѣлахъ, осуждать на изгнанїе, предлагать о подаркахъ, выдумывать обвиненія, не заботясь о благѣ общемъ — для этого не требуется большой отваги. Говорить и дѣлать все вамъ угодное не значитъ быть смѣлымъ. Но часто противуборствовать вамъ для вашей же пользы; искренно служить вамъ, не думая объ угодливости; находить доброхотовъ себѣ между такими людьми, которые болѣе уважаютъ богатство, нежели доказательства разума, и подвергаться негодованїю той или другой стороны: вотъ долгъ гражданина неробкаго и полезнаго; и долгъ сей, божусь вамъ, не въ томъ состоитъ, чтобы, по примѣру другихъ, минутному вашему удовольствїю жертвовать драгоцѣнными выгодами отечества. Я не подражаю такимъ людямъ, даже не почитаю ихъ достойными Аѳинъ гражданами. Можетъ быть, спросятъ меня: что ты сдѣлалъ для республики? Не упоминая о корабляхъ мною вооруженныхъ, объ играхъ подъ моимъ распоряженїемъ отправленныхъ, о денежныхъ пособїяхъ отечеству предложенныхъ, объ искупленїи плѣнниковъ и другихъ дѣянїяхъ, — скажу только, что я проложилъ себѣ новую дорогу въ правительствѣ; что могши, подобно другимъ, об-

винять, льстить, осуждать на изгнанїе, словомъ — дѣлать, что почти всѣ дѣлаютъ, я ни въ чемъ томъ не участвовалъ ни для честолюбїя, ни для корысти; не переставалъ подавать вамъ полезные совѣты, которые уменьшали ваше ко мнѣ благоволенїе, но увеличили бы славу вашу, когдабъ вы имъ слѣдовали. Говорю смѣло и не боюсь зависти. Я былъ бы человѣкъ безчестной, когда бы предпочелъ поведенїе, которое, вознесши меня выше всѣхъ, поставило бы васъ ниже всѣхъ народовъ Грецїи. Истинный сынъ отечества подавая совѣты долженъ имѣть въ виду славу отечества; онъ долженъ предлагать не то что легче, но что полезнѣе. Всякъ по врожденной склонности выбираетъ для себя, что удобнѣе исполнить можно; честной ораторъ сильными доводами заставляетъ дѣлать, что полезнѣе.

Говорятъ, что совѣты мои очень полезны, но что въ нихъ однѣ только слова, между тѣмъ какъ отечество требуетъ дѣйствїя. Я думаю, весь долгъ оратора состоитъ не въ чемъ другомъ, какъ въ подаванїи хорошихъ совѣтовъ; доказываю слѣдующимъ разительнымъ примѣромъ. Извѣстно, что Тимоѳей нѣкогда предлагалъ вамъ защищить Эвбею отъ нападенїя Ѳивянъ. Вотъ слова его: „Аѳиняне! между тѣмъ какъ вы разсуждаете, что дѣлать должно, Ѳивяне уже на остро-

вѣ! И вы не велите собрать кораблей? теперь же не устремитесь къ Пирейской пристани? теперь же не поплывете къ Эвбеѣ?“ Тимоѳей сказалъ; вы исполнили; слова и дѣйствія увѣнчали успѣхомъ предпріятіе. Но еслибъ Тимоѳей подалъ вамъ совѣтъ наилучшій, а вы по безпечности своей ничего бы не предприняли; скажите, приобрѣлиль бы Аѳины громкую славу? Никакъ. Равнымъ образомъ и теперь я и другіе можемъ вамъ служить полезнымъ совѣтомъ; въ вашей волѣ исполнить и не исполнить.

Повторю все въ короткихъ словахъ, потомъ сойду съ мѣста. Я говорю, что надобно собрать денежныя пособія; надобно сохранить войско, которое теперь имѣемъ въ готовности; надобно исправить злоупотребленія, но неразрушать всего, единственно изъ угожденія нѣкоторымъ; надобно во всѣ страны отправить пословъ, которые пеклись бы о выгодахъ республики и одушевляли бы Грековъ. Но прежде всего надобно наказать подкупленныхъ измѣнниковъ; надобно гнушаться ими, вездѣ преслѣдовать ихъ, и сдѣлать извѣстнымъ, что добрые граждане вознамѣрились пещися и о себѣ и о другихъ. Если примете совѣтъ мой, Аѳиняне, если оставите безпечность свою; то можетъ быть скоро дѣла ваши перемѣнятся. Напротивъ того ежели, живучи спокойно въ городѣ,

станете горячо одобрять ораторовъ и лѣниво дѣйствовать; то никакія слова, никакіе совѣты не спасутъ отечества.

II.

Мои мысли.

Гордость — разумѣю благородная — должна быть видна и въ монархѣ и въ народѣ, для того чтобы заставить себя уважать и страшиться, — въ бѣдномъ и несчастномъ человѣкѣ, для того чтобы заставить почитать добродѣтель и въ рубищѣ . . . . .

*

Кто не былъ несчастливъ, не знаетъ, что есть истинно наслаждаться счастіемъ; кто не видѣлъ ужасовъ бури, не ощущаетъ живаго удовольствія въ ясную погоду; кто не былъ палимъ солнечнымъ зноемъ, не знаетъ, что есть прохлада тѣнистой рощицы и свѣжія струи ручейка кристальнаго! . . .

*

Когда безсмысленные мальчишки бросаютъ въ меня каменьями, что долженъ я дѣлать? — бѣжать отъ нихъ и спрятаться за высокимъ заборомъ.

*

Женщины любятъ страстно, ненавидятъ страстно (*), чувствительны до страсти; — мущины любятъ съ хладнокровіемъ, отвергаютъ руку помощи съ хладнокровіемъ; убиваютъ другъ-друга съ хладнокровіемъ . . . .

❋

Я шелъ по улицѣ; — израненная собака лежала въ углу; — на жалостные стоны пришла туда другая собака, и въ ту же минуту начала лизать раны больной; не отошла до тѣхъ поръ, пока не увидѣла, что ей стало легче. — Звѣрь чувствуетъ состраданіе — а человѣкъ просвѣщенный, съ разумомъ, съ сердцемъ (**)!! —

❋

Бѣдные и несчастные не могутъ найти себѣ друзей въ знатныхъ вельможахъ; ибо сіи послѣдніе оказываютъ вспомоществованіе не изъ любви къ нимъ, но

(*) Умѣютъ онѣ и мстить дерзкимъ — прощая! . . .

(**) Не споримъ, что есть люди жестокіе, незнающіе состраданія; однакожь, не унижая достоинства чувствительныхъ собакъ, можно сказать навѣрное, что въ обществѣ человѣческомъ болѣе найдемъ примѣровъ добросердечія, нежели между животными.

изъ одного тщеславія: — станетъ ли слабый цвѣтокъ искать себѣ защиты отъ сильныхъ порывовъ вѣтра подлѣ величественнаго, гордаго дуба? — нѣтъ, онъ прижмется къ такому же слабому цвѣтку — и они крѣпко обовьются одинъ около другаго . . . .

*

Какое различіе между женщиною и Царемъ Персидскимъ? — Деспотическое правленіе первой основано на законахъ природы — то есть красоты и добродѣтели; а втораго — на законахъ, установленныхъ съ одной стороны жестокостью, съ другой страхомъ. — Какъ пріятна и сладостна неограниченная власть первой, ибо она связываетъ смертныхъ узами любви! — какъ несносно безпредѣльное могущество втораго, ибо оно оковываетъ подданныхъ тяжкими цѣпями тиранства (*)! . . . .

*

(*) Неограниченная, *во зло употребляемая* власть женщины столь же несносна, какъ и безпредѣльное могущество Персидскаго Царя, *во зло* имъ *употребляемое.* Люди уже наслаждались счастіемъ, живучи подъ властію отеческою, на взаимной довѣренности и правителя и управляемыхъ основанною, прежде нежели пришло имъ на мысль писать общественные договоры.

Изд.

Великій человѣкъ, прославившійся умомъ своимъ или мужествомъ, не можетъ равнодушно взирать на людей, стремящихся на равную степень высоты; онъ старается заградить имъ путь ко славѣ; онъ страшится раздѣлить ее съ соперниками своими; онъ желаетъ, чтобы вселенная удивлялась ему одному, чтобы ему одному курила ѳиміамъ хвалы безконечной . . . . Таковъ ли *великій мужъ*? Нѣтъ, имя сіе тому принадлежитъ, кто не знаетъ зависти и самолюбія; кто приноситъ должную дань превосходнымъ дарованіямъ, и радуется отъ всего сердца, видя общіе успѣхи; кто снисходительностію торжествуетъ надъ своими соперниками. Онъ подноситъ каждому изъ нихъ по вѣнку — и въ то самое время тысячи вѣнковъ летятъ къ ногамъ его.

И. Лож — въ.

С. Кривякино.

III.

НА КОНЧИНУ

Михайла Матѣевича Хераскова.

Et moi, je viens aufsi prononcer d'une voix foible quelques mots aux pieds de fa ftatue. — *Thom.*

Друзья ума, таланта, славы!
Несите слезы и сердца,
На слѣдъ и въ гробѣ величавый,
Предъ тѣнь безсмертнаго Пѣвца,
Который лирою златою
Всегда, какъ богъ искусствъ, владѣлъ,
Хвалу гремѣлъ Царю-Герою (1),
И славилъ блескъ народныхъ дѣлъ (2);
Который съ ней и въ буряхъ свѣта
Себѣ убѣжище творилъ;
Въ прекрасной участи Поэта
Для славы пѣлъ, для мира жилъ;
И свыше вдохновеннымъ даромъ
Какъ въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ блисталъ,
И въ поздныхъ дѣлахъ съ сердечнымъ жаромъ
Еще во струны огнь бросалъ;
Еще взыгралъ для насъ на лирѣ
Красу земли, красу небесъ (3),
Взыгралъ — и съ гимномъ громкимъ въ мірѣ,
Подъ сѣнью вѣчности, изчезъ . . . . .

---

(1) Іоанну.

(2) Въ Россіядѣ.

(3) Въ одномъ изъ его послѣднихъ стихотвореній: *Солнце.*

Но умъ его не могъ затмиться;
Поэтъ въ небесныхъ гимнахъ живъ;
Въ потомство эхо прокатится:
Сей гласъ въ вѣкахъ краснорѣчивъ.

Владиміръ Измайловъ.

IV.

Пѣсня.

(На голосъ: *Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить*)

Проходи ты лѣто красное скорѣй!
Ты поблекни красота луговъ, полей!
Пожелтѣйте всѣ листочки на древахъ!
Не теките воды быстры въ ручейкахъ!
Другъ сердечный уѣзжаетъ отъ меня;
Въ грусти, въ скорби остаюся я одна.
Все мнѣ скучно, все не мило безъ него;
Я лишаюся веселья своего.
Не забудь меня, мой миленькой дружокъ!
Къ бѣдной дѣвушкѣ не будь ко мнѣ жестокъ!
Ты не дай съ тоски, съ кручины умереть!
Ахъ, легко ли сердцу милаго не зрѣть!
Вспоминай, мой другъ, почаще обо мнѣ
На чужой и незнакомой сторонѣ!
Хоть увидишь и пригожѣе меня; —
Но найдешь ли, чтобъ любилъ кто такъ тебя? —

Будь извѣстенъ — мнѣ никакъ не перенесть,
Какъ услышу отъ людей я добрыхъ вѣсть:
Что другую ты увидѣлъ, полюбилъ;
Что меня, мой свѣтъ, покинулъ, позабылъ!
Не сыщу ни въ чемъ отрады я себѣ;
Пропадаю съ тоски и съ горя по тебѣ!
Смерти будешь ты причиною моей;
Станешь Богу отвѣчать одинъ ты въ ней!
Можетъ быть тогда вспомянешь и меня;
Но въ сырой землѣ лежать ужь буду я!
Ты напрасно станешь плакать, тосковать; —
Ахъ, слезами изъ могилы не поднять!

Н. Граммапинъ.

V.

ЭПИТАФІЯ.

(К. А. М. Г.)

Голицынъ здѣсь лежитъ! . . . . почій свя-
щенный прахъ! —
Ты въ добродѣтеляхъ провелъ маститу ста-
рость,
Примѣромъ доказалъ, что есть на свѣтѣ
благость,
И будешь вѣчно жить въ чувствительныхъ
сердцахъ!

Таушевъ.

VI.

Смѣсь.

Въ новомъ Йоркѣ, Іюля мѣсяца, сдѣланъ опытъ надъ изобрѣтенною г-мъ Сультономъ *подводною* машиною, посредствомъ которой можно разрушать корабли. Изобрѣтатель, нырнувши съ баркою своею во глубину, направилъ стремленіе къ одному старому судну, поднимающему 300 бочекъ; судно сіе тотчасъ взлетѣло на воздухъ, при ужасномъ трескѣ. Г. Сультонъ дѣлаетъ теперь *паровую* барку чрезвычайной величины, а именно во 140 футовъ длиною. Паръ будетъ въ ней главною движущею силою, съ помощію которой судно поплыветъ, куда угодно изобрѣтателю.

Въ одномъ изъ новѣйшихъ листковъ Сѣверной пчелы находимъ извѣстіе отъ 22 Августа, что г. Сультонъ на новой *паровой* баркѣ своей совершилъ уже одно путешествіе изъ новаго Йорка въ Албани и обратно. Онъ былъ въ пути четыре дня.

*

Въ одномъ Лїонскомъ журналѣ помѣщены любопытныя подробности о нѣкоторомъ чудесномъ обжорѣ, удивляющемъ нынѣ весь городъ. Человѣкъ сей называется Шарль Домери. Желудокъ у него столь ненасытной, и варитъ всякую пищу такъ скоро, что бѣдной Шарль долженъ вставать по нѣ-

сколько разъ ночью. Въ случаѣ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, онъ куритъ табакъ, или жуетъ и глотаетъ траву. Имѣя тринадцать лѣтъ отъ роду, во время осады Тїонвилля онъ бѣжалъ изъ полку, въ которомъ тогда служилъ, и въ которомъ на ту пору недоставало провїанту. Желудокъ его терпитъ одно сырое мясо, но жаренаго не принимаетъ; жирное также для него вредно. Шарль ѣстъ всякую дичину съ кожею и перьями; часто страдаетъ отъ запору, и черезъ нѣсколько времени извергаетъ изъ себя червей клубками. Ему кажется, что носитъ въ себѣ большой глистъ уже около шести или семи лѣтъ. Сей обжора тонокъ и сухощавъ, какъ всѣ плотоядныя животныя; онъ потѣетъ много и выпускаетъ мочи немалое количество; прочїя дѣйствїя тѣла его не имѣютъ въ себѣ ничего необыкновеннаго. Винограднаго вина не любитъ; вода, какъ самъ говоритъ, производитъ въ немъ рвоту; охотно пьетъ водку, пиво и теплую кровь, и проч. Одинъ Лїонскїй врачь теперь дѣлаетъ надъ нимъ свои наблюденїя.

❋

Его Величество Императоръ Францъ II, проѣзжая въ минувшемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ черезъ городъ Раву, соизволилъ посѣтить тамошнюю гимназїю. Въ сїе время одинъ ученикъ сидѣлъ на особливомъ, возвышен-

номъ мѣстѣ. Е. В. спросилъ: для чего тутъ сидитъ онъ особливо отъ другихъ? Въ отвѣтъ донесено, что этотъ молодой человѣкъ есть — Графъ. Императоръ сказалъ, что въ церкви и въ училищѣ никакого старшинства не наблюдается въ разсужденіи гражданскихъ отличій, что молодой Графъ долженъ сидѣть на ряду съ прочими учениками, и что первое мѣсто принадлежитъ отличившемуся успѣхами въ ученіи. Въ ту самую минуту, по волѣ Государя, вызванъ отличнѣйшій ученикъ, и посаженъ на мѣстѣ Графа. — Прекрасной урокъ! — однакожь не для тѣхъ, которые оставляютъ дражайшихъ чадъ своихъ въ полу-французскомъ невѣжествѣ, и нехотятъ посылать ихъ въ училища, гдѣ они должны были бы сидѣть вмѣстѣ съ небогатыми дворянами и разночинцами.

*

Слова *Князь* и *Книга*, по мнѣнію Сербскаго Архимандрита Іосифа Путника (*), происходятъ отъ одного корня. Сербы называютъ *Княземъ* начальника сельскаго общества или судью; то же можно сказать и

(*) См. Опытъ произведенія именъ сихъ: Князь и Книга. Въ Будинѣ градѣ, письмены Кралевскаго *Всеучилищах Пештанскаго*. 1805.

о другихъ Славянскихъ народахъ, обитающихъ въ Венгріи, Славоніи, Босніи, Далмаціи и Валлахіи, кромѣ что у сихъ народовъ слово *Князь* выговаривается различно, смотря по нарѣчію. У западосѣверныхъ Славянъ, то есть у Словаковъ верхней Венгріи, у Моравцовъ, Богемцовъ, Лузатцовъ и Силезцовъ *Князь* означаетъ приходскаго священника (*). Въ Богемскомъ переводѣ Евангелія Св. Луки (гл. 10, ст. 31), гдѣ у насъ поставлено *священникъ*, у нихъ читается — *Князь*. Въ Библіи слово сіе не имѣетъ постояннаго знаменованія; иногда значитъ оно владѣтеля; на примѣръ (Псал. 2): предсташа Царіе земстіи, и *Князи* собрашася вкупѣ на Господа и на Христа его. иногда старѣйшину дома, или рода, или племени, или сонма; на примѣръ: *Князь* дому отечества (Числъ гл. 25. ст. 14); *Князь* племене сыновъ Израилевыхъ (Числъ гл. 30, ст. 2. и гл. 34 ст. 18); *Князь* сонма (Числъ гл. 32, ст. 2) и проч. И такъ спрашивается: откуда произходитъ слово *Князь*? Г. сочинитель думаетъ, что въ Словарѣ, изданномъ Россійскою Академіею, оно изъяснено неправильно, и потому отважившись пуститься въ пространное море

(*) И у Поляковъ, у которыхъ священникъ (Pfarrer) называется *Ксендзъ*, а Князь (Fürst) — *Ксенже*.

догадокъ, находитъ вопервыхъ, что при устьяхъ Дуная въ древнія времена обитали Геты, народъ Славянскаго племени; что между ними было множество Греческихъ селеній; что къ симъ селеніямъ пріѣзжали Финикіяне, или Халдеи, или *Хананеи*; что, по свидѣтельству Бероза, Филона и Стефана Византійца, общее имя народу тому было *Кна* (κνᾶ, γνᾶ, χνᾶ); что Греки, по свойству языка своего, называли Финикійца словомъ χνᾶος; что Славяне по своему выговору произносили *Князь*; что подъ симъ именемъ, которое тогда принадлежало народу просвѣщеннѣйшему, Славяне разумѣли мудреца, учителя, правителя; и что наконецъ назвали имъ своихъ сельскихъ начальниковъ и мудрыхъ старѣйшинъ. Книга, по мнѣнію сочинителя, происходитъ отъ *Князь*, и значитъ мудрость, науку, художество. Въ слѣдующей статьѣ, присланной отъ неизвѣстной особы для напечатанія въ Вѣстникѣ, читатели найдутъ другое сихъ словъ изъясненіе.

VII.

Филологическая догадка о происхожденіи слова: красный.

Въ какой-то Нѣмецкой книгѣ (нѣтъ, кажется, нужды именовать автора,

да думаю, лучше этого и не дѣлать, потому что книга его можетъ быть въ прочемъ весьма полезна) читалъ я съ чувствомъ непріятности, будто Рускіе почитаютъ красавицами только тѣхъ женщинъ, у которыхъ красныя лица. Авторъ внушаетъ тѣмъ, будто мы неимѣемъ лучшаго понятія о красотѣ, и заключаемъ ее всю въ красномъ цвѣтѣ. Онъ основываетъ свое утвержденіе на прилагательномъ словѣ *красный*, говоря, что оно значитъ у насъ то же, что на Нѣмецкомъ schön, прекрасный. Это въ нѣкоторыхъ случаяхъ справедливо; мы говоримъ *красная дѣвица*, и разумѣемъ пригожую, красивую. Однакожъ сужденіе автора вообще неосновательно, потому что еслибъ мы полагали такое достоинство въ красномъ цвѣтѣ, то былибъ къ нему пристрастны, — чего не видно, и румяны былибъ у насъ изобрѣтены, а не завезены изъ чужихъ краевъ, чаятельно изъ той земли, гдѣ они означаются точнымъ своимъ именемъ *rouge*. — Что они у насъ въ великой чести, и даже деревенскія бабы красятъ свои лица, это ничего не доказываетъ. Сія мода, какъ зараза, распространилась и между многими другими народами.

Какъ замѣчаніе автора упомянутой книги могло произвесть предразсудокъ противъ вкуса Россіянъ; то сіе подало мнѣ

поводъ къ точнѣйшему разсмотрѣнію слова *красный*.

Всѣмъ извѣстно, что когда рѣчь идетъ о красномъ цвѣтѣ, то въ уравнительной степени говоримъ *краснѣе*; а когда о красотѣ — *краше*. Сія разность заставила меня думать, небылоль когда-нибудь и въ положительной степени особеннаго слова, отъ котораго произошло уравнительное *краше*. Я утвердился въ томъ еще болѣе, разсматривая слова *краса*, *красота*, *красавица*, *красивый* и проч., и не находя нигдѣ буквы *Н*, которая находится въ выраженіяхъ *красный*, *краснѣю* и во всѣхъ производныхъ отъ того словахъ. А какъ уравнительная степень дѣлается у насъ часто прибавленіемъ слога *шій* и *ше*, то и заключилъ я, что въ древнія времена могло быть слово *красый*, *красъ*, вышедшее давно изъ употребленія, отъ котораго произошло съ слогомъ *ше* уравнительное *краше*, и изъ котораго составлены выраженія *краса*, *красота*, *красуюсь* и проч. —

Думая, что нашелъ сіе первоначальное слово, я захотѣлъ узнать корень его, или изъ какого языка могло оно къ намъ войти. — Въ томъ, уповаю, никто спорить не станетъ, что народы заимствуютъ слова одинъ у другаго, и только въ произношеніи перемѣняютъ ихъ по своему, что и теперь водится. Примѣры сему

безчисленны; но я удовольствуюсь только однимъ. Слово *чай* безъ сомнѣнія взято у Китайцовъ, откуда онъ вывозится; однакожь Нѣмцы и Французы называютъ его *те*, а Англичане *ти*, не сходно съ нами, т. е. каждый народъ передѣлалъ это слово по свойству того языка, на которомъ изъясняетъ свои мысли. — Не такимъ же ли образомъ и слово *красый*, передѣланное въ *краше*, *прекрасный* и проч., могло быть введено къ намъ отъ иностранцевъ? — Нѣтъ сомнѣнія, что древніе народы имѣли сообщеніе между собою, хотя можетъ быть не такъ обширное и свободное, какъ теперь. А что наши предки обращались съ Римлянами и служили въ ихъ войскѣ, то извѣстно и по Исторіи. —

Основавшись на семъ бытіи, сталъ я искать въ Латинскомъ языкѣ слова, сходнаго съ *красый* и *красою*, и нашелъ, что *Gratiae*, т. е. *Граціи*, ближе всего къ нему подходитъ и по произношенію и по смыслу. Французы передѣлали слово сіе въ *грасъ*, Англичане въ *ересъ*; для чегожь намъ не сдѣлать изъ него *красый*, какъ изъ Латинскаго же *crassus* произошло Французское *crasse*, а у насъ, кажется, *грязь*?

Что въ нашемъ языкѣ буква *Е* перемѣняется иногда въ *Г*, тому служитъ доказательствомъ слово *Князь*, когда подъ нимъ разумѣютъ перекладину, брусъ надъ

воротами. Г. Коллежской Ассессоръ Тимоѳей Семеновичь Малгинъ весьма вѣроятно производитъ оное отъ глагола *гнету*, и говоритъ, что его надобно писать *гнесъ*, чего и Россійская Императорская Академія не отвергла, а положила въ будущемъ изданіи своего Лексикона упомянуть о семъ замѣчаніи (*). Я думаю, что тоже самое можно замѣтить и о словѣ *книга*, и что происхожденіе онаго было бы гораздо яснѣе, еслибъ мы приняли, что въ немъ буква *Г* замѣнена буквою *К*; *гнига* или *гниха*, происходя отъ глагола *гну*, тогда показывала бы точно то, что мы разумѣемъ подъ свиткомъ, свертком, столбцомъ; ибо въ старину слово *книга* означало, кажется, не то, что теперь означаетъ, какъ между прочимъ видно изъ слова *книга раслустная*, т. е. письмо о разводѣ, которое названо книгою конечно потому, что оно было согнуто, свернуто или сложено. — Произведеніе сего слова отъ *гну* покажется тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Славянскихъ книгахъ есть реченіе *разгнуть* книгу, т. е. развернуть, распустить.

Изъ всего этого ясно, что и изъ *Грацій* весьма удобно было сдѣлать *красый*, *краса* и пр. — Принявъ это, красый значилобъ при-

(*) См. Сѣвернаго Вѣстника VII. Ч. стран. 233. 1805 года.

гожій, красивый, прекрасный, и заключалсбЪ всю ту стройность, какую обыкновенно приписываютЪ тремЪ милымЪ сестрамЪ Грацїямъ. Основываясь на сей вѣроятной догадкѣ, можно смѣло спорить сЪ вышепомянутымЪ авторомЪ и сЪ послѣдователями его мнѣнїю, что наши предки если не искали вЪ красавицахЪ всѣхЪ превосходствЪ Грацїй, по крайней мѣрѣ не довольствовались однимЪ краснымЪ личикомЪ; а что мы, ихЪ потомки, требуемЪ гораздо болѣе, о томЪ и говорить нечего. Я такЪ влюбленЪ вЪ свою догадку или находку, что не могу нежелать, чтобЪ она была справедлива и принята всѣми вообще для чести Россїйскаго вкуса, такЪ неправо понимаемаго иностранцами. — ВЪ заключенїе всего скажу, что перемѣну мягкихЪ буквЪ вЪ жесткїя и наоборотЪ почитаю весьма удобнымЪ средствомЪ для сысканїя корня словЪ. ТакЪ напримѣрЪ слово *смерть*, производимое нѣкоторыми отЪ Латинскаго *mors*, получитЪ Россїйскїй корень, если букву *Т* перемѣнимЪ вЪ *Д*: тогда можно былобЪ натурально произвесть слово сїе отЪ глагола *смердѣть*, и всякой ясно увидѣлЪ бы, для чего разрушенїе теперешняго нашего бытїя такЪ названо на СлавянскомЪ языкѣ. ТакимЪ же образомЪ, *страхЪ* и *страсть* можно бы безЪ натяжки произвесть отЪ глагола *деру*, равно какЪ отЪ него же происходитЪ

слово *задоръ*, по значенію своему столь близкое со *страстью*, а *робѣю* отъ *рабъ*, равно какъ сіе послѣднее слово отъ работаю, или отъ Малороссійскаго выраженія роблю, т. е. работаю, дѣлаю, произвожу. Также и глаголъ *короблю* будетъ вразумительнѣе и выразительнѣе, если, поставя на мѣсто *К* букву *Г*, произведемъ его отъ *горба*, какой получаютъ скоробленныя вещи. Не упоминаю о многихъ другихъ словахъ, которыхъ корень подобною перемѣною буквъ сыскать былобъ можно.

N. N.

VIII.

О кометахъ.

Много неизвѣстнаго намъ узнаютъ наши потомки — написалъ Сенека въ разсужденіи своемъ о кометахъ: природа не вдругъ открываетъ свои таинства. Долго ожидать надлежало, пока Фламстидъ и Кассини прилѣжными своими наблюденіями, а Бернуллій, Нютонъ и Галлей чудесными вычисленіями изслѣдовали пути кометъ, и назначили періодъ ихъ теченія. Было время, когда появленіе кометы ужасало самыхъ астрономовъ, которые, вмѣсто того чтобъ принять простое мнѣніе Сенеки и Халдеевъ, не

умѣли различить кометы отъ воздушнаго метеора. Тихо-Браге показалъ наблюденіями, что кометы движутся выше Венеры и даже выше Солнца, которому онъ, какъ извѣстно, въ системѣ своей назначилъ путь около Земли вмѣстѣ съ прочими планетами. Де Картъ на удачу предположилъ теченіе кометъ выше Сатурна; можетъ быть Французской философъ изъ учтивости опредѣлилъ столь высокое мѣсто симъ тѣламъ небеснымъ, которыя долго терпѣли несправедливость отъ невѣжества рода человѣческаго. Наконецъ новѣйшіе астрономы доказали, что кометы обращаются вокругъ Солнца; что онѣ принадлежатъ къ нашей солнечной системѣ; что путь теченія ихъ есть кругъ эллиптическій, чрезвычайно длинный, и что слѣдственно онѣ, появившись на видимомъ нашемъ горизонтѣ, скрываются въ высотѣ неизмѣримаго пространства, и въ срокъ, предположенный Творческимъ закономъ, опять появляются. Нютонъ старался показать, что руководствуясь правилами системы тяготѣнія, можно узнать свойство и направленіе пути кометъ, и слѣдственно опредѣлить время ихъ теченія. Послѣдователи сего великаго мужа дѣйствительно предсказали появленіе многихъ кометъ, а особливо той, которую въ 1758 году видѣли (*).

(*) См. Smiths History of astron.

Найдено, что славная комета 1680 году, по свидѣтельству исторіи и баснословія, семь разъ приближалась къ Землѣ, совершая въ пять сотъ семьдесять пять лѣтъ круговъ своего теченія (*). Появленіе сей кометы замѣчено въ *первой* разъ за 1767 лѣтъ до Р. Х., то есть при Огигесѣ, отцѣ Греческой древности. Сіе объясняется преданіемъ, которое сохранилъ Варронъ, будто въ царствованіе Огигеса сдѣлалось чудо безпримѣрное въ вѣкахъ протекшихъ и будущихъ, а именно, что Венера перемѣнила цвѣтъ свой, величину, видъ и теченіе. Во *второй* разъ видѣли ее 1193 году до Р. Х. Сіе посѣщеніе кометы смѣшано съ баснословнымъ приключеніемъ Электры седьмой изъ Плеядъ, которыхъ со времени Троянской войны осталось только шесть. Говорили, что Нимфа сія, Дарданова супруга, не могла перенести разоренія отечества своего, оставила сестеръ, ушла съ Зодіака къ сѣверному полюсу, и названа кометою по причинѣ волосовъ растрепанныхъ. *Третій* періодъ совершился въ 618 году до Р. Х. Комета сія, вѣроятно та самая, о которой упоминаетъ Сивилла, явилась на западѣ, за два поколѣнія до Кирова царствованія. *Четвертое* появленіе кометы было въ 44 году до Р. Х.,

(*) Gibbons Hist. of the decl. and fall of the Rom. Emp. Chap. XLIII.

скоро послѣ смерти Юлїя Цесаря, когда Октавїянъ отправлялъ торжественныя игры въ честь Венеры и своего дяди. Удивленный народъ заключилъ, что небо приемлетъ божественную душу Диктатора. Новый властелинъ Рима охотно подтвердилъ мнѣнїе черни, и въ ознаменованїе сего произшествїя поставилъ памятникъ. Старшїй Плинїй внесъ Августову записку въ свою Натуральную исторїю (*). *Въ пятой* разъ та же комета приближалась къ Землѣ при Императорѣ Юстинїанѣ, спустя 531 годъ по Р. Х.; въ сїе время Солнце имѣло цвѣтъ блѣдный. *О шестомъ* появленїи кометы, которую видѣли въ 1106 году, согласно упоминается въ Европейскихъ и Китайскихъ лѣтописяхъ. Нашъ Сильвестръ, послѣдователь Нестора, ставитъ ее точно подъ симъ же годомъ при Великомъ Князѣ Кїевскомъ Михаилѣ Изяславичѣ. Вообще наши лѣтописцы рачительно записывали явленїя кометъ и солнечныя затмѣнїя, которыя, какъ извѣстно, суть вѣрнѣйшїе способы находить порядокъ въ счисленїи времени. *Седмое* приближенїе кометы къ Землѣ случилось въ 1680 году, когда математическїя науки уже обогатились великими открытїями. Белева Философїя опровергла печальное предвѣщанїе Музы Мильтоновой, которая не задолго передъ тѣмъ

(*) Hist. Nat. Lib. II. Cap. XXIII.

воспѣла, что „(*) ужасные власы кометы производятъ войну и моровую язву (from its horrid hair shakes peſtilence and war).“ При *осьмомъ* появленіи, которое должно случиться около 2355 году, говоритъ Гиббонъ, можетъ быть достанется дѣлать наблюденія будущимъ астрономамъ какой-нибудь столицы Сибирской или Американской.

Комета 1472 году — которую видѣли въ Европѣ, въ Японіи и въ Китаѣ, и которая близкимъ прохожденіемъ мимо земли, чрезвычайно длиннымъ хвостомъ своимъ и быстрымъ движеніемъ обратила на себя общее вниманіе — находится въ описаніи Лонгомонтана; съ сего времени начали дѣлать прилѣжныя наблюденія надъ кометами. Съ 1472 по 1758 годъ, то есть въ продолженіе 286 лѣтъ, число кометъ, надъ которыми дѣланы были наблюденія, простирается до 41; но съ того года по 1807 описано ихъ уже 49. Такое неравенство въ числѣ произошло отъ того, что до 1758 году не отыскивали на небѣ кометъ, но замѣчали только тѣ изъ нихъ, которыя сами явля-

(*) Parad. Lost II. 708. Мильтонъ относитъ стихъ сей къ явившейся въ 1664 году кометѣ, надъ которою дѣлалъ наблюденія въ Римѣ славный Кассини въ присутствіи Королевы Христины.

лись. Г. Мессье первой началъ искать ихъ съ помощїю зрительныхъ трубокъ; другїе астрономы слѣдовали его примѣру, и находили чего искали. Такимъ образомъ списокъ наблюдаемыхъ кометъ знатно увеличился въ короткое время.

Комета нынѣ видимая въ созвѣздїи *Лиры*, по свидѣтельству Императорской С. Петербургской Академїи наукъ, не принадлежитъ ни къ одной изъ тѣхъ, кои прежде уже были наблюдаемы, и для того не льзя было ожидать ея появленїя. Симъ опровергается статья, помѣщенная въ Гамбургской газетѣ, гдѣ было написано, что новая комета есть та же самая, которую видѣли въ 1607 году. Въ Рижскомъ Зрителѣ Г. Кейсслеръ опровергаетъ показанїе Гамбургской газеты, и говоритъ, что нынѣшняя комета есть конечно уже извѣстная, однакожь не та, которая приближалась къ намъ 1607 году; ибо теченїе сей послѣдней опредѣлено уже съ такою точностїю, какъ пути планетъ. Перїодъ ея совершается около 75 или 76 лѣтъ, и съ 1456 являлась она уже четыре раза, а именно въ 1531, 1607, 1682 и 1759 годахъ. Въ 1834 она опять будетъ видима.

Сїе небесное тѣло на Россїйскомъ языкѣ вообще именуется *звѣздою съ хвостомъ*. По-

явленіе въ разныхъ видахъ даетъ поводъ къ разнымъ ея наименованіямъ. Въ Разсужденіи о кометахъ, переведенномъ изъ Шамберовой Циклопедіи и помѣщенномъ въ сочиненіяхъ Ломоносова (*) при описаніи кометы 1744 года, о названіяхъ сказано слѣдующее: „Кометы отъ другихъ небесныхъ тѣлъ разнствуютъ тѣмъ, что онѣ обыкновенно имѣютъ долгой свѣтлой хвостъ, которой всегда стоитъ противъ солнца, и чѣмъ болѣе оной отъ тѣла кометы отдаляется, тѣмъ слабѣе свѣтъ его становится. Оной хвостъ кометы подаетъ причину къ обыкновенному троякому названію комтъ; ибо иногда называются онѣ *бородатыя*, иногда *со хвостомъ*, иногда *волосатыя*.“

„Когда комета стоитъ далѣе къ востоку нежели солнце, и въ движеніи своемъ отъ онаго прочь отходитъ; тогда называется комета *бородатою* (**) *звѣздою*, потому что свѣтъ ея идетъ напередъ и является на подобіе бороды. Буде же комета находится далѣе къ западу нежели солнце, такъ что она по захожденіи солнца закатывается; то въ семъ случаѣ называютъ оную *звѣздою со хвостомъ*, для того что сіяніе позади ея тѣла находится. Напослѣ-

(*) Послѣднее изданіе 1803 года. С. Петербургъ. Часть III. стр. 356.

(**) Πωγωνίας.

докъ когда комета съ солнцемъ въ противостоянiи бываетъ, а земля между ими обоими обрѣтается, такъ что хвостъ позади кометы стоитъ; тогда видимъ мы только небольшое около кометы распространяющееся свѣтлое сiянiе, которое подобно клоку волосовъ; отъ чего комета получаетъ имя *волосатой звѣзды* (*).“

Въ упомянутомъ Разсужденiи любопытный читатель найдетъ нѣкоторыя мнѣнiя древнихъ и новыхъ философовъ о свойствѣ кометъ, и разныя на нихъ опроверженiя; найдетъ также вѣроятнѣйшую изъ всѣхъ Нютонову ееорiю. Еще обстоятельнѣе мнѣнiя сiи предложены покойнымъ Архiепископомъ Евгенiемъ Булгаромъ въ драгоцѣнной книгѣ его (**) *О системѣ вселенныя* (Περι Συσήματος τȣ̃ κόσμȣ). — Ѳеорiя Нютонова, посредствомъ которой разрѣшаются всѣ феномены, состоитъ въ слѣдующемъ: „Кометы суть твердыя, вѣчно пребывающiя тѣла, или такiя планеты, которыя въ весьма продолговатыхъ кругахъ вездѣ безъ всякаго препятства движутся, и путь свой надлежащимъ образомъ совершаютъ, хотя и кажется, будтобы онѣ противное планетамъ теченiе и склоненiе имѣютъ; а хвостъ ихъ

(*) Κομήτης. У Плинiя Crinita.

(**) Изданный господами *Зостиалем* въ Вѣнѣ, 1805. См. стр. 137.

есть самой тонкой дымъ, или паръ, который происходитъ изъ головы кометы, когда она отъ солнца разогрѣется и раскалится."

Въ просвѣщенныя времена непростительно думать, будто появленіе кометы угрожаетъ роду человѣческому ужасными несчастіями. Тѣла сіи повинуются законамъ, мудростію Всеблагаго Творца предначертаннымъ; слѣдственно приближеніе ихъ къ землѣ столь же опасно для насъ, какъ приближеніе Юпитера или Сатурна. Случались при явленіи кометъ великія перемѣны въ мірѣ: однакожь и то неоспоримо, что на землѣ господствовали тишина и благоденствіе въ то самое время, когда надъ нею сіяли кометы.

ПОЛИТИКА.

I.

Историческое и статистическое изображеніе Португаліи.

Рука судьбы, которая уже осмнадцать лѣтъ непреоборимо дѣйствуетъ въ Европѣ, нападаетъ на государства, сперва на одно, потомъ на другое, потрясаетъ внутренность ихъ, и разрушаетъ весь составъ, ежели нѣтъ въ немъ довольно силы для сопротивленія, и ежели онъ по природѣ своей самъ въ себѣ неимѣетъ подпоры, — рука судьбы, сокрушивъ несчастную Данію, устремляется теперь на Португаллію. Что Франція нападетъ на сіе государство, и слѣдственно что оно погибнетъ, о томъ, какъ извѣстно по газетамъ, не сомнѣваются въ Лиссабонѣ, и правительство рѣшилось исполнить отчаянный совѣтъ, поданный въ 1761 году министромъ Помбалемъ, когда Испанское войско находилось уже въ Португаліи, которая не въ силахъ была сопротивляться. Графъ Шаумбургъ-Липпе, котораго благодарные Португальцы и теперь

еще называютъ *великимъ* Графомъ, тогда спасъ королевство. Напротивъ того нынѣ даже не смѣютъ искать избавителя; дворъ и правительство отправляются въ Бразилію для всегдашняго пребыванія. Правда что сія обширная страна Американская по важности своей всегда имѣла право на попечительность дому Браганцскаго; однакожь путешествіе правителя значитъ, по видимому, отреченіе отъ короны, и даетъ разумѣть, что Португальской народъ самъ долженъ заботиться о своемъ избавленіи. — Неостанавливаясь надъ догадками о ближайшихъ и дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, взглянемъ на исторію и на теперешнее положеніе сего королевства.

Испанскіе Государи освободили древнюю Лузитанію отъ ига Мавровъ. Алфонсъ I Король Леонскій въ 745 году покорилъ собственно такъ называемую Португаллію, или нынѣшнія провинціи Энтре-Минго-е-Доуро и Трацъ-осъ-Монтесъ; но Фердинандъ великій, носившій короны Леонскую и Кастильскую, спустя потомъ 300 лѣтъ, распространилъ сіе завоеваніе до рѣки Монтего. Въ концѣ одиннадцатаго столѣтія, Алфонсъ IV еще присоединилъ къ тому не малую часть земли, и отдалъ ее въ ленное владѣніе Генриху Бургундскому, Гугона Капета потомку, котораго женилъ на своей

дочери, и пожаловалъ Графомъ Португалльскимъ.

Часто одинъ поступокъ рѣшаетъ судьбу великихъ государствъ на многія столѣтія. Алфонсъ, отдавши область зятю своему, изъ одного народа на Пиренейскомъ полуостровѣ обитающаго, сдѣлалъ два; и сіи народы никогда уже не сливались въ единство, къ которому кажется они опредѣлены мѣстными обстоятельствами, однородствомъ, сходствомъ нравовъ и языка. Всѣ прочія племена и области наконецъ присоединены къ Испанской Монархіи; отторженная Португалія навсегда осталась чуждою.

Таже самая храбрость, за которую Графъ Генрихъ получилъ въ награду сіе помѣстье, возбудила въ немъ честолюбивое желаніе сдѣлаться независимымъ. Онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Хотя и не назывался государемъ самодержавнымъ, однакожь распространилъ области своей предѣлы далеко за южной берегъ Тага. Сынъ его Алфонсъ въ 1139 году съ малымъ войскомъ одержалъ при Урикѣ знаменитую побѣду надъ многолюднымъ ополченіемъ Мавританскимъ, — и храбрые воины въ восторгѣ провозгласили его Королемъ своимъ на полѣ битвы. Сильна воля народа, когда онъ такимъ образомъ опредѣляетъ себѣ и своему правителю мѣ-

сто въ ряду народовъ и государей. Португальцы мечемъ подтвердили свое объявленіе, Не смотря на сопротивленіе Кастиліи, новой Король торжественно вѣнчанъ въ Ламего; и политикѣ его удалось наконецъ, спустя сорокъ лѣтъ, за ежегодную дань сперва четырехъ унцій золота, исходатайствовать у Папы дозволеніе быть государемъ самодержавнымъ.

Храбрые потомки его царствовали до 1383 году; привели въ хорошее состояніе устройство новаго королевства, и даже имѣли у себя морскую силу. На Фердинандѣ пресѣклась прямая линія, и Кастилія въ первой разъ покусилась захватить престолъ Португальскій. Тридцать тысячь Кастильцовъ явилось передъ Лиссабономъ. Іоаннъ, Великій Магистеръ Ависъ-Ордена, побочный сынъ Короля Петра I, съ десятью тысячами разбилъ непріятеля; подобно Генриху, на полѣ битвы получилъ скипетръ, и сдѣлался родоначальникомъ новаго поколѣнія.

При Іоаннѣ и потомкахъ его Португалія вознеслась на высочайшую степень благоденствія. Внутри государства процвѣтали ремесла и торговля; войска Португаліи побѣждали въ Африкѣ; корабли ея плавали на моряхъ до толѣ неизвѣстныхъ Мадера и острова Азорскіе, также западные берега

Африки открыты Португальцами; первыя взяты во владѣнїе ими; на послѣднихъ завели они свои селенїя. При Емманиилѣ великомъ Васко-де-Гама доплылъ до Мыса бурь или надежды, отважился продолжать путь свой далѣе, и открылъ берега восточной Индїи. Жуанъ Алварецъ де Кабраль первой пустился по слѣдамъ Гамы; былъ занесенъ бурею до береговъ Бразильскихъ, и слѣдственно открылъ твердую землю прежде Америго Веспуцїя, которому послѣ досталась слава открытїя. Въ сїе время вся торговля восточной Индїи находилась въ рукахъ Португальцовъ: они были первыми виновниками всемїрной торговли. Государство обогатилось отъ того и усилилось; но внутри художества и науки пришли въ упадокъ, а съ ними и благосостоянїе. Смертїю Генриха II въ 1580 пресѣклось второе поколѣнїе царствующаго дома. Испанїя въ другой разъ пыталась поработить Португаллїю, въ чемъ и удалось могуществу и политикѣ страшнаго Филиппа II — удалось, говорю, поработить, но не присоединить къ монархїи. Въ теченїе шестидесяти лѣтъ, Испанской дворъ и непрїятели его почитали Португаллїю провинцїею великой державы; но Португальцы думали иначе. Голландцы и Англичане отняли у нихъ многїя владѣнїя, въ другихъ частяхъ свѣта находившїяся и почитаемыя за Испанскую собственность.

Дворъ поступалъ съ ними жестоко и самопроизвольно; сіе самое въ сердцахъ Португальцовъ питало ненависть къ прежнимъ солдамъ, сдѣлавшимися властелинами, и возбуждало въ нихъ желаніе получить независимость; наконецъ прежняя дѣятельность въ нихъ воспрянула. Герцогъ Браганца, принявъ начальство надъ недовольными Испанскимъ правительствомъ, въ 1 день Декабря 1640 года провозгласилъ себя Королемъ Португальскимъ. Собраніе чиновъ согласилось на его предпріятія; колоніи взяли его сторону, и менѣе нежели въ одинъ годъ всѣ Португальскія владѣнія, бывшія въ рукахъ Испанцовъ, получены обратно, кромѣ Цевты.

Возникшая дѣятельность Португальцовъ могла отражать нападенія ослабѣвшей уже Испаніи; но болѣе ни въ чемъ не успѣвала, и повидимому опять заснула. Могущество и промыслы Португаліи оставались на самой низкой степени; зло казалось неизлѣчимымъ въ началѣ осмнадцатаго столѣтія, когда королевство подпало нѣкоторой зависимости отъ Англіи. Ясною точкою представляется только то время, въ которое первымъ министромъ былъ Маркизъ Помбаль, одинъ изъ великихъ умовъ своего вѣка, одинъ изъ тѣхъ мощныхъ людей, которые, какъ говоритъ Шиллеръ, вызываютъ на бой свое столѣтіе, и которымъ —

прибавить еще можно — каждой разъ удается одерживать побѣду, когда сражаются не *занятымъ*, но своимъ собственнымъ оружїемъ. Помбаль видѣлъ зло, которое ослабляло Португаллїю; онъ умѣл добраться до самыхъ источниковъ его, и зналъ способы заградить ихъ; но способы сїи не были во власти одного Помбаля, и многотрудное дѣло имъ начатое осталось несовершеннымъ, даже разрушилось, когда отнята у министра власть посторонняя, именемъ коей онъ дѣйствовалъ. Помбаль возстановилъ достоинство престола, клонившееся къ упадку; ограничилъ силу вельможъ; являлъ уваженїе къ духовенству, но умѣлъ быть осторожнымъ, когда призналъ нужнымъ выслать Іезуитовъ; обходился съ Великобританїею почтительно, однакожь употребилъ все старанїе освободить народъ свой отъ ея покровительства, и оживить промыслы внутри государства; сдѣлалъ, что Португаллїя скоро перестала покупать у чужестранцовъ потребности необходимыя для жизни; наконецъ всѣ части привелъ въ лучшее устройство, и даже сухопутное войско, поручивъ начальство надъ нимъ Графу Шаумбургу-Липпе.

По двадцати-семилѣтнемъ царствованїи, къ сожалѣнїю, умеръ Король Іосифъ Еммануилъ, именемъ коего Помбаль правилъ королевствомъ; добро медленно сѣянное не успѣло глубоко пустить свои корни,

Нынѣшняя Королева, давно уже переставшая править государствомъ, тотчасъ удалила знаменитаго министра; введенныя имъ полезныя перемѣны скоро потомъ были уничтожены. Въ 1792 году, когда Принцъ Бразильскій началъ управлять государствомъ, прежнее замѣшательство и бездѣйствіе повсюду уже опять распространились, и съ тѣхъ поръ внѣшнія дѣла Португаллїи были въ непріятномъ положеніи для внутренняго благосостоянія, сколь много ни печется о немъ благоразумный Правитель.

Португальское королевство, собственно такъ называемое, то есть области его въ Европѣ находящіяся, содержатъ въ себѣ около 1845 кв. миль Нѣмецкихъ. При Маврахъ сіе пространство земли вмѣщало въ себѣ пять миллїоновъ жителей; при Еммануилѣ великомъ, въ концѣ пятьнадцатаго столѣтія, число ихъ простиралось до четырехъ миллїоновъ. Въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, когда Португаллїя изнемогала подъ тягостнымъ господствомъ Испаніи, число жителей уменьшилось до полутора миллїона. Теперь оно опять возрасло до трехъ миллїоновъ; однакожь между ними считается болѣе 200,000 духовныхъ особъ, которыя столь богаты, что 136 священниковъ Патріаршей церкви получаютъ ежегоднаго доходу по 250,000 крузадовъ.

Португаллія, какъ по своему приморскому положенію, такъ и по другимъ обстоятельствамъ, могла бы сдѣлаться важнымъ государствомъ; но вся торговля ея по большей части находится въ рукахъ народовъ чуждыхъ, между тѣмъ какъ на собственныя произведенія не обращается вниманія. Въ другихъ государствахъ двѣ трети жителей упражняются въ землепашествѣ; въ Португаллїи напротивъ того едва ли осьмая доля. По исчисленію многихъ станиславовъ и по свидѣтельству самаго Португальскаго Ученаго Ванделлія, двѣ трети земли ежели не совсѣмъ безплодны, то по крайней мѣрѣ оставлены на произволъ натуры, и почитаются болотистыми одичавшими равнинами. Однакожь почва сія почти вообще удобна къ поправленію, и требуетъ только рукъ прилѣжныхъ; ибо въ Португаллїи масло и другія произведенія гораздо лучше Испанскихъ. Кажется, и въ металлахъ нѣтъ недостатку; но правительство имѣя Бразилію, не смотритъ на многіе признаки, показывающіе, что внутренность земли изобилуетъ сокровищами. — Причину толикаго небреженія приписываютъ чрезвычайному богатству немногихъ, также презрѣнію и тягостнымъ податямъ, подъ коими изнемогаетъ послѣднее сословіе народа.

Сухопутная сила Португаллїи всегда была невелика. Всѣ знаменитые подвиги,

о которыхъ съ удивленіемъ читаемъ въ исторіи, сдѣланы ею посредствомъ немногочисленнаго войска. Славная побѣда надъ Маврами при Урикѣ одержана *тридцатью тысячами* Португальцовъ. Подъ Лиссабономъ было ихъ только 10,000 противъ 30,000 Кастильцовъ. Во время похода, предпринятаго отважнымъ, но несчастнымъ Королемъ Себастіяномъ для покоренія сѣверной Африки, Португальцовъ было съ нимъ не болѣе 16,000. Чудесныя завоеванія въ восточной Индіи произведены въ дѣйство малыми отрядами отъ двухъ до трехъ тысячь человѣкъ. Будучи подъ властію Испаніи, Португаллія неимѣла своего войска. Собранное уже по освобожденіи королевства отъ чуждаго ига, подъ начальствомъ Графа Шомберга отразивъ Испанцовъ при Эстремосѣ и Виллѣ Виціозѣ въ 1663 и 1665 годахъ, хотя и заставило признать независимость Португаллии; однакожь потомъ такъ ослабѣло въ духѣ, что въ 1706 году, захотѣвши имѣть надъ собою начальникомъ природнаго Португальца, выбрало въ должность сію святаго Антонія, покровителя города Лиссабона. Въ 1762 году, когда министръ Помбаль поручилъ преобразованіе войска Графу Шаумбургу-Липпе, генералъ сей нашелъ, что во многихъ ротахъ было только по три и по четыре ружья годныхъ къ пальбѣ, и что офицеры служили у стола въ домахъ полковыхъ сво-

ихъ начальниковъ. Графъ завелъ новой порядокъ въ войскѣ, которое при немъ уже изъ 30,000 человѣкъ состояло. Послѣ того какъ удалили Графа, скоро забыты всѣ введенныя имъ полезныя перемѣны. Однакожь нынѣшнее правительство постаралось опять многое исправить, и можетъ, хотя съ крайнимъ усилїемъ, выставить въ поле 40,000 ратниковъ.

Морская сила устроена еще при концѣ 14 вѣка. Въ пятьнадцатомъ столѣтїи Португальцы уже почитались искуснѣйшими мореходцами южной Европы, а во время завоеванїй въ Остъ-Индїи Португаллїя была первою морскою державою изъ всѣхъ въ Европѣ. Съ сей-то вершины величїя своего пала она подъ иго Испанїи, и потомъ никогда уже не возносилась до прежней точки. Въ половинѣ минувшаго столѣтїя она имѣла 10 или 12 военныхъ кораблей слабо вооруженныхъ; теперь напротивъ того имѣетъ 15 линейныхъ кораблей, столько же фрегатовъ, нѣсколько малыхъ судовъ. 12,000 матросовъ и нѣсколько морскихъ полковъ. Торговлю свою отправляетъ посредствомъ 500 кораблей, изъ которыхъ 300 плаваютъ только въ Бразилїю.

Доходы Португаллїи простираются до 46 миллїоновъ гульденовъ. Большая

часть оныхъ получается изъ колоній, о которыхъ сей часъ говорить будемъ.

Ежели блистательный въ предпріятіи успѣхъ (даже нечаянный, непредполагаемый) можно вмѣнять въ заслугу тому, кто первой отважился на оное; то народъ Португальской оказалъ великое одолженіе всей Европѣ: ибо онъ былъ первымъ виновникомъ того перевѣса, которой наша часть свѣта имѣетъ передъ другими. Лишь только Португальцы вытѣснили Мавровъ, лишь только оградили себя безопасностію со стороны запада; тотчасъ для дальнѣйшихъ завоеваній отправились на моря и къ берегамъ Африки, покорили берега и острова восточной Индіи, овладѣли Аравійскимъ и Персидскимъ заливами и всѣмъ Индійскимъ океаномъ. Знаменитый герой Альбукеркъ силу и достоинство народа своего вознесъ на степень столь высокую, что еще и теперь послѣ несчастій и соннаго бездѣйствія, цѣлыя два столѣтія продолжавшихся, видны многіе остатки прежняго благоденствія; и теперь еще въ Китаѣ лучше всѣхъ принимаютъ Португальцовъ.

Выше уже мы видѣли, отъ чего въ 16 столѣтіи Португалія ослабѣла, отъ чего лишилась независимости своей, богатства и славы. Очень малую только часть преж-

нихъ владѣнїй удалось ей получить обратно, когда Герцогъ Браганца возстановилъ для себя престолъ низверженный; и изъ сей малой части послѣ того многое утрачено. Такимъ образомъ въ 1801 году Португальская Гвїана досталась Францїи, которая чрезъ то приобрѣла господство надъ Амазонскою рѣкою, и слѣдственно получила средство свободно достигнуть до сердца Бразилїи.

Сїя-то самая Бразилїя, которой угрожаетъ опасность, составляетъ главное владѣнїе Португальскаго королевства внѣ Европы. Вообще всѣ Португальскїя области въ Америкѣ вмѣщаютъ въ себѣ болѣе 100,000 Нѣмецкихъ миль квадратныхъ, и простираются въ длину по морскому берегу на 500 миль. На столь обширномъ пространствѣ, почти въ десятеро превосходящемъ Францїю, жителей считается только *одинъ* миллїонъ; въ томъ числѣ 200,000 бѣлыхъ, 350,000 негровъ и мулаттовъ всегда готовыхъ къ возмущенїю, 280,000 Индїйцовъ, несущихъ всѣ повинности общежитїя, и 200,000 Индїйцовъ же, не признавая надъ собою господства Португальскаго, обитающихъ въ пространныхъ пустыняхъ, которыя Португалїя *почитаетъ* своимъ владѣнїемъ. Для охраненїя столь обширной земли правительство содержитъ отъ 8 до 9,000 солдатъ, кото-

рые въ случаѣ нужды могутъ быть подкрѣплены земскимъ войскомъ изъ 40,000 состоящимъ. Не нужно сказывать, что сїе ополченїе едва ли устоитъ противъ 10,000 Французовъ или Англичанъ, которыхъ прислали бы для покоренїя области.

Важныя выгоды, которыя Португаллїя получала отъ Бразилїи, состоятъ не въ числѣ жителей, но въ цѣнѣ произведенїй; ибо сїя колонїя имѣетъ почти все, чѣмъ изобилуютъ южныя страны Европы, и сверхъ того много собственныхъ произведенїй. При сихъ богатствахъ, за которыя можно бы со всего свѣта получать деньги, въ Бразилїи достаютъ золота и алмазовъ такое количество, что однѣ рудокопни не задолго передъ симъ давали ежегоднаго доходу по 25 миллїоновъ ливровъ, а ямы алмазныя по три миллїона съ половиною.

Изъ числа прочихъ внѣ Европы находящихся владѣнїй Португальскихъ Асорскїе острова и Мадера — на первыхъ жителей 114,000, на послѣдней 120,000 — суть важнѣйшїя, потому что приносятъ нѣкоторую пользу. Развалины прежняго владычества Португаллїи въ Африкѣ и Азїи ежегодно стоютъ много денегъ, которыя посылаются туда изъ Европы для содержанїя оборонительныхъ заведенїй и на жалованье

чиновникамъ. Неостанавливаясь надъ ними, заключимъ короткимъ разсужденіемъ.

Ежели Португальское правительство, вспомнивъ совѣтъ Помбаля, дѣйствительно рѣшится переправиться въ Бразилію; то какія отъ того могутъ быть *вѣроятныя* слѣдствія?

Какъ Бразилія едва ли имѣетъ третью часть жителей противъ Португаллїи, и какъ ея населеніе весьма несоразмѣрно пространству земли; то и явствуетъ, что не льзя будетъ долго управлять государствомъ, находясь въ колоніи, и что даже не льзя будетъ долго защищать его: Португаллія и Бразилія, даже безъ чужаго посредства, непремѣнно должны разлучиться. Но ежели непріятель точно рѣшится сдѣлать нападеніе, коего слѣдствія Португальскій дворъ хочетъ отвратить отъ себя посредствомъ бѣгства; то онъ найдетъ государство сіе совершенно беззащитнымъ, и немедленно имъ овладѣетъ. Но стоитъ ли трудовъ сія добыча? Побѣдитель найдетъ народъ бѣдной и лѣнивой, народъ, котораго ниже двѣ трети не могутъ довольствоваться своими собственными произведеніями, и котораго издѣлій недостаетъ ниже для шестой части. Жители безъ морской торговли своей и колоній еще болѣе обѣднѣютъ, и въ бѣшен-

ствѣ возстанутъ противъ виновниковъ своего несчастія. Завоеватель, собравши обыкновенную подать, болѣе ничего не получитъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока Англія будетъ на моряхъ господствовать; захотѣвши навсегда удержать при себѣ новое приобрѣтеніе, онъ принужденъ будетъ вести долговременную и кровопролитную войну съ жителями, которые не видя конца своимъ бѣдствіямъ непереставутъ сопротивляться тяжкому господству. — Бразилія не долго можетъ наслаждаться независимостію. Дворъ и вельможи привезутъ изъ Европы съ собою прежнія склонности и привычки; слѣдственно Американская новая держава сдѣлается данницею Англіи — такою точно, какою прежде была Португаллія — и наконецъ подпадетъ власти господствующаго на моряхъ народа, которой по своему разсчету можетъ дозволить ей и не дозволить пользоваться торговыми выгодами отъ собственныхъ ея произведеній. Бразилія, доставшись Англичанамъ, въ ихъ рукахъ сдѣлается безцѣннымъ сокровищемъ, неистощимымъ запасомъ могущества; напротивъ того Португаллія для своего завоевателя будетъ неприбыльнымъ, стоющимъ большихъ издержекъ и тягостнымъ приобрѣтеніемъ. Очень странно и даже невѣроятно, ежели Франція хочетъ напасть на сію землю, съ тѣмъ чтобъ навсегда покорить ее. Хорошо было

бы, когдабъ при семъ случаѣ не въ волѣ Англичанъ состояло отторгнуть Бразилїю отъ Португаллїи. . . .

(*Съ Нѣмецкаго.*)

II.

Мой побѣгъ изъ Берлина въ Мемель въ концѣ 1806 года (*).

(Продолженїе.)

При сихъ обстоятельствахъ изданъ манифестъ Королевской. Весьма долго и нетерпѣливо ожидавши объявленїя о распоряженїяхъ, правительствомъ сдѣланныхъ, всѣ съ удивленїемъ читали манифестъ сей, какъ мастерское произведенїе дипломатики; но радостная надежда уже изчезла въ сердцахъ патрїотовъ.

Кто не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ; тому трудно вообразить, какое позорище представляетъ народъ, мучимый прискорбнымъ ожиданїемъ. Ужасно смотрѣть на мятежъ въ городѣ; но еще несноснѣе видѣть, какъ тысячи людей, въ безмолвїи, съ печальными лицами, съ угнетеннымъ сердцемъ

(*) Смот. No 22, мѣсяцъ Ноябрь сего года, стран. 149.

принимаются то за одно дѣло, то за другое, какъ будто чувствуя, что въ послѣдній разъ это дѣлаютъ; еще несноснѣе видѣть, какъ всѣ, будучи томимы неизвѣстностію, ко всему прислушиваются, на всякаго новаго человѣка смотрятъ, какъ на чудо. На улицахъ, на гульбищахъ, на площадяхъ лишь только двое начали говорить между собою, тотчасъ сбирается кругъ любопытныхъ, и въ тужь минуту опять всѣ расходятся, узнавши, что ничего новаго не слышно. Въ обществахъ изчезла веселость; ни о чемъ, кромѣ войны, не говорили. Каждой колебался и въ надеждѣ своей и во мнѣніяхъ. При мнѣ одинъ человѣкъ цѣлой часъ краснорѣчиво доказывалъ, что Прусаковъ побѣдить не можно; потомъ тотъ же самой человѣкъ цѣлой же часъ и также краснорѣчиво доказывалъ, что все потеряно. Съ утра до вечера, съ вечера до утра нетерпѣливо ожидали извѣстій, и — ничего не получали. Одинъ путешественникъ сказалъ, что видѣлъ Короля въ Веймарѣ; что Король гулялъ на лошади верхомъ и былъ веселъ: сіе простое обстоятельство ободрило всѣхъ жителей столицы, и подало поводъ цѣлой день разговаривать. — Князь Гогенлоге писалъ къ Принцессѣ, не знаю право какой, что Генералъ Тауенцинъ благополучно пришелъ изъ Барейта въ Саксонію, и что на другой день съ Княземъ соединится. Извѣстіе сіе

уже было не новое, при томъ же ничего важнаго въ себѣ не содержало; оно даже подало случай къ непрїятнымъ толкамъ: ибо для чего самъ Князь не подвинулся во Франконїю, чтобы тамъ соединиться съ Тауенциномъ? Какъ бы то ни было, тысячи списковъ съ письма передавались изъ рукъ въ руки. Тауенцинъ былъ героемъ того дня; по крайней мѣрѣ онъ нѣчто сдѣлалъ; по крайней мѣрѣ что-нибудь о немъ узнали.

*

Сїя неосновательная радость на другой же день поутру уничтожилась: получено извѣстїе о пораженїи и о смерти Принца Лудовика Фердинанда. Сперва никто не хотѣлъ сему вѣрить. Въ публичныхъ домахъ и на рынкахъ собирались любопытные, и каждой, кто только могъ говорить, доказывалъ, что извѣстїе вовсе несправедливо; охотные слушатели вѣрили, пока новой ораторъ не прибавлялъ какого-нибудь неизвѣстнаго обстоятельства, и неразрушалъ прїятной ихъ надежды. Старой Принцъ Фердинандъ самъ разсказалъ о несчастномъ произшествїи; Принцесса Радзивилъ взяла къ себѣ оставшихся сиротъ, побочныхъ дѣтей покойника, отъ прежней надзирательницы, съ тѣмъ чтобъ имѣть ихъ подъ собственнымъ своимъ присмотромъ. Поступокъ сей сдѣлалъ во всѣхъ сильное впечатлѣнїе.

Принцъ, сей отличный, любви достойный мужъ, за оказанную въ прежнїе годы храбрость и великїя способности къ службѣ обожаемый отъ всего войска, благородными качествами и дарованїями привлекъ многїя сердца на свою сторону. И такъ не нужно сказывать, что искреннїе почитатели оплакивали его кончину; прибавлю только, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ смерть Принца была урономъ для цѣлаго отечества. Народъ плакалъ на улицахъ; старухи, которыя можетъ быть никогда не видали его, рвали на себѣ волосы отъ горести. — Любовь къ отечеству и здѣсь одержала верхъ надъ печалїю. Разсматривали обстоятельство его смерти; видѣли, что Принцъ добровольно подвергся оной; сердились, для чего онъ въ точности не исполнилъ данныхъ повелѣнїй, и можетъ быть, еслибъ имѣли досугъ, скоро стали бы проклинать его память. Но въ сїе время очень часто приходили извѣстїя о войскѣ — однакожь не отъ правительства.

(Окончанїя не получено.)

III.

Извѣстія и замѣтанія.

Вотъ выписки изъ разныхъ вѣдомостей иностранныхъ:

Изъ Монитера. „*Лиссабонъ.* Всѣ въ одинъ голосъ кричатъ въ Лиссабонѣ, что надобно взять сторону Франціи; что Англичане измѣнили всѣмъ своимъ союзникамъ; что Франція одна можетъ *защитить независимость* Португаллїи; что Франція одна есть такая земля, въ которую постоянно вывозятся произведенія сего королевства, и что по сей торговой причинѣ, равно какъ и по причинамъ политическимъ, дружество Франціи есть единственное средство спасти Португаллію.“

„Г. Алмейда, почитаемый виновникомъ нынѣшнихъ поступковъ правительства, возбудилъ противъ себя общее негодованіе. Что Англичане могутъ сдѣлать? прислать войско для нашей обороны и не прислать его. Въ первомъ случаѣ что они въ состояніи прислать къ намъ *десять*, *двадцать*, пускай *тридцать* тысячь человѣкъ: чтожь будетъ это значить? не болѣе, какъ авангардъ Французскаго войска. Напередъ можно угадывать, чѣмъ окончится сраженіе, и судьба наша въ нынѣшнемъ же году рѣшится.

Но ежели мы примемъ сторону твердой земли; то справедливость при насъ останется. Обида, всѣмъ Государямъ нанесенная безчеловѣчнымъ нападеніемъ на Копенгагенъ, оправдаетъ наше сопротивленіе. Мы поступимъ по правиламъ здравой политики; ибо утвердимъ наше бытіе и независимость."

„Но Англичане овладѣютъ Бразиліею! Посмотримъ, какъ въ этомъ успѣютъ тѣ, которыхъ недавно выгнали изъ Буэносъ-Айреса. Нѣтъ; они мало опасны для Американскихъ жителей, въ которыхъ возбудили противъ себя негодованіе. Бразильцы, вѣрою одушевляемые, лучше согласятся погибнуть, нежели подпасть игу еретиковъ. — Но Англичане овладѣютъ Мадерою! Овладѣютъ, и послѣ принуждены будутъ отдать обратно."

„Между тѣмъ одна эскадра наша плаваетъ на моряхъ, другая вошла въ гавань изъ Средиземнаго моря. Судя по нашимъ приготовленіямъ и по безпокойству Англичанъ, можно бы думать, что мы хотимъ воевать противъ Англіи; но отъѣздъ Французскаго министра, къ несчастію, показываетъ, въ какомъ состояніи наши дѣла находятся."

„Изъ всего должно заключить, что наше правительство не имѣетъ своей собственной воли, что нѣтъ въ немъ согласія, и что мы лишимся своего отечества. Да будетъ проклята Англія! она есть виновница нашихъ несчастій, виновница несчастій Даніи и Германіи! На всей твердой землѣ нѣтъ ни одного уголка, которой остался бы необагреннымъ кровію жителей отъ ея происковъ, отъ звѣрскихъ ея правилъ, отъ Махіавелическихъ козней. Всѣ люди, на свѣтѣ нынѣ живущіе, пылаютъ ненавистію къ Англіи.“

„Мы получили извѣстіе, что Французское войско, подъ начальствомъ генерала Жюно состоящее, находится уже въ срединѣ Испаніи. Какъ теперь поступитъ Принцъ Бразильской? Чѣмъ ближе опасность, тѣмъ непостояннѣе его намѣренія. Предпринимаемое имъ путешествіе въ Бразилію конечно есть шутка, которою хотятъ испугать Францію — какъ будто Франція боится, чтобъ не возникло въ Индіяхъ независимое государство! Понесла ли уронъ Франція отъ того, что сѣверная Америка сдѣлалась независимою?“

Въ Англійскихъ листкахъ, называемыхъ Whig Independant помѣщены, замѣчанія о нынѣшнемъ невыгодномъ положеніи Англійскаго Королевства. — „Скоро Англія будетъ

наслаждаться прочнымъ счастїемъ, то есть лишится и друзей и союзниковъ. Датчане ожесточились противъ насъ, такъ что всѣмъ нашимъ солдатамъ, на островѣ Зеландѣ находящимся, угрожаетъ опасность со стороны жителей. ИМПЕРАТОРЪ Всероссїйскїй приглашаетъ всѣ Дворы сѣверные вооружиться противъ Англїи, и положить преграду ея насильственному самовластїю на морѣ Балтїйскомъ. Въ новомъ указѣ содержатся статьи, которыя стѣснятъ нашихъ купцовъ, и заставятъ насъ прервать всякое сообщенїе съ Россїею. Пристани Россїйскїя приводятся въ оборонительное состоянїе; уже предприняты всѣ средства обезпечить независимость Балтїйскаго моря. Голландїя, Данїя и Пруссїя строжайшимъ образомъ запретили подданнымъ своимъ имѣть сообщенїе съ Англїею. Королъ Шведскїй явно жалуется на вѣроломство наше; ибо мы, обѣщавши дать ему помощь, не сдержали слова и отправили войско свое противъ Копенгагена. Въ награду за всѣ понесенные труды мы получили ветхїе корабли, въ которыхъ не имѣемъ никакой надобности, и которые ни къ чему намъ не годятся. Что съ тобою сдѣлалось, о Великая Бриттанїя! ты, которая прежде имѣла такую силу на твердой землѣ Европы? Прошло время, въ которое ты была царицею народовъ!"

„До сихъ поръ никто не зналъ, какія вѣсти привезены къ намъ со Средиземнаго моря; наконецъ теперь говорятъ, что войска наши оставили Сицилію, и что Королевская фамилія съ сокровищами своими и всѣми кораблями отправилась оттуда на островъ Мальту. — Кажется, что Парламентъ нашъ соберется не прежде Апрѣля мѣсяца; ибо въ Апрѣлѣ министры будутъ имѣть нужду въ займѣ денегъ. Министры обыкновенно собираютъ членовъ Парламента только тогда, когда надобны деньги.

Статья изъ Morning Chronicle. „По письмамъ изъ Лиссабона извѣстно, что жители сей столицы, видя поспѣшное снаряженіе кораблей для отплытія Королевской фамиліи въ Америку, возстали противъ правительства. Народъ не хочетъ, чтобы Королевская фамилія удалилась; не хочетъ и того, чтобы корабли выходили изъ пристани. Общее негодованіе возрасло до такой степени, что полиція не смѣетъ укрощать непокорныхъ, боясь тѣмъ довести ихъ до отчаянія и бѣшенства. На улицахъ днемъ и ночью раздаются вопли войны и ненависти противъ насъ, и ни одинъ Англичанинъ не смѣетъ выдти изъ дому. Купцы со всевозможною поспѣшностію стараются нагружать свои товары. За переправу одного семейства изъ Лиссабона въ Лондонъ требуютъ 1000 фун-

новъ стерлинговъ. Желающіе продать свое имущество, по предписанію начальства должны половину денегъ получать ассигнаціями, въ которыхъ лишаются 40 процентовъ."

„Увѣряютъ, что адмиралъ Пурвисъ получилъ приказаніе плыть отъ Кадикса къ устью Тага. По всему видно, что онъ опоздаетъ, какъ бы ни старался торопиться. Министры сдѣлали великую ошибку, тѣмъ что неупотребили способовъ заранѣе отправить эскадру къ Лиссабону, или для обороны правительства и жителей Португаліи отъ Французовъ, если только это возможно, — или же для охраненія имущества и свободы нашихъ соотечественниковъ. Скажутъ намъ, что министры хлопотали объ отправленіи кораблей противъ Зееланда. Что прибыли въ томъ? Нѣтъ сомнѣнія, что правительство *обогатится* добычею, захваченною въ Даніи; однакожь торговля наша потерпитъ страшной уронъ въ Лиссабонѣ."

Изъ Берлина отъ 24 Октября. „Мрачныя облака все еще закрываютъ горизонтъ нашъ и небо непрояснилось. Войска безпрестанно идутъ черезъ нашъ городъ. Предписано о продовольствіи ихъ употреблять всевозможное стараніе и давать имъ квартиры выгодныя и просторныя. Въ Брандебургѣ приготовляется немалое количество съѣстныхъ припасовъ. На сихъ дняхъ привезено

сюда изъ Магдебурга множество пушекъ, которыя тотчасъ отправлены въ Кистринъ; напротивъ того артиллерія, уложенная здѣсь на лодки, отвезена будетъ во Францію. Триста Французскихъ артиллеристовъ неусыпно работаютъ въ нашихъ арсеналахъ подъ присмотромъ генерала Сенъ-Лорана, которой уже три мѣсяца живетъ въ Берлинѣ. Наши военноплѣнные офицеры еще не возвратились; а тѣ, которые здѣсь находятся, не смѣютъ надѣвать мундира, и должны для свободнаго прожитія каждую недѣлю брать новые письменные виды отъ генерала Сенъ-Гилера, Берлинскаго губернатора."

Въ другомъ письмѣ содержится слѣдующее: „Преобразованіе Прусскаго войска уже начато. Король отставилъ отъ службы болѣе тридцати генераловъ. Изданы постановленія для войска: 1. иначе не можно получить офицерской чинъ, какъ начавши служить съ самыхъ низшихъ степеней. 2. Въ войскѣ уничтожается всякое различіе между дворянами и мѣщанами; послѣдніе производятся на равнѣ съ первыми. 3. Впредь никого небить палками. Заслужившіе наказаніе задерживаемы будутъ подъ карауломъ. Кто провинится въ четвертой разъ, того бить шпажными полосами."

30 *Ноября.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДЕКАБРЬ, 1807.

№ 24.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

ОТВѢТЪ (*)

на письмо Господина Луки Говорова, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы Апрѣля 1807 No 8, подъ заглавіемъ: Письмо изъ города N. N. въ столицу.

Государь мой!

Нашелъ я въ *Вѣстникѣ Европы*, который охотно читаю, письмо ваше, въ коемъ вы говорите: „Нужда, виновница обще-

(*) Написанъ въ скоромъ времени по напечатаніи самаго письма, и тогда же посланъ былъ для помѣщенія въ *Вѣстникѣ Европы*. Къ сожалѣнію Издатель получилъ статью сію очень поздно, и потому ранѣе не могъ сообщить ее своимъ читателямъ.

„житія, шепнула на ухо пяти или шести „изъ числа здѣшнихъ почтеннѣйшихъ граж- „данъ, чтобъ согласились составить времен- „ную библіотеку, выписать новыя книги и „журналы, и проводить по нѣскольку вече- „ровъ каждую недѣлю, занимаясь чтеніемъ „и разговорами — только не о погодѣ, но „о словесности и наукахъ. Въ доказатель- „ство, что вечернія наши засѣданія ни мало „не походили на собранія Квакеровъ, скажу, „что и женщины удостоивали насъ своею „бесѣдою.“ — По сему описанію вашему вы въ маленькомъ городкѣ своемъ то дѣлаете, что рѣдко дѣлаютъ въ столицахъ. Люди имѣютъ разныя склонности, которыхъ я не осуждаю; но что до меня, я бы лучше предпочелъ быть въ вашемъ собраніи, нежели тамъ откуду, по услажденіи всѣхъ чувствъ, возвращаются домой безъ душевнаго удовольствія. Одного только пожелалъ бы я, если бы удостоился быть въ вашемъ обществѣ: вы говорите, что согласились выписать новыя книги и журналы; а мнѣ бы хотѣлось, чтобъ старыя книги, и даже очень старыя, перемѣшаны были съ новыми; не все то хорошо, что ново, и не все то худо, что старо. Далѣе описываете вы пожилаго Ассесора, которой долго учился въ Кіевской Академіи, и которой иногда защищаетъ книгу мою, называемую *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*, иногда возражаетъ

противъ нее. Смѣю увѣрить господина почтеннаго Ассесора, что мнѣ столько же и возраженіе его, сколько защищеніе, пріятно. Основанный на чистосердечіи судъ и пристрастное злословіе такъ несходны между собою, что развѣ одинъ слѣпой не примѣтитъ ихъ различія. Благодарю его, что онъ въ намѣреніи моемъ при сочиненіи сей книги видитъ не грубую нѣкую и невѣжественную ко всему иностранному ненависть, но истинную и праводушную къ отечеству моему любовь и привязанность. Такъ конечно. Я люблю иностранцевъ; почитаю ихъ таланты и достоинства; но еще болѣе люблю моихъ соотечественниковъ. Весьма желаю, чтобъ всѣ племена и народы были нашими друзьями; — но не господами. Согласенъ перенимать у нихъ доброе; но лучше хочу видѣть, чтобъ они у насъ доброе перенимали. Укоризны мои тѣмъ Русскимъ, которые уничижаютъ себя предъ ними, не есть гласъ презрѣнія, но вопль соболѣзнующаго объ нихъ сердца. Часто размышляю я: не обманываетъ ли меня мой умъ? не излишно ли увеличиваю я вещи? не мечтается ли мнѣ тамъ зло, гдѣ его нѣтъ? не паче ли къ изліванію чувствъ моихъ побуждаетъ меня брюзгливость моего нрава, нежели существующія въ самомъ дѣлѣ причины? Такъ часто самаго себя изслѣдываю; но по несчастію тысячи опытовъ разсѣяваютъ

мое сомнѣнїе. Взойдемъ, какъ *хромоногой бѣсъ*, на высокую башню; снимемъ кровли съ домовъ, и посмотримъ, что въ нихъ происходитъ. Съ чего начать? съ воспитанїя. Есть ли хоть одинъ домъ, кромѣ самыхъ бѣдныхъ, въ которомъ бы дѣтей нашихъ воспитывали не Французы? Сїе обыкновенїе такъ возрасло и усилилось, что уже надобно быть героемъ, дабы побѣдить предразсудокъ, и не послѣдовать общему теченїю вещей! Попытайтесь сказать, что совершенный языку нашему, наукамъ, художествамъ, ремесламъ, рукодѣлїямъ и даже нравамъ, наноситъ вредъ принятое по несчастїю всѣми правило, что надобно дѣтей своихъ съ самаго малолѣтства ихъ обучать иностраннымъ языкамъ, то есть — одному Французскому; попытайтесь, говорю, сказать сїе, сердитые и безразсудные выцарапаютъ вамъ глаза; а тѣ, которые помягче и поумнѣе, станутъ вамъ доказывать: „Не пустое ли ты говоришь? Когда же лучше обучаться иностранному языку, какъ не въ самомъ ребячествѣ? Дитя играючи научится сперва говорить, потомъ читать, потомъ писать, и какъ Французской языкъ необходимо нуженъ (замѣтьте сїе выраженїе) *необходимо нуженъ* въ бесѣдахъ, притомъ же на немъ много есть всякаго рода учебныхъ и прекрасныхъ сочиненїй; то вопервыхъ безъ труда привыкнетъ онъ свободно разговари-

вать и чисто произносить, вовторыхъ чтенїемъ книгъ изостритъ свой умъ, въ третьихъ приобрѣтетъ многїя познанїя, и напослѣдокъ будетъ писать такъ складно, какъ бы родился въ Парижѣ." Вотъ важныя доказательства, по которымъ Французской языкъ *необходимо нуженъ*. Какъ увѣрить многихъ изъ насъ, что въ этой-то самой мысли, что онъ необходимо нуженъ, и заключается владычество его надъ нами и наше рабство? Для чего истинное просвѣщенїе и разумъ велятъ обучаться иностраннымъ языкамъ? для того чтобъ распространять понятїя наши, приобрѣсть познанїя. Но для сего всѣ языки нужны и полезны: на Греческомъ писали Платоны, Гомеры, Демосѳены, Софоклы, Еврипиды и проч.; на Латинскомъ Виргилїи, Цицероны, Горацїи, Квинтилїяны, Тациты и проч.; на Италїанскомъ Данты, Петрарки, Тассы, Арїосты, Метастазїи и проч.; на Французскомъ Расины, Корнелїи, Фенелоны, Вольтеры, Лагарпы и проч.; на Нѣмецкомъ Клопштоки, Галлеры, Геллерты, Геснеры, Виланды и проч.; на Англїйскомъ Мильтоны, Шакесперы, Попїи, Юнги, Адиссоны и проч.; для чего же безъ сихъ языковъ можемъ мы быть, а Французской намъ необходимо нуженъ? Ясно, что мы не о пользѣ языковъ думаемъ: иначе за что бы намъ всѣ другїе и даже свой собственной такъ уничижать предъ Французскимъ,

что тѣ мы едва разумѣть хотимъ, а безъ этого, ежели не такъ имъ говоримъ, какъ природные Французы, стыдимся на свѣтъ показаться? Стало быть мы не по разуму и не для пользы обучаемся ему; но для того только, что въ обычай вошло: чтожь это иное какъ не рабство? Конечно Французской языкъ самъ по себѣ не вреденъ; но слѣпая наша страсть къ нему дѣлаетъ его для насъ вреднымъ. Сравнимъ привязанность нашу къ нему съ привязанностїю къ другимъ языкамъ, и тогда будетъ онъ для насъ полезенъ. Скажутъ: „да онъ потому необходимо нуженъ, что сдѣлался общимъ, и во всей Европѣ употребительнымъ.“ Я сожалѣю о Европѣ, но еще болѣе сожалѣю о Россїи. Для того-то можетъ быть Европа и пьетъ горькую чашу, что прежде нежели оружїемъ Французскимъ побѣждена уже была языкомъ ихъ. Прочитайте въ переведенной съ Французскаго языка книгѣ, называемой *Тайная исторїя новаго Французскаго Двора*, въ письмѣ XVI, въ которомъ описывается, какъ министры ихъ, обѣдая у Принца своего Людвига, разсуждали о способахъ искоренить Англїю — прочитайте, говорю, сїе примѣчанїя достойное мѣсто: „Вспо-„мните (говорилъ Порталисъ), что все-„общее употребленїе Французскаго языка „служитъ первымъ основанїемъ всѣхъ связей, „которыя Францїя имѣетъ въ Европѣ; оно

„приумножило ея могущество и славу. Сдѣ-„лайте, чтобъ въ Англіи также говорили „по-французски, какъ въ другихъ краяхъ, „напримѣръ въ . . . ., то конечно будемъ „мы знаменитѣе въ глазахъ сего надменна-„го народа.“ Порталисъ прибавилъ еще къ сему, что если бы удалось имъ завоевать Англію, то прежде всего надобно истребить употребленіе природнаго языка. — „Прежде всего (продолжалъ онъ) старай-„тесь истребить въ государствѣ языкъ на-„родной, а потомъ уже и самой народъ. „Пусть молодые Англичане тотчасъ посла-„ны будутъ во Францію, и обучены одному „Французскому языку; чтобъ они не гово-„рили иначе какъ по-французски, дома и „въ обществѣ, въ семействѣ своемъ и въ го-„стяхъ; чтобъ всѣ указы, донесенія, рѣ-„шенія, договоры и условія были писаны на „Французскомъ языкѣ; чтобъ нигдѣ не смѣ-„ли заикнуться на своемъ природномъ — и „тогда Англія будетъ нашею рабою.“ Вотъ разсужденіе одного изъ ихъ государственныхъ людей; и оно весьма справедливо. Еслибъ Фридрихи Вторые не презирали собственнаго языка своего; ежелибъ всякая держава сохраняла свою народную гордость: то Французская революція была бы только въ углу своемъ страшна; мнимые ихъ философы не вскружили бы столько головъ; они бы вредны были токмо для своего прави-

шельства и народа, а не для всей Европы; Французы не шагали бы изъ царства въ царство, потому что не въ разногласіи умовъ успѣхи, но въ единогласіи ихъ вездѣ нашли бы себѣ оплотъ и отпоръ. Когда Франція колеблется; когда въ ней развращенные умы лживыми мнѣніями своими потрясаютъ основанія законовъ, добродѣтели, вѣры, нравовъ, — и всѣ окрестныя земли вмѣстѣ съ нею колеблются, словно какъ бы онѣ составляли одинъ съ нею народъ и одно царство! Отъ чего сіе, какъ не отъ общаго языка ихъ разліянія, подчинившаго умы наши ихъ умамъ? Но оставимъ другія Европейскія земли, и возвратимся къ своему отечеству. Благодаря святой вѣрѣ, научающей насъ воздавать *Божіе Богови и Кесарево Кесареви*, благодаря наслѣдственнымъ намъ отъ предковъ нашихъ благимъ нравамъ, Россія еще не такова; не такова, однако же надлежитъ отъ прилипчивыхъ болѣзней себя предохранять, особливо же отъ такихъ болѣзней, которыхъ ядовитость нечувствительно вкрадывается и разпространяется.

До сихъ поръ говорили мы, что Французской языкъ предпочтительно предъ всѣми считаемъ мы необходимо нужнымъ, не для почерпанія изъ него познаній, но для того чтобъ на немъ разговаривать. Теперь разсмотримъ ближе, какія изъ того раж-

даются слѣдствія. Обучиться иностранному языку, такъ чтобъ разумѣть оный и читать на немъ книги, не много времени потребно тому, кто грамматику языка своего хорошо знаетъ. Напротивъ того обучиться иностранному языку, такъ чтобъ говорить имъ какъ своимъ природнымъ, иначе невозможно какъ надобно или долгое время жизнь въ той землѣ, или отъ самаго младенчества безпрестанно заниматься онымъ. Сіе отведетъ васъ, и воспрепятствуетъ вамъ знать собственный языкъ вашъ, разумѣется не тотъ, которому научились вы на улицѣ, но тотъ, какимъ въ священныхъ храмахъ проповѣдуется слово Божіе, и какой находимъ мы въ книгахъ отъ Нестора до Ломоносова, отъ Игоревой пѣсни до Хераскова и Державина. Сіе отведетъ васъ отъ многихъ касающихся до Россіи свѣдѣній. Вы можетъ быть много лишняго узнаете о Французскихъ почтовыхъ домахъ и о Парижскихъ театрахъ, гуляньяхъ и переулкахъ; но многаго весьма нужнаго не будете знать о своемъ отечествѣ. Вы всѣмъ этимъ пожертвуете для чистаго произношенія Французскаго языка. Посмотрите: маленькой сынъ вашъ, чтобъ лучше и скорѣе сему научиться, иначе не говоритъ, какъ со всѣми и вездѣ по-французски: съ учителемъ, съ вами, съ матушкою, съ братцомъ, съ сестрицею, съ мадамою, съ гостьми,

дома, на улицѣ, въ каретѣ, за столомъ, во время игранія, ученія и ложась спать. Не знаю на какомъ языкѣ молится Богу, можетъ быть ни на какомъ. Начавъ отъ четырехъ или пяти лѣтъ быть на рукахъ у Французовъ, онъ приучаетъ языкъ свой къ чистому выговору ихъ рѣчей, слухъ свой къ искуству составленія ихъ выраженій, и умъ свой ко звуку и смыслу ихъ словъ. Не думаете ли вы, что привычка, а особливо отъ самыхъ юныхъ лѣтъ начавшаяся, не имѣетъ никакой власти надъ нашимъ сердцемъ, разумомъ, вкусомъ и душою? Вспомните Сумарокова стихъ:

Привычка естества сильнѣе иногда.

На десятомъ году онъ уже весьма хорошо читаетъ Расиновы и Корнеліевы стихи, знаетъ наизусть множество мѣстъ изъ *Pucele d'Orleau* и другихъ подобныхъ тому сочиненій; но еще ни одного Русскаго писателя не читалъ, а Псалтыри, Нестора, Четьи-минеи и въ глаза не видалъ. На тринадцатомъ году онъ уже начинаетъ спорить съ учителемъ своимъ, кто изъ нихъ на скажетъ больше пріятныхъ словъ торговкамъ модныхъ вещей и актрисамъ. Между пятнадцатымъ и осьмнадцатымъ годомъ онъ уже глубокой философъ; разсуждаетъ о просвѣщеніи, которое по мнѣнію его не въ томъ состоитъ, чтобъ земледѣ-

лецъ умѣлъ пахать, судья судить, купецъ торговать, сапожникъ шить сапоги; нѣтъ, но въ томъ, чтобъ всѣ они умѣли чесаться, одѣваться, и читать по-французски прозу и стихи. О безсмертіи души онъ никогда не думаетъ, а вѣритъ безсмертію тѣла, потому что здоровъ и ѣстъ противъ десятерыхъ. Часто судитъ о нравственныхъ вещахъ, и больше всего превозноситъ вольность, которая по его понятіямъ въ томъ состоитъ, чтобъ не считать ничего священнымъ, не повиноваться ни чему, кромѣ страстей своихъ. На двадцатомъ или двадцать пятомъ году онъ по смерти вашей дѣлается наслѣдникомъ вашего имѣнія. О если бы вы лѣтъ чрезъ десятокъ могли встать изъ гроба и посмотрѣть на него! Вы бы увидѣли, что онъ добываемое изъ земли съ пролїянїемъ пота десятью тысячами рукъ богатство расточаетъ двумъ, тремъ, или пяти обманывающимъ его иностранцамъ; вы бы увидѣли у него огромную библїотеку всякаго рода Французскихъ книгъ, украшенную богатыми портретами Гелвецїевъ и Дидеротовъ; а вашъ и супруги вашей портретъ, непрогнѣвайтесь, вынесенъ на чердакъ, и приносится только, когда надобно посмѣяться, какъ вы одѣты были странно; вы бы узнали, что онъ не только на могилѣ вашей никогда не былъ, ниже въ той церкви, гдѣ вы похоронены, или лучше

сказать ни въ какой; вы бы увидѣли, что онъ надъ бабушкою своею, чуть дышущею, хохочетъ, и говоритъ ей: Лукерья Федоровна, скажи что нибудь про старину; — вы бы увидѣли, что онъ не способенъ быть ни воиномъ, ни судьею, ни другомъ, ни мужемъ, ни отцемъ, ни хозяиномъ, ни гостемъ; вы бы увидѣли . . . Но оставимъ продолженїе, и спросимъ только: послѣ всего этого утѣшило ли бы васъ то, что онъ хорошо, красно и свободно говоритъ по-французски? Оглянитесь хорошенько, не найдете ли подобныхъ сему въ кругу вашего знакомства? Но перестанемъ представлять себѣ вещи съ худой стороны; посмотримъ на нихъ съ лучшей. Положимъ, что сынъ вашъ пресчастливымъ образомъ избѣгнулъ отъ поврежденія нравственности; онъ остался при добрыхъ правилахъ, почитаетъ вѣру, наблюдаетъ законы, любитъ свое отечество, способенъ быть полезнымъ сыномъ онаго, женился, имѣетъ дѣтей, и живетъ какъ должно благовоспитанному дворянину и доброму отцу семейства. Однако же надлежитъ быть неслыханному и превеликому чуду, чтобъ привычка, отъ самыхъ мягкихъ ногтей утвердившаяся, и общїй обычай безпрестанно ее поддерживающїй, не поселили въ немъ нѣкотораго пристрастїя ко всему иностранному и нѣкоторой ему самому непримѣтной холодности ко всему отечественному. Напри-

мѣрѣ, онѣ не гнушается языкомѣ своимѣ: однакожь вѣ двадцати шкапахѣ его, набитыхѣ книгами, нѣтѣ ни одной Русской. Онѣ любитѣ свой народѣ: однакожь изѣ приглашенныхѣ кѣ столу его пяти или шести художниковѣ, сѣ которыми онѣ весьма ласково обращается, нѣтѣ ни одного Русскаго. Онѣ охотникѣ до театра, однакожь вы никогда не увидите его вѣ Русскомѣ представленіи, но всегда во Французскомѣ спектаклѣ. Жена его также никогда вѣ Русской театрѣ не ѣздитѣ, и даже говоритѣ: „можно ли туда ѣздить, гдѣ ни одной порядочной женщины не бываетѣ?“ и если вѣ этомѣ поспоришь сѣ нею, такѣ она тотчасѣ скажетѣ: „ахѣ! mon cher! да ты взгляни только на публику во Французскомѣ спектаклѣ и вѣ Русскомѣ, такѣ ты тотчасѣ увидишь розницу.“ Старшій сынѣ ихѣ служитѣ вѣ арміи противѣ Французовѣ (*), защищаетѣ храбро свое отечество: однакожь на отечественномѣ языкѣ писать или не хочетѣ или не умѣетѣ; онѣ пишетѣ кѣ батюшкѣ, кѣ матушкѣ и кѣ сестрицамѣ по французски. Письмо это всѣмѣ читаютѣ, и нѣтѣ никакого сомнѣнія, что ежелибѣ оно написано было по-русски, такѣ бы его и показывать не стали. Сему не должно удивляться: привычка и господствующее мнѣ-

(*) Писано во время войны.

нїе такъ сильны; что онѣ дѣлаютъ чудеса; и въ такую берутъ человѣка неволю, что онъ противъ убѣжденїй разума своего, насильно, какъ бы магнитомъ, втягивается въ вихрь общаго предразсудка.

Теперь возмемъ произшедшее отсюду не малое число поврежденныхъ во нравахъ людей (разумѣется одинъ побольше, другой поменьше); сложимъ оное съ великимъ числомъ тѣхъ, кои силою привычки, образа жизни и примѣровъ сдѣлались паче иностранцами, нежели Русскими (также одинъ побольше, другой поменьше); придадимъ къ тому число подражателей всему; что въ обычаѣ; ибо извѣстно, что мѣлкое подражаетъ всегда крупному, малое большому; помножимъ все это тѣмъ, что чужеземные наши воспитатели, наставники, прїятели, искусники, художники, безпрестанными своими изобрѣтенїями, хитростями, выдумками; все сїе въ насъ питаютъ, поддерживаютъ, подкрѣпляютъ, умножаютъ — и тогда мы увидимъ, что такїе успѣхи нелегко могутъ быть остановлены. Между тѣмъ они ведутъ насъ не къ блаженству и славѣ; но совсѣмъ въ противную сторону. Мы можемъ о томъ, куда они насъ ведутъ, заключить изъ того, до чего они насъ довели. Посмотримъ на сїе, хотя до половины только отворенными глазами. Мы уже отчасти видѣли, что Славенскїй древнїй, коренный,

важный, великолѣпный языкъ нашъ, на которомъ преданы намъ нравы, дѣла и законы нашихъ предковъ, на которомъ основана церковная служба, вѣра и проповѣданіе слова Божіяго, сей языкъ оставленъ, презрѣнъ; никто въ немъ не упражняется, и даже самое духовенство, сильною рукою обычая влекомое, начинаетъ уклоняться отъ онаго. Чтожь изъ того выходитъ? Ѳеофановы, Георгіевы проповѣди, которымъ надлежало бы остаться безсмертными, гремѣть въ позднѣйшемъ потомствѣ, и быть училищами Русскаго краснорѣчія, подобно какъ у Грековъ и Римлянъ были Демосѳеновы и Цицероновы слова — сіи, говорю, проповѣди не только неимѣли многихъ и богатыхъ изданій, какъ то въ другихъ земляхъ съ меньшими ихъ писателями дѣлается; но и одно изданіе до тѣхъ поръ въ цѣлости лежало, покуда наконецъ принуждены были разпродать оное не книгами, но пудами, по цѣнѣ бумаги! Предо мною лежитъ книга *Théatre de Pierre Corneille*, изданная въ 1764 году. При концѣ ея напечатанъ списокъ особъ подписавшихся на сіе изданіе. Сколько бы вы думали въ одинъ разъ разобрано экземпляровъ? три тысячи! Теперь сдѣлайте сравненіе между ими и нами. Но постойте, еще одно. Сколько людей въ Европѣ читаютъ Волтера, Корнелія, Расина? Можетъ быть милліоновъ десять, ежели не двадцать.

Сколько человѣкъ читаютъ ихъ въ Россіи? Можетъ быть милліонъ или около того. А сколько человѣкъ, не говорю въ Европѣ, но въ Россіи, читаютъ Ломоносова, Кантемира, Сумарокова? Числа сего опредѣлить не льзя; оно отчасу уменьшается: однакожь на угадъ полагать можно, что перваго читаютъ еще человѣкъ тысяча другая, а послѣднихъ двухъ врядъ и сотню наберешь ли. Такъ симъ ли образомъ прославимся мы словесностію нашею? Великіе таланты писателей, равно какъ и великія доблести полководцевъ однимъ и тѣмъ же рычагомъ извлекаются изъ сокровенности — честолюбіемъ и славою. Возникнетъ ли тамъ полководецъ, гдѣ подвиговъ воинскихъ никто не уважаетъ? Возникнетъ ли тамъ писатель, гдѣ тщательныхъ и долголѣтныхъ трудовъ никто не читаетъ? Нѣтъ! тамъ никакой умъ не предается глубокому ученію, долгому умствованію, дабы прежде приношенія плодовъ приуготовить въ себѣ способность приносить ихъ зрѣлые и полезные; тамъ ни въ комъ не родится мысль предпринять нѣчто твердое, важное, и совершать оное не съ поспѣшностію и небреженіемъ, но съ терпѣливостію и безпрестаннымъ о томъ размышленіемъ; тамъ не найдемъ мы сихъ трудолюбивыхъ людей, которые прежде нежели работу свою, въ какомъ бы то ни было родѣ, окончатъ, тысячу другихъ о

томъ писателей прочитаютъ, лучшее изъ нихъ почерпнутъ, и собственный искусъ свой съ ихъ разсужденіями согласятъ: склонность къ таковымъ трудамъ не иначе раждается какъ отъ увѣренности въ возмездіи, состоящемъ въ знаніи цѣны онымъ. Безъ сего будутъ только показываться временные охотники писать, которыхъ мѣлкія сочиненія нетребуютъ ни упражненій въ наукахъ, ни знаній въ языкѣ, и о которыхъ можно стихомъ Сумарокова сказать, что они

Когда раждаются, тогда и умираютъ.

При таковыхъ обстоятельствахъ коренный языкъ нашъ отчасу болѣе будетъ погребаться въ забвеніи, словесность портиться и упадать. Но безъ языка и словесности могутъ ли распространяться науки? можетъ ли быть просвѣщеніе? могутъ ли процвѣтать даже художества и рукодѣлія? Нѣтъ! безъ нихъ науки невнятны, законы мрачны, художества нелѣпы, рукодѣлія грубы, и однимъ словомъ: все безъ вида, безъ образа, безъ души. Языкъ и словесность нужны не для однихъ наукъ, законовъ и художествъ; всякое ремесло, рукодѣліе и промыслъ ихъ же свѣтомъ освѣщаются, отъ нихъ заимствуютъ свое совершенство. Свой языкъ упадаетъ, потому что предпочитается ему чужой; съ паденіемъ языка своего упадаетъ охота трудиться на немъ; безъ трудовъ и

хорошихъ произведенїй, а наипаче еще при общемъ отвращенїи отъ чтенїя оныхъ, не воспаляется воображенїе, молчитъ изобрѣтенїе, нерастутъ ни въ какихъ родахъ искуства. Между тѣмъ чужїе народы пользуются симъ расположенїемъ, и не перестаютъ различными средствами отвращать наше вниманїе отъ самихъ себя и обращать оное на ихъ хитрости. Взглянемъ на прошедшее, и посмотримъ, не можемъ ли мы изъ самаго опыта извлечь какихъ нибудь доказательствъ. Сто лѣтъ тому назадъ, какъ мы начали учиться у иностранцевъ: чтожь, велики ли наши успѣхи? чему мы научились? какїе плоды отъ нихъ собрали? Можетъ быть скажутъ: расширенїя земель, побѣды, завоеванїя! — Но этому не они насъ обучили. Безъ природной, свойственной намъ храбрости и любви къ отечеству некогда было перенять, какимъ образомъ одержать Полтавскую побѣду. Нѣтъ! это не ихъ наставленїя плоды. Въ этомъ они скорѣе разучить, нежели бы научить насъ хотѣли, если бы могли. Я думаю, дорого бы дали они, чтобъ у солдатъ нашихъ была не православная душа, не Русское сердце, не мѣдная грудь. И такъ обратимъ глаза свои на другое, и посмотримъ, много ли они, такъ сказать, въ прелестныхъ искуствахъ и хитростяхъ своихъ насъ просвѣтили. Сто лѣтъ не одинъ годъ. Пора бы

уже въ такое долгое время и самимъ намъ сдѣлаться искусными. Но между тѣмъ воспитываютъ и всему обучаютъ насъ Французы; домы наши, храмы, зданія, строятъ они же; убираютъ и украшаютъ ихъ внутри они же; одѣваютъ и обуваютъ насъ, женъ нашихъ, сыновей и дочерей они же. Безъ нихъ не умѣли бы мы ни занавѣсокъ развѣсить, ни стульевъ разставить, ни чепчика, ни кафтана, ни сапоговъ на себя надѣть. Кареты, коляски, комоды, кресла, и всѣ домашніе для насъ приборы дѣлаютъ они же, руками Русскихъ. Дѣтей нашихъ стоять прямо, кланяться, танцовать, верхомъ ѣздить, смотрѣть въ лорнетъ, и проч. и проч. обучаютъ они же. Оркестрами и театрами увеселяютъ насъ они же. По крайней мѣрѣ кушанье на кухняхъ нашихъ готовятъ намъ Русскіе повара? Нѣтъ, и то дѣлаютъ они же! Мы бы могли исчисленія сіи продолжать до безконечности; но довольно уже и сихъ немногихъ статей. Вопросимъ теперь, почему все сіе дѣлаютъ иностранцы, и большею частію Французы? Развѣ природа одарила ихъ превосходнѣйшимъ умомъ и способностями? Развѣ она имъ мать, а намъ мачиха? — Кто это подумаетъ! чья голова удобна ко вмѣщенію въ себѣ такой ложной мысли? Тотъ развѣ, кто не знаетъ Русскаго народа. — Но отъ чего же иностранцы въ выдумкахъ, въ изобрѣ-

шеніяхъ, въ знаніяхъ разнообразить свои работы, въ угожденіяхъ вкусу людей, въ прочной и красивой отдѣлкѣ вещей, и во многомъ другомъ, кажется, очевидно предъ нами преимуществуютъ? Сему надлежитъ искать другой причины, инаго источника, а не природной тупости народа остраго и на все способнаго. Весьма бы не худо было поприлѣжнѣе изслѣдовать, не тѣ ли же самыя причины, которыя вредятъ языку нашему и словесности, препятствуютъ возрастать и успѣхамъ нашимъ въ искуствахъ, удовлетворяющихъ какъ нуждамъ, такъ и роскоши? Выше сего разсуждали мы, что гдѣ чужой языкъ употребляется предпочтительнѣе своего, гдѣ чужія книги читаются больше нежели свои, тамъ при безмолвіи словесности все нѣкоторымъ образомъ вянетъ и непроцвѣтаетъ. Присовокупимъ къ сему, что когда мы на одинъ изъ двухъ садовъ устремимъ свое вниманіе, тогда и умъ, и слухъ, и зрѣніе, и вкусъ прилѣпляется къ тому саду; отъ чего другой будетъ претерпѣвать по двумъ причинамъ: первое по предубѣжденію нашему противъ него, а второе и потому, что дѣйствительно небреженіе о немъ, какъ померкшее надъ нимъ солнце, не будетъ извлекать изъ него тѣхъ произрастеній, коими другіе сады украшаются. Обратитесь къ нему, согрѣйте его лучами вашего вниманія; не требуй-

ше, чтобъ онъ вдругъ и во мгновеніе ока представилъ взорамъ вашимъ рощи Африканскихъ и Американскихъ древесъ; потерпите, не преставайте насаждать, подчищать, разводить, умножать хорошее, истреблять худое: вы увидите, что онъ со временемъ раскинется и будетъ великолѣпенъ. Народъ тоже, что садъ. Не отвращай взора отъ его произведеній; полюби сперва несовершенство ихъ, предпочти свое чужому, посели въ него честолюбіе, возроди ревность, возбуди въ немъ уваженіе къ самому себѣ: тогда природное дарованіе найдетъ себѣ пищу, начнетъ расти, возвышаться, отчасу дѣлаться искуснѣе, и наконецъ достигнетъ до совершенства. Но покуда не возникнетъ въ насъ изострительница ума, просвѣтительница вкуса, источница всѣхъ изобрѣтеній, народная гордость, собственныя свои достоинства любящая; до тѣхъ поръ способности наши непоявятся на свѣтъ; мы будемъ только смотрѣть, какъ дѣлаютъ иностранцы; свой умъ останется бездѣйственъ, духъ непредпріимчивъ, око непрозорливо, руки неискусны. — Выписываютъ ли Французы учителей нашихъ для воспитанія дѣтей своихъ? Говорятъ ли въ Парижѣ языкомъ нашимъ? Много ли у нихъ нашихъ товаровъ, лавокъ, вывѣсокъ, мастеровъ, рукодѣльниковъ? Нѣтъ, они сего непотерпятъ. Они, распространя языкъ свой, себя только считаютъ въ правѣ на-

родною величаться гордостїю; себя только называютъ великимъ народомъ, великою державою. Мы съ неудовольствїемъ читаемъ въ книгахъ ихъ, что они часто жалуютъ насъ именами *des barbares*, *des esclaves*; они врутъ, но мы подаемъ имъ къ тому поводъ. Можетъ ли тотъ имѣть ко мнѣ должное уваженїе, кто меня учитъ, одѣваетъ, убираетъ, или лучше сказать, обираетъ, и безъ чьего руководства не могу ступить я шагу? Совсѣмъ иное понятїе возъимѣли бы они объ насъ, когда бы мы, свергнувъ съ себя неприличное намъ иго нуждаго языка и воспитанїя, оглянулись на собственное свое достоинство, и сказали имъ: „Какъ? мы, *варвары*, вѣкъ свой славимся нравомъ и оружїемъ; а вы, *не варвары*, ужасами революцїи своей отняли славу у самого ада! Какъ? мы, *эсклавы*, повинуемся Богомъ избранной надъ нами верховной власти и законамъ; а вы, *не эсклавы*, послѣ адской вольности, воздвигшей убїйственныя руки ваши на стариковъ и младенцевъ, наконецъ ползаете, когда палкою принудили васъ повиноваться! Какъ? мы, непросвѣщенные, почитаемъ вѣру, единственный источникъ добродѣтелей, единственную узду страстей, разрушающихъ миръ и тишину, единственную связь благоустроенныхъ обществъ; а вы, просвѣщенные, попрали ее, и самое бытїе Бога, не

по чудесамъ созданнаго имъ міра, но по опредѣленіямъ Робеспіеровымъ признавали! Какъ? мы, имѣя коренный, древній, богатый языкъ, станемъ предпочитать ему ваше скудное изъ разныхъ языковъ составленное нарѣчіе!" — Такъ бы народная гордость наша долженствовала отвѣчать ихъ народной гордости, а не такимъ образомъ объ нихъ думать:

„Премудрые Французы! гдѣ намъ за вами гоняться! у васъ и мужики говорятъ по-французски. Вы умѣете и чепчики дѣлать, и на головы накалывать, и цвѣты къ цвѣтамъ прибирать, и все, все знаете: куда намъ за вами гоняться! Ради самаго Парижа, не отступайтесь отъ насъ! Будьте всегда нашими учителями, одѣвателями, обувателями, наряжателями, потѣшниками, даже и тогда, когда соотечественники ваши идутъ насъ жечь и губить!" — Если мнѣніе наше о нихъ всегда будетъ такое, такъ отложимъ попеченіе о возниченіи нашемъ со стороны наукъ, художествъ и рукодѣлій. Станемъ припасать золото и платить имъ за все то, чего сами сдѣлать не умѣемъ. Мы не наживемъ славы, но за то проживемъ деньги.

Вотъ вамъ, господинъ Говоровъ, чистосердечныя мои мысли о связяхъ нашихъ

съ иностранными! покажите ихъ господину Ассессору вашему. Если онъ не вездѣ будетъ согласенъ съ ними; такъ пусть меня поправитъ. Я могу сдѣлать ошибки, или смотрѣть на вещи не съ той стороны, съ которой бы ихъ разсматривать надлежало; но я надѣюсь, что господинъ Ассессоръ и въ самыхъ ошибкахъ моихъ найдетъ одно чистосердечное усердіе къ моему отечеству, а не желаніе уничижать иностранцевъ. Въ заключеніе сего хотѣлъ бы я господину Ассессору отвѣчать нѣчто на его мнѣ возраженія; но опасаясь, чтобъ сіе незавело меня далеко, отзовусь только на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ письмѣ (стран. 302) сказано: „Вопреки мнѣнію господина Сочинителя о слогѣ, онъ (господинъ Ассессоръ) утверждаетъ, что Славенскій языкъ точно образованъ по свойству Греческаго, и что переводчики не мысли, но слова переводили. — Кто не видитъ, что сложныя слова: *единороднаго*, *единосущнаго*, *воплотившагося*, *вочеловѣчшася*, *неискусобрачная*, составлены въ то время, когда надлежало перевести *μονογενῆ*, *ὁμοούσιον*, *σαρκωθέντα*, *ἐνανθρωπήσαντα*, *ἀπειρόγαμε* и множество другихъ? Такимъ образомъ богатились всѣ языки.“ — Господинъ Ассессоръ думаетъ говорить мнѣ вопреки тамъ, гдѣ я съ нимъ совершенно согласенъ. Подъ словами моими, на которыя онъ ссылается: „Языки

не бочки; слова одного изъ нихъ не удобно переливать въ другой, такъ какъ воду изъ одной бочки въ другую: при переливѣ ихъ потребно умствовать и размышлять. Сколько ни сравнивайте церковныя наши книги съ Греческими, вы не найдете въ нихъ сего перелива словъ изъ Греческаго въ нашъ языкъ." (Прибавл. стр. 83) Подъ сими, говорю, словами моими отнюдь не разумѣлъ я то, что мы при переводѣ книгъ отъ Грековъ ничего не заимствовали; но что заимствовали умѣючи: то есть, тѣ только слова брали съ Греческаго, которыя по свойству ихъ и по свойству нашего языка равно вразумительны. Сія мысль моя весьма видна изъ предъидущей рѣчи, которую я сказалъ: „*при переливѣ ихъ потребно умствовать и размышлять.*" Какая нужда мнѣ, что *неискусобрачная* переведено съ Греческаго *ἀπειρόγαμε*, когда я безъ Греческаго знаю, что *неискусобрачная* есть неискусившая брака? Я неназываю это переводомъ словъ, потому что тутъ съ переводомъ слова вмѣстѣ и мысль переводится; а по моему переводъ словъ тамъ, гдѣ слово взято съ чужаго языка, но въ Русскомъ оно или не то значитъ, или совсѣмъ ничего незначитъ. Я бы вамъ показалъ здѣсь многіе тому примѣры; но краткость сего письма непозволяетъ мнѣ распространяться. Еще господинъ Ассессоръ говоритъ:

„Должны ли мы слова и словосочиненія, находящіяся въ Славенскихъ нашихъ книгахъ, *всѣ безъ изъятія* употреблять въ нынѣшнемъ высокомъ слогѣ? нѣтъ, и проч.“ Господинъ Ассессоръ столько справедливъ, что конечно нескажетъ про меня, будто я совѣтую употреблять ихъ *всѣ безъ изъятія*. Я скажу тотъ же самый *нѣтъ*, но только тѣ, которыя разумъ вашъ одобритъ. Однако я прибавлю къ тому, что малое наше упражненіе въ Славенскомъ языкѣ отъ многихъ важныхъ словъ и выраженій такъ насъ отъучило, напротивъ частое чтеніе слабыхъ сочиненій и переводовъ ко многимъ простонароднымъ словамъ и выраженіямъ такъ насъ приучило, что мы, не давъ себѣ труда хорошенько войти въ смыслъ и разумъ слова, достойное принятія нерѣдко отвергаемъ, а достойное отверженія приемлемъ. Не то бы мы были, когда бы не иначе о приличія словъ толковали, какъ съ глубокимъ изслѣдованіемъ всей обширности ихъ знаменованія; но въ таковыхъ изслѣдованіяхъ мы еще весьма бѣдны. Господинъ Ассессоръ говоритъ еще, что онъ *развиваются способности, распускаются дарованія, грубой и тонкой вкусъ*, употреблять не перестанетъ; въ этомъ и я ему послѣдую: однако ненапишу *развивается характеръ, утонченной вкусъ*, и гдѣ придется къ стати поставлю *вѣтротлѣнный*, *наитствуетъ*,

прозябаетъ. Всякой имѣетъ своего червяка. Что касается до прочихъ возраженій, я не исчисляю ихъ, ибо письмо сіе и такъ уже велико; но скажу только, что если бы случилось намъ съ господиномъ Ассессоромъ быть вмѣстѣ и почаще бесѣдовать, то можетъ быть осталось бы весьма немного такого, въ чемъ бы мы не согласились.

. . . . . .

С. Петербургъ.

II.

Перунъ (*).

Страшенъ во гнѣвѣ грозный Перунъ!
Буря предыдетъ сильному богу:
Ели косматы рукой исторгаетъ,
Волны морскія гонитъ на сушу. . .
Страшенъ во гнѣвѣ грозный Перунъ!
Черная туча — одежда его;
Молніи ярки — власы на главѣ. . .
Мощной стопою станетъ на гору —
Гулъ подъ горою съ воемъ грохочетъ. . .
Грозны глаголы небо колеблютъ,
Всѣмъ возвѣщаютъ гнѣвъ громодержца:
Смертный со страхомъ, съ трепетомъ внемлетъ. . .

*

(*) Я и братъ мой собираемъ *Баснословіе древнихъ Славяно-Россовъ.* Вотъ начатокъ нашихъ трудовъ. — *П. Кал.*

Сему верховному богу Славяне покланялись яко (скажемъ словами г. Попова) *строителю громострѣлянія* и всея твари создателю; его велѣнію приписывали перемѣны воздушныя (1); его именемъ клялись наши предки (2); — словомъ сказать — Перунъ былъ Славянскій Юпитеръ. Древніе Пруссы называли его *Перкуномъ* или *Паркуномъ*, а Латыши *Порканомъ*, и сіи

---

(1) Меховскій въ *Лѣтописи Польской о Князьяхъ Сѣверныхъ* и Брунакъ въ *Лѣтописи Литовской* пишутъ, что когда, въ царствованіе Олега I послѣ похода его на Грековъ, явилась комета на западѣ, подобная большому кусту; то Славяне думали, что Греки опять противъ нихъ возстанутъ, и что Перунъ симъ небеснымъ знакомъ ихъ о томъ увѣдомляетъ. См. о томъ же въ I Томѣ Россійской Исторіи Эмина. Стр. 124.

(2) См. Лѣтопись Несторову по Кенигсбергскому списку. С. П. Б. 1767. „И да будетъ *клятъ* отъ Бога и отъ *Перуна*, якоже *преступи клятву свою*. „*Стр.* 45.“ — И наутріе призва Игорь послы и пріиде на холмъ, гдѣ стояше *Перунъ*, и покладоша оружія своя и щиты, и золото, и *ходи* Игорь *ротѣ* (клялся) и мужи его и елико поганыхъ Руси.“ Тамже.

послѣдніе приносили ему жертвы въ густотѣ лѣсовъ своихъ.

Великій Князь Владиміръ, по возшествіи своемъ на престолъ Кіевскій (въ лѣто отъ Р. Х. 980), украсилъ его капище (3), стоявшее на высокомъ холмѣ внѣ *двора теремнаго* надъ *Боричевымъ* (4) потокомъ. Исту-

---

(3) Несторъ говоритъ, что Владиміръ поставилъ въ Кіевѣ Перуна и прочихъ боговъ: а прежде упоминаетъ, что *Игорь пріиде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ* и проч. Изъ сего видно, что Перуновъ храмъ былъ въ Кіевѣ еще до временъ Владиміра, и что сей Князь только украсилъ его, или поставилъ новаго Перуна на мѣсто стараго. — При томъ и сіе требуетъ особеннаго вниманія, почему Несторъ не упоминаетъ о храмѣ сего бога, а говоритъ только, что Владиміръ поставилъ кумиръ его на холмѣ? . . .

(4) Г. Глинка о происхожденіи слова *Боричевый* (См. *Древняя Религія Славянъ*. Митава 1804) такъ говоритъ: „Первоселенцы Кіевскіе, будучи Сарматскаго происхожденія и пришедши туда, вѣроятно, отъ Скандинавскаго полуострова, принесли съ собою Цельтійскихъ боговъ: *Боричемъ*, можетъ быть, назывался Перунъ какъ и *Одинъ* сынъ *Бора*, отъ чего и холмъ и

канъ Перуновъ былъ вырѣзанъ изъ *негнїющаго* дерева: голову имѣлъ серебряную, бра-

---

потокъ, или ручей, названы *Боричевыми*; ибо *Боръ* былъ отецъ боговъ, или *Одина*, владыки Скандинавскихъ боговъ. Самые Цельтїйскіе жрецы утверждали, что они произходятъ отъ сего *Бора*." — Иные сказываютъ, что сіе названіе произошло отъ словъ *богъ* и *ручей*, т. е. *божескій ручей*, ибо богъ Перунъ стоялъ надъ нимъ; однако въ Лѣтописяхъ видимъ слова: *Боричевъ потокъ* или *ручей*, что по переводу (если примемъ оную догадку за правильную) было бы тоже, что *божескій ручей ручей*. — Но больше съ правдою сходно, что сіе наименованіе произошло отъ словъ *богъ* и *рѣчь*, или *реченный*, т. е. потокъ *божїимъ нареченный*, или названный по тому, что Перунъ стоялъ надъ нимъ.

Боричевый холмъ былъ встарину на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ церковь Андрея Первозваннаго, или близь оной. Прежде сіе мѣсто было внѣ града, и пространство, находившееся между кумиромъ и Кіевомъ, бывало покрыто множествомъ народа, для приношенія жертвы стекавшагося: на сей площади стоялъ *Княжескій теремный дворъ*. По Лѣто-

ду, усы и уши золотыя, а ноги желѣзныя; въ рукѣ держалъ сдѣланный на подобіе молніи камень, рубинами и *карбункулемъ* (5) украшенный. Священный огонь (Зничь) отъ дровъ дубовыхъ горѣлъ предъ нимъ непрестанно; и если случалось, что, по нерадѣнію жреца, оный погасалъ, то виновнаго сожигали, яко врага божескаго.

Херасковъ во *Владимірѣ возрожденномъ* описываетъ его капище сими словами:

писцамъ нашимъ извѣстно, что Днѣпръ тогда протекалъ у самаго Боричева холма, и что слѣдовательно *Подола* не было, а люди жили на горѣ.

Въ разсужденіи перемѣны буквы ѣ на ж скажемъ, что вѣроятно въ глубокой древности слово *рѣчь* произносилось *ричь*, что доказываютъ: 1) производныя отъ онаго слова, нынѣ употребляемыя, какъ-то: *нарицаю*, *порицаніе*, *прорицатель* и проч.; 2) Малороссійское слово *ричь*: ибо нѣтъ сомнѣнія, что въ Малороссіи именъ Славянскихъ больше осталось, нежели въ Великороссіи; 3) самое названіе потока *Боричевымъ*.

(5) Такъ называется красной яхонтъ, испускающій лучи, какъ говорятъ, въ самой темнотѣ. У насъ встарину его называли *камнемъ-самоцвѣтомъ*.

Сей храмъ, ужасный храмъ надъ Боричевымъ
токомъ
Стоялъ сооруженъ на холмѣ превысокомъ;
Куреній восходилъ передъ кумиромъ дымъ;
Запекшаяся кровь видна была предъ нимъ.

И въ другомъ мѣстѣ:

Созижденъ высоко Перуновъ гордый храмъ;
Онъ тѣни распростеръ далеко по горамъ.
Предъ нимъ всегда горитъ неугасимый
пламень,
При входѣ утвержденъ краеугольный камень,
И камень гибели народомъ нареченъ;
Онъ черной кровію казался омоченъ:
На немъ несчастная та жертва трепетала,
Свирѣпости жрецовъ которая питала;
Тамъ смертоносныя орудія висятъ,
Сосуды кровію наполнены стоятъ.

Онъ же въ другомъ мѣстѣ описываетъ Перуна такимъ образомъ:

Сей мрачный храмъ вмѣщалъ ужаснаго кумира:
На немъ златой вѣнецъ, багровая порфира;
Извитые въ рукахъ перуны онъ держалъ,
Которыми разить во гнѣвѣ угрожалъ.
Златые на челѣ имѣлъ велики роги,
Серебряную грудь имѣлъ, желѣзны ноги;
Горѣлъ рубинами его высокой тронъ,
И богомъ всѣхъ боговъ именовался онъ.

Въ Новгородѣ до возшествія Владиміра на престолъ Кіевскій не было совсѣмъ Перуна,

а Свѣтовидъ и другіе боги имѣли тамъ храмы, о чемъ будетъ сказано пространнѣе въ своемъ мѣстѣ. Великій Князь послалъ туда Добрыню своего дядю посадникомъ, и приказалъ ему поставить Перуна на берегу рѣки Волхова. Новгородцы, по сказанію одного Лѣтописца, сначала противились сему повелѣнію; но послѣ такъ много почитали Перуна, что великаго труда стоило отвратить ихъ отъ того.

Праздникъ его, думать надобно, былъ весною — и тогда

Собирались люди Кіевски
Передъ холмъ священный Боричевъ
Видѣть свѣтлый праздникъ праздниковъ
И Перуну поклонишися . . .
Наряжались красны дѣвицы
Во одежды благоцвѣтныя,
Заплетали косы лентами,
Украшали грудь цвѣточками,
Васильковые вѣнки плели —
Чтобы праздновать *Великій день* (6) . . .

---

(6) Такъ, сказываютъ, называли Кіевляне праздникъ Перуна, а Новгородцы и жители острова Ругена праздникъ Свѣтовида; но по принятіи Славянами Христіянской вѣры, сіе имя дано свѣтлому Хр. Воскресенію. Въ Польшѣ первая ночь Святой недѣли и теперь называется Wielkanoc, т. е. *Великая ночь.*

Въ жертву закалали ему воловъ и другой скотъ, даже, говорятъ, плѣнниковъ и — своихъ дѣтей! Бѣдные приносили *мусты* (7), а иногда вырывали волоса изъ бороды или головы своей, и сожигали ихъ предъ нимъ (8). — Фрейцель говоритъ,

(7) Такъ назывались нѣкотораго роду жертвенные хлѣбы съ медомъ испеченные. Въ *Опытѣ повѣствованія о Россіи* Г. Елагинъ на стр. 117 говоритъ: „Чаятельно, что едва ли не отъ идоложертвенныхъ временъ остались еще у насъ и нынѣ подобные пряники (мусты), разныхъ животныхъ изображающіе, какъ-то, рыбъ, кониковъ, пѣтуховъ и проч., ибо всѣ таковыя животныя разнообразнымъ богамъ въ жертву употреблялись.“ Сіи *мусты* раздѣлялись на два рода: первой былъ обыкновенной съ медомъ хлѣбъ, а другой разныхъ животныхъ изображалъ, какъ и выше упомянуто.

(8) Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ *Розыскѣ о раскольнической Брынской вѣрѣ* пишетъ, что древніе Россы приходили къ Перуну на поклоненіе съ остриженною головою. Часть 2. гл. 19. листъ 126. — Думать надобно, что это бывало по какому-нибудь особенному произшествію, а не всегда; ибо въ противномъ случаѣ свидѣтельство его было бы невѣроятно.

что древнїе Пруссы приносили Перуну въ жертву бѣлыхъ коней. — Ему были посвящены лѣса, въ которыхъ закономъ запрещено было рубить или ломать вѣтви подъ смертною казнїю. По словамъ Вестфалена и Генце, городъ *Брунъ* или *Пернъ* построенъ въ честь сему богу.

Когда Владимїръ принялъ Христїянскую Вѣру (въ лѣто 988), то повелѣлъ сего начальнаго бога привязать къ лошадиному

Обычай жертвовать волосами былъ и у другихъ народовъ, и сїя жертва означала у нихъ благоговѣнїе къ богамъ и почтенїе къ людямъ. Птоломей обѣщалъ принести въ жертву свои волосы, если возвратится побѣдителемъ изъ Азїи. — Орестъ положилъ волосы на гробъ отца своего Агамемнона, означая тѣмъ почтенїе къ нему, любовь сыновнюю и печаль о смерти своего родителя. Не только язычники наблюдали сей обычай, но и у Христїянъ мы видимъ примѣры такого благочестїя. — Кловисъ вырвавши волосъ изъ головы своей, подалъ Сен-Жермьеру для увѣренїя его въ высокопочитанїи своемъ, и каждый изъ придворныхъ оказалъ благочестивому Епископу такой же знакъ почтенїя. — Обрѣзанїе волосовъ на головѣ у младенца при его крещенїи не есть ли первая жертва, имъ приносимая Творцу своему?..

хвосту (9), двенадцати воинамъ бить его палками, потомъ бросить въ Днѣпръ и даже до пороговъ недопущать его къ берегу.

Лѣтописцы повѣствуютъ, что когда такимъ образомъ Перунъ плылъ по водѣ, то язычники, еще непросвѣщенные свѣтомъ Христіанской Вѣры, плакали по немъ и кричали: *Выдыбай, господарю боже нашъ, выдыбай и на брегъ изыди!* Идолъ въ самомъ дѣлѣ выплылъ на берегъ; отъ чего то мѣсто называется и донынѣ *Выду*.

---

(9) Славяне нѣкоторыхъ преступниковъ наказывали слѣдующимъ образомъ: привязывали его ко хвосту лошади, которую пускали *по чисту полю кости разтыкати*; и такую смерть почитали безчестною. Любопытный найдетъ оное выраженіе во многихъ нашихъ сказкахъ, изъ коихъ видно, что такая казнь опредѣлена была за важныя преступленія. Можетъ быть сей обычай сохраняли Славяно-Россы въ воспоминаніе низверженія Перуна, для большаго ему поруганія и для презрѣнія къ прежнему своему суевѣрію; или, можетъ быть, сей обычай былъ у нихъ и до низверженія Перуна, и Кіевляне, привязавши его къ лошадиному хвосту, оказали ему самое величайшее безчестіе.

битами; повыше онаго на горѣ построенъ былъ потомъ Михайловскій мужескій монастырь, прозванный *Выдубицкимъ*. Нѣкоторые навязали кумиру на шею камень, и бросили его въ воду; быстрина принесла его къ подошвѣ одной горы или урочища *Рень*, отъ чего оная и теперь зовется *Перуновою горою*, или *Перуня Рень*.

Дорогу съ горы, по которой влачили Перуна, прозвали Кіевляне *чертовымъ бережищемъ*; а на томъ холмѣ, гдѣ стоялъ сей богъ, Владиміръ соорудилъ церковь во имя Св. Василія. Г. Эминъ прибавляетъ, что на семъ холмѣ сожжены были многіе жрецы, и получили за свой обманъ достойное воздаяніе. О низверженіи Новгородскаго Перуна такъ разсказываютъ: „И пріиде къ Новугороду (въ лѣто 991) Архіепископъ Іоакимъ, и повелѣ Перуна посѣщи, и вогрещи въ рѣку въ Волховъ, и повязавше ужи, влечаху его по калу, бьюще жезліемъ, и пхающе, и въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача стонати и вопити: *о горе! охъ мнѣ! достахся немилостивымъ силмъ рукамъ*, и вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловя (видно, что и сей былъ деревянный) сквозѣ великій мостъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ, противъ теченія воды) верже *палицу свою* (можетъ быть палица *его* значитъ вышеупомянутый камень, сдѣланный на подобіе

молнїи) и рече: *на селѣ мя поминаютъ Новгородскїя дѣти*, ею же и нынѣ безумнїи убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ, и заповѣда Архїепископъ нигдѣ же никому перенятти его. И пловущу ему и нощь всю, и иде Видблянинъ по рану на рѣку хотя горнцы (горшки) везти въ городъ, аже Перунъ приплылъ къ брегу, и онъ отрину его шестомъ, и рече: *ты Перушице да сыта еси ялъ и пилъ, а нынѣ поплови прочь*, и плы и до свѣта во Кощенье." См. Русскїй времянникъ М. 1790. Част. I. стр. 43.

Кайсаровъ говоритъ, что на мѣстѣ, гдѣ Перунъ остановился, построенъ былъ потомъ монастырь, названный *Перунскимъ*.

Выше сказано, что Перунъ будучи низверженъ съ моста въ рѣку, выбросилъ изъ воды *палицу* (10): сїе-то, говоритъ Ло-

(10) Г. Эминъ въ своей Исторіи на сїе замѣчаетъ: „Можетъ статься, говоритъ онъ, что какой-нибудь жрецъ съ Перуномъ съ мосту въ рѣку сброшенный, оставилъ по себѣ на мосту прежнїй духовный свой жезлъ, и какой-нибудь юноша къ прежнимъ своимъ богамъ усердный, схватя оный, разнесъ между своими такую вѣсть; ибо не вдругъ идолопоклонство пресѣчь было можно, такъ что объ

моносовъ, было причиною, что Новгородскіе юноши, вмѣсто игры, чрезъ долгое время послѣ сего произшествія, бились палками. Въ Литвѣ едва ли (замѣчаетъ Г. Елагинъ въ своей Исторіи на стр. 431.) и нынѣ пресѣклось сіе единоборство *выдти до пальца* называемое, и паче при сеймахъ часто бывавшее.

По вышеобъявленному произшествію (т. е. что Перуна съ мосту бросили) Новгородцы за безчестную смерть почитали быть низвержену съ онаго въ рѣку. „Сію поносную казнь (говоритъ Г. Татищевъ въ третей книгѣ своей Исторіи на стр. 508 въ примѣчан. 581) послѣднее за измѣну и бунтъ Новгородцемъ Царь Іоаннъ Васильевичь II совершилъ, знатнѣйшихъ бунтовщиковъ съ моста бросалъ; но какъ у нихъ на то сдѣлана была долбня, которою прежде осужденнаго въ голову ударили, чтобъ не выплылъ, и пехнули, для того оный Государь по казни ту долбню велѣлъ на воротахъ градскихъ повѣсить, чтобъ памятовали и впредь бунтовать опасались. Нѣкоторые басню сложили, якобы оную долбню оставилъ

оной Перуновой палкѣ за сто лѣтъ послѣ гибели Перуновой упоминали, и идолопоклонники оную благоговѣйно почитали.“ Том. I. стр. 339.

имъ идолъ Перунъ, какъ его въ рѣкѣ утопили, то онъ сію выбросилъ на мостъ; и сія басня въ поношеніе Новгородцемъ въ Ростовскомъ манускриптѣ и у нѣкоторыхъ въ Степенной находится. См. у него же книг. втор. стр. 249, 263. Книг. трет. стр. 362.

Догадка Г. Глинки, — что Перунъ происходитъ отъ Сарматскаго слова *Торымъ*, означающаго Всевышнее Существо — несправедлива. Другіе говорятъ, что сіе слово есть Греческое *περαυνὸς*; но вѣрнѣе, названіе Перуна произошло или отъ Богемскаго perc (бію, поражаю), или отъ Славяно-Русскаго *пру* (попираю, наступаю). Сіе слово въ различныхъ измѣненіяхъ на многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ означаетъ *громъ* или *молнію* (11).

Петръ Калайдовичъ.

III.

ЭЛЕГІЯ

Сельской дѣвушки.

Лѣто красное проходи скорѣй!
Ты наскучило мнѣ безъ милаго!
Я гуляю ли въ зеленомъ саду,
Брать ли въ лѣсъ хожу спѣлы ягоды,

---

(11) Громъ по польски piorun, по латышски perkonne и проч.

Отдыхаю ли подлѣ рѣченьки, —
Пуще тошно мнѣ! — Вспомяну тотчасъ,
Что со мною нѣтъ друга милаго,
Что мнѣ некому слова вымолвить,
Что я долго съ нимъ не увижуся!
Ахъ, безъ милаго все не мило намъ!
Ровно солнышко закатилося
Съ той поры самой, съ того времени,
Какъ простился онъ во слезахъ со мной,
Какъ въ послѣдніе онъ прижалъ меня
Ко бѣлой груди, къ ретиву сердцу.
Вспоминаетъ ли обо мнѣ онъ такъ? —
Такъ ли любитъ онъ все по прежнему? —
Много времени съ той поры прошло,
А ни грамотки, а ни вѣсточки, —
Ахъ отъ милаго! — не пришло ко мнѣ.
Да и слуху нѣтъ! — полно живъ ли онъ? —
Не въ тебѣ ли онъ мать сыра земля? —
Я послушаю припаду къ тебѣ,
Не услышу ли шуму, топоту, —
Не бѣжитъ ли то доброй конь его,
Не везетъ ли онъ добра молодца
На святую Русь къ красной дѣвицѣ,
Къ роду племени, къ родной матери? —
Нѣтъ, не чуть его — не шолохнется,
Не слыхать коня молодецкаго!
Видно милаго не видать ужь мнѣ? —
Знать заѣхалъ онъ въ дальню сторону,
Знать не помнитъ онъ красной дѣвицы,
Позабылъ мой свѣтъ о любви моей! —
Не другая ли приглянулася? —

Ты настань скорѣй осень пасмурна!
Забушуйте вы вѣтры буйные!
Отнесите вы къ другу вѣсточку!
Вы промолвите, какъ горюю я,
Какъ я ночь не сплю, днемъ тоскую все,
Какъ изныло все сердце вѣщое.
Ахъ, злодѣйка грусть съѣла всю меня,
Не похожа я на себя стала.
Какъ на родину свѣтъ приѣдешь мой,
Не узнаешь ты красной дѣвицы;
Вся изсохла я отъ кручины злой!
Коли помнишь ты, не забылъ еще,
Коли вправду жаль за любовь меня,
Приѣзжай мой свѣтъ, поскорѣе ты,
Привези назадъ красоту мою;
Я по прежнему буду весела!

Н. Граммматинъ.

IV.

Извѣстія о книгахъ.

„Въ теченіе минувшихъ ста лѣтъ МОНАРХИ Всероссійскіе не обращали на Москву столь неутомимаго вниманія, какого удостоиваетъ ее нынѣ благопо[illegible] Царствующій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ. Каждое состо[illegible]ніе гражданъ Московскихъ въ особенности облагодѣтельствовано полезными заведеніями. Общественныя зданія, недавно въ раз-

ныхъ предмѣстіяхъ сей Столицы сооруженныя, возвѣщаютъ зиждительную попечительность Верховной Власти и градское благоустройство. Величавый Кремль — средоточіе отечественной славы — тщательно возобновленъ и прилично украшенъ. Для храненія древнихъ драгоцѣнностей и Царственныхъ отличій воздвизается въ ономъ весьма огромное и великолѣпное зданіе, а для всеобщаго свѣдѣнія о сихъ вѣковыхъ памятникахъ, забвенію преданныхъ, сочинено Историческое Описаніе Мастерской и Оружейной Палаты, и напечатано на счетъ Кабинета, по Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію. Сей МОНАРШІЙ Отечеству даръ, увѣковѣчивъ древности Россіянъ, распространится и на позднѣйшее ихъ потомство.“ Сими словами почтеннѣйшій Издатель (А. Ѳ. Малиновскій) заключаетъ Введеніе, приложенное имъ къ Первой Части на сихъ дняхъ отпечатанной книги: *Историческое Описаніе Древняго Россійскаго Музея, подъ названіемъ Мастерской и Оружейной Палаты въ Москвѣ обрѣтающагося.* Оно съ принадлежащими картинами напечатано въ здѣшней Университетской Типографіи, и помѣщено на 139 страницахъ (не включая Введенія) листовъ Александрійскихъ большаго разбора. Чистота печати соотвѣтствуетъ важности содержанія и великолѣпной наружности.

Во Введенїи господинъ Издатель обозрѣваетъ главнѣйшїе случаи историческїе, къ содержанїю книги относящїеся, начиная отъ временъ Олега до Петра Великаго. Изъ его замѣчанїй, на свидѣтельствахъ лѣтописцовъ основанныхъ, явствуетъ, что Россїйскїе Государи въ самой глубокой древности обладали сокровищами; ибо издавна соединены были союзами родства и политики съ первостепенными въ Европѣ Державами, стяжали отъ побѣжденныхъ богатыя добычи и трофеи, а отъ союзниковъ и данниковъ пользовались многоцѣнными дарами. Выпишу нѣкоторыя любопытныя замѣчанїя: (Введ. стр. III) „Памятникъ отличнаго „искуства древнихъ Россїянъ въ живописи „хранится нынѣ въ Ватиканской библїо„текѣ, и помѣщенъ тамо между важнѣйши„ми рѣдкостями подъ названїемъ *Каллонї„ановыхъ картинъ*. Оныя писаны въ XIII „вѣкѣ. Сихъ картинъ числомъ пять. Подъ „тремя подписано порусски: *писалъ Ан„дрей Ильинъ*, — *писалъ Никита Ива„новъ*, — *писалъ Сергѣй Васильевъ*; а подъ „двумя живописцы именъ своихъ не поста„вили.“ — (Стр. XVI) „Великїй Князь „Литовскїй Витовтъ завоеванныя имъ у „Прусаковъ двѣ пушки мѣдныя прислалъ 1410 „года въ подарокъ Великому Князю Васи„лїю Дмитрїевичу. Но нѣкоторый родъ „огнестрѣльнаго орудїя за-долго еще до

„изобрѣтенія пороха извѣстенъ былъ Рос-„сіянамъ отъ Половцовъ. Въ 1185 году „Кончакъ, Князь Половецкій, собравъ войско „великое, пошелъ на предѣлы Русскіе, имѣя „съ собою мужа, умѣющаго стрѣлять огнемъ. „*Истор. Татищ.* Часть III. стран. 259.“ — „Стр. XVIII. „Императоръ Фридерикъ III, „желая приобрѣсть въ Самодержцѣ Всерос-„сійскомъ могущественнаго Союзника, пред-„ложилъ Ему въ 1489 году чрезъ пословъ „своихъ: 1. заключить вѣчный о дружбѣ „договоръ; 2. соединиться узами родства „чрезъ бракосочетаніе Дочерей Государевыхъ „за Племянниковъ Императорскихъ, и 3. „провозгласить его Королемъ Всероссійскимъ. „На сіе послѣднее предложеніе мудрый Іо-„аннъ далъ такой отвѣтъ: Божіею мило-„стію Мы Государь на Своей землѣ изна-„чала отъ первыхъ Своихъ Прародителей, „и постановленіе имѣемъ отъ Бога, чтобъ „Намъ и Нашимъ Дѣтямъ въ томъ далъ „быть и во вѣки! а постановленія „какъ напередъ сего не хотѣли ни отъ „кого, такъ и нынѣ не хощемъ.“ Желательно, чтобъ иностранные сочинители журналовъ и газетъ, хотя для наполненія листковъ своихъ, помѣстили сію статью въ переводѣ; многіе *просвѣщенные* читатели, вѣроятно, отвѣтъ сей назвали бы грубымъ, приличнымъ *невѣжеству* тогдашняго времени! И справедливо! теперь

уже неотвергаютъ столь выгодныхъ предложенїй.... — Стр. XX. „Сквозь сїи (Спасскїя) „ворота проходятъ всѣ съ непокровенною „головою. Пока о семъ старинномъ обыкно„венїи отыщетъ кто-либо особенное извѣ„стїе, можно остаться при слѣдующей „догадкѣ: Россїяне издѣтска за непремѣн„ную обязанность вмѣняли предъ каждымъ „храмомъ Божїимъ снимать шапки и покло„няться Святымъ Иконамъ; а кому предле„жалъ путь въ Спасскїя ворота, то вопер„выхъ должно было помолиться изображен„ному снаружи Спасителю; прошедъ оныя, „дань моленїя приносили Пресвятой Богоро„дицѣ; въ Кремль же вступали какъ во „святилище. Имѣвъ предъ глазами Соборы, „Царскїе чертоги, по правую сторону мона„стыри Вознесенской и Чудовъ, на каж„домъ шагу надлежало воздавать почтенїе; „да и самая людскость тогдашняго времени „требовала, идучи въ воротахъ, не на„дѣвать шапокъ, потому что тутъ без„престанно встрѣчались Вояре и Чиновники, „изъ Дворца и во Дворецъ ѣдущїе. Крест„ные ходы, выѣзды Царскїе и публич„ные въѣзды иностранныхъ пословъ „придавали симъ воротамъ особенную важ„ность; а отъ того изстари и донынѣ оста„лась въ народѣ Московскомъ привычка „чтить входъ и выходъ изъ Кремля чрезъ „оныя.“ — Стр. XXII. „Хотя титулъ

„Императорскій (Римскій Цесарь Максимиліанъ I.) и всѣ другіе Европейскіе Государи издавна приписывали въ Грамматахъ своихъ Обладателямъ Россіи, какъ-то: „Англійскіе Короли съ 1557, Гишпанскіе „съ 1687, Датскіе съ 1574, Прусскіе „(Князья) съ 1507, Французскіе съ 1615, „Шведскіе съ 1561 года; но Государь „ПЕТРЪ I принялъ въ основаніе права своего „на первостепенное достоинство Императора упоминаемый съ Цесаремъ Максиміаномъ договоръ, 1514 года Августа „въ 4 день заключенный, который до днесь „подлинникомъ хранится въ Московскомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ „Архивѣ подъ No 4." — Сіи отрывки помѣщены здѣсь особенно для тѣхъ читателей, которые не могутъ имѣть у себя самой книги. Желательно, чтобы для общаго употребленія она была напечатана въ другой разъ съ меньшими издержками, въ небольшомъ форматѣ.

Еще нѣсколько строчекъ. Въ первой Главѣ содержится описаніе *о хранилищѣ Россійскихъ достопамятностей — о составленіи онаго изъ разныхъ палатъ и приказовъ — о начальствовавшихъ надъ всѣми вообще и надъ каждымъ изъ сихъ отдѣленій*; во второй: *о коронахъ, вѣнцами и шапками Царскими именуемыхъ*; въ третей: *о скипетрахъ и державахъ Царскихъ*; въ

четвертой: *о простихъ украшеніяхъ*, принадлежащихъ *достоинству Монарховъ Всероссійскихъ*; въ пятой: *о разныхъ вещахъ, къ коронаціи Государей въ древности принадлежавшихъ и въ новѣйшія времена употребляемыхъ*; въ шестой: *о тронахъ и креслахъ Царскихъ, въ древности престолами нарицаемыхъ*; въ седьмой: *о разныхъ обрядахъ нынѣшнихъ и прежнихъ, происходившихъ при мѵроломазаніи на царство Монарховъ Всероссійскихъ.*

За сею первою Частію послѣдуютъ вторая, третья и такъ далѣе.

*

Переводятся на Россійскій языкъ слѣдующія полезныя книги, изъ коихъ нѣкоторыя уже печатаются: 1. *Стихотворная наука Горацієва* стихами, и *Аристотелева Піитика*; обѣ съ подлинниковъ; къ нимъ прибавлены будутъ замѣчанія г-на переводчика. 2. *Исторія объ упадкѣ и разрушеніи Римской Имперіи* сочиненная Гиббономъ; съ Французскаго перевода. 3. *Эбергардова Эстетика въ письмахъ*; съ Нѣмецкаго подлинника. 4. *Полной Англійской словарь*; съ Робинетова Французскаго изданія. 5. *Исторія Греціи*, сочиненная Джиллисомъ; съ Англійскаго подлинника. 6. *Аѳинскія Письма*; съ Французскаго Бильперкова перевода. 7. *Механика г-на Прони*, составляющая часть Политехническаго журнала;

8. Сочиненїе Плутархово De audiendis Poëtis; съ подлинника. 9. *Блеровы реторическїе уроки*; съ Англїйскаго.

❋

„Любителямъ важныхъ свѣдѣнїй о вѣкахъ среднихъ, также почитателямъ учености, художествъ и самаго народа, которой знаменитые остатки древности перенесъ къ гостепрїимнымъ Медицисамъ, когда состарѣвшаяся Имперїя Константинова пала подъ неумолимымъ оружїемъ Асїйскихъ пришельцовъ, безъ сомнѣнїя прїятно взирать на ясной свѣтъ, при соединенныхъ усилїяхъ отчасу болѣе озаряющїй мглу Греческой Словесности. Братья господа *Зосимы*, уроженцы изъ Яннины, пребывающїе въ Россїи, благородною щедростїю своею приобрѣли неоспоримое право на общую благодарность. Будучи движимы достохвальнымъ великодушїемъ, они своимъ иждивенїемъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ С. Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Венецїи и въ Лейпцигѣ напечатали на Греческомъ древнемъ и новомъ языкѣ многїя до разныхъ наукъ относящїяся весьма важныя сочиненїя, которыя безденежно роздали своимъ соотечественникамъ. Съ такимъ же намѣренїемъ, подъ надзоромъ купца изъ Яннины Ивана Ставро, нынѣ печатается достойная примѣчанїя книга: Geographiae veteris ſcriptores Graeci minores, т. е.

Второстепенные Греческіе писатели древней Географіи. Къ нимъ прибавлено на Арабскомъ и Греческомъ языкахъ сласнаго Географа *Абулфеды* описаніе Хоразміи, странъ лежащихъ за рѣкою Оксомъ, Аравіи, Египта, морей Персидскаго и Чермнаго. Докторъ Димитрій Александровъ (Alexandrides), Ѳессалійскій житель, принялъ на себя трудъ Абулфедово сочиненіе перевести съ Арабскаго языка на Греческой, и во время печатанія сличать подлинникъ съ превосходною рукописью, находящеюся въ придворной Е. В. Императора библіотекѣ." Къ сему извѣстію, выписанному изъ Вѣнскихъ вѣдомостей, прибавимъ, что въ Дидотовой типографіи въ Парижѣ, подъ надзоромъ извѣстнаго ученостію Доктора Корая, на иждивеніи господъ *Зосимъ* печатается *Греческая Вивліоѳика*, содержащая въ себѣ сочиненія классическихъ писателей начиная съ Гомера. Сіе изданіе назначается для недостаточныхъ Грековъ, желающихъ учиться языку своихъ предковъ. Первая книга, *Предтеча* Греческой Вивліоѳики, отпечатана въ 1805 году; она содержитъ въ себѣ сочиненія *Эліана*, *Гераклида* и *Николая Дамаскина*. Можно видѣть, что г. Корай отнюдь нехвастаетъ своими знаніями, вѣрно предлагаетъ текстъ, помѣщаетъ весьма немногія нужнѣйшія замѣчанія, и неслѣдуетъ

въ этомъ примѣру неутомимыхъ издателей, которые часто заботятся не о пользѣ учащихся, но о мнимой славѣ своей, приобрѣтаемой по ихъ мнѣнію многоученымъ пустословіемъ.

*

Вышла изъ печати книга подъ названіемъ: *Исторія Россійской Іерархіи*, собранная Новогородской Семинаріи Префектомъ, Фил. Уч. Соб. Іером. Амвросіемъ. Часть I. въ Москвѣ. 646 страницъ.

Любители Россійской Исторіи уже давно желаютъ видѣть обстоятельнѣйшее описаніе Іерархіи нашей — описаніе, которое, по словамъ г-на Шлецера, много послужило бы къ изъясненію самыхъ Русскихъ Лѣтописей, избавило бы изслѣдователя отъ скучныхъ трудовъ, и предостерегло бы отъ нѣкоторыхъ ошибокъ. Хронологическіе списки Архіереевъ нѣкоторыхъ Епархій съ историческими описаніями монастырей и церквей были помѣщены въ разныхъ Россійскихъ книгахъ; но до сихъ поръ никто еще непредпринималъ составить полную исторію Священноначалія Россійскаго. Въ одной только *Краткой Церковной Россійской Исторіи*, Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Московскимъ Платономъ недавно изданной, можно найти начало почти всѣхъ Россійскихъ Епархій и постановленіе многихъ Епархіальныхъ Архіере-

евъ. А какъ состоянїе церкви всегда тѣсно сопряжено было съ состоянїемъ управлявшихъ оною Священноначальниковъ, и первое обыкновенно зависѣло отъ сего послѣдняго; то и явствуетъ, сколь нужна полная *Исторїя Іерархїи* для объясненїя самой Церковной исторїи. Кромѣ сочиненїй, изданныхъ въ истекшемъ столѣтїи, Отецъ Амвросїй имѣлъ передъ собою Россїйскїя лѣтописи и исторїи, многїя рукописи Новогородской Софїйской Библїотеки, Указы Святѣйшаго Сѵнода; выписки изъ Сѵнодскаго Архива и памятныя нѣкоторыхъ частныхъ особъ записки. Вся Исторїя раздѣлена на двѣ Части. Въ первой содержится: всеобщее хронологическое обозрѣнїе Россїйской Іерархїи; списокъ соборовъ духовныхъ; списокъ Святыхъ мужей Россїйскихъ; описанїе Іерархическихъ отличїй и преимуществъ; хронологическое обозрѣнїе духовныхъ Училищъ; вѣдомость о числѣ православныхъ церквей во всѣхъ Россїйскихъ Епархїяхъ. Во второй Части послѣ всеобщаго хронологическаго обозрѣнїя начала и распространенїя монастырей, предложены описанїя трехъ Лавръ, потомъ всѣхъ монастырей Россїйскихъ.

*

За благосклонной приемъ *Учебной книжки древняго Греческаго языка*, мною изданной, долженъ я засвидѣтельствовать ис-

кренней̂шую благодарность во первыхъ тѣмъ любителямъ просвѣщенія, которые удостоили трудъ мой ободреніемъ своимъ; во вторыхъ господамъ Дубровину и Мерзлякову, содержателямъ типографіи, въ которой книжка моя напечатана хорошими буквами и — что еще важнѣе — весьма исправно. Безъ сего послѣдняго достоинства учебныя книги такого рода едва ли не безполезны. Когда будетъ надобно печатать вторымъ тисненіемъ, постараюсь раздѣлить Учебную книжку свою на двѣ части, изъ которыхъ въ послѣдней помѣщу избранныя статьи изъ сочиненій Отцевъ церковныхъ для пользы юношества, обучающагося въ Духовныхъ Училищахъ. — *М. К.*

ПОЛИТИКА.

I.

Историческое и статистическое описанїе Данїи.

Свойство народовъ, живущихъ въ странахъ изобильныхъ, зависитъ отъ успѣховъ ихъ нравственности и просвѣщенїя, также отъ нравовъ и просвѣщенїя ихъ сосѣдовъ: напротивъ того исторїя бѣдныхъ народовъ имѣетъ на себѣ всѣ признаки земли, на которой они обитаютъ. Тому яснымъ доказательствомъ служить можетъ Датская монархїя.

Колыбель и отечество знаменитыхъ Норманновъ состоитъ изъ прибрежной полосы земли, за которою или возвышаются безплодныя горы, какъ напримѣръ въ Норвегїи, или простираются болота и степи, какъ напримѣръ въ Ютландїи. Нельзя статься, чтобъ жители такой земли были многочисленны: однакожь привыкши къ трудамъ и будучи побуждаемы всегдашнею нуждою, они по необходимости становятся отважными и твердыми во нравѣ; бываютъ страшны до тѣхъ поръ, пока мужество и сила посред-

ствомъ нечаянныхъ нападенїй управляютъ судьбою народовъ; но опять возвращаются въ первобытное состоянїе ничтожности, какъ скоро прочїе народы рѣшатся отражать ихъ и выдерживать противъ нихъ войну продолжительную.

Такова исторїя древнихъ Норманновъ. Въ среднїе вѣки они, подобно другимъ народамъ сѣвернымъ, устремились на безсильныхъ жителей юга; приморскимъ обитателямъ легче было пускаться въ дальнїя страны по морямъ, нежели открыть себѣ путь черезъ непроходимые лѣса во внутренность Германїи. Хищническїе корабли ихъ достигали до самой Португаллїи; опасные плаватели вездѣ приставали къ берегамъ Европейскимъ, гдѣ только видѣли возможность напасть и получить добычу; возвращались домой съ богатыми корыстями и съ новымъ желанїемъ приобрѣтенїя. Сперва одни начальники съ дружиною предпринимали путешествїя; потомъ богатыя добычи вызывали весь народъ къ странамъ южнымъ. Цѣлыя племена присоединились къ одному начальнику — въ Данїи къ Горму, въ Норвегїи къ Гаральду — и отважились покорить себѣ тѣ самые берега, на которые прежде нападали для хищенїя. Такимъ образомъ овладѣли они въ Англїи Нортумберландомъ, а на всѣ другїя провинцїи наложили подать, о кото-

рой до нынѣ жители воспоминаютъ подъ именемъ *Датской подати*. Покушенія напасть на Шотландію почти всегда неудавались, потому что здѣсь Норманны находили столь же отважной и бѣдной народъ, какимъ были они сами. Напротивъ того счастіе лучше благопріятствовало имъ во Франціи, коея сѣверную часть они прошли нѣсколько разъ, и грабили до тѣхъ поръ, пока монархъ Французскій, чтобъ удержать ихъ отъ дальнѣйшихъ нападеній, отдалъ имъ немалую провинцію, которую они, вѣроятно, уже превратили въ дикую пустыню. Въ одиннадцатомъ столѣтіи могущество Норманновъ достигло до высочайшей степени. Въ сіе время два раза они покоряли Англію; оба Норманнскіе завоеватели Канутъ (*), Король Датскій и Вильгельмъ Герцогъ Нормандіи, принадлежатъ къ числу величайшихъ монарховъ, управлявшихъ Албіономъ. Около того же времени другіе Норманны храбростію и великими подвигами въ Сициліи и Неаполѣ приобрѣли себѣ сперва удивленіе, потомъ господство, и положили основу королевской власти, которая хотя до нынѣ сохранилась, но почти всегда была

(*) Завоевалъ Англію *Свено*, Канутовъ отецъ, коего знаменитый сынъ совершенно усмирилъ сію землю, и владѣлъ ею отъ 1017 до 1036 года.

въ рукахъ чужестранцовъ, управлявшихъ сими королевствами.

Около того же времени изъ южныхъ народовъ Европейскихъ начали составляться государства, которыя положили конецъ господству сѣверныхъ пришельцовъ. Завоеванныя Норманнами земли однѣ были у нихъ отняты, другія отдѣлились отъ страны отечественной; въ двенадцатомъ столѣтіи предпріимчивость Датчанъ уже непростиралась за Балтійское море.

Съ сего времени три народа Скандинавскіе воевали между собою за главное начальство, и сверхъ того сосѣдовъ своихъ, Нѣмцовъ, Вендовъ и Славянъ имѣли себѣ непріятелями. Свойство ихъ, просвѣщеніе и могущество народное во всемъ сходствовали между собою; по сей-то причинѣ борьба ихъ продолжалась почти три вѣка, пока наконецъ великая Королева Маргарита, получившая въ наслѣдство короны Датскую отъ отца своего Валдемара III, а Норвежскую отъ Гакона VII своего супруга, и къ нимъ присоединившая Шведскую, въ 1397 году составила великое Королевство Скандинавское, которое управляло бы всею Сѣверною Европою, когда бы устояло долѣе; но спустя потомъ сорокъ лѣтъ Швеція избрала себѣ особаго повелителя, а

въ 1521 году Густавъ Ваза отторгъ ее отъ союза, которой сдѣлался-было для нее оковами. Послѣ того нѣсколько разъ наступали періоды славы ея и могущества; но они немогли продолжаться, потому что были основою ихъ личныя качества нѣкоторыхъ монарховъ; напротивъ того Датско-Норвежскіе правители постоянно старались распространять просвѣщеніе и промыслы въ своихъ владѣніяхъ, выключая только тѣ промежутки, въ которые вели войну, теряя или приобрѣтая нѣкоторыя пограничныя провинціи. Правда что въ томъ состоитъ истинное средство сдѣлать подданныхъ счастливыми, — однакожь не во всякомъ случаѣ; ибо народъ бѣдный сперва долженъ искать могущества, а потомъ уже благоденствія. Когда такой народъ окруженъ сосѣдами равно просвѣщенными и въ промыслахъ искусными, но гораздо сильнѣйшими; то первой необходимо остается позади ихъ какъ въ просвѣщеніи, такъ и въ промыслахъ, и слѣдственно слабѣетъ. Для народа немногочисленнаго, обитающаго на землѣ неплодоносной, одна только есть дорога къ величію, а именно — подвиги военные.

Датское королевство вмѣщаетъ въ себѣ около ста тысячь миль квадратныхъ, и протяженіемъ морскихъ удобныхъ къ плаванію береговъ превосходитъ всѣ прочія государства Европейскія; но число жителей

простирается въ немъ не выше двухъ милліоновъ съ половиною, и собственная торговля очень маловажна, а особливо должно еще замѣтить, что въ королевство болѣе привозится товаровъ, нежели отпускается въ чужія земли. Причины малочисленности жителей зависятъ отъ свойства земли, а малочисленность есть причиною тому, что фабрики и мануфактуры находятся не въ цвѣтущемъ состояніи.

Плодоноснѣйшая и болѣе населенная часть Датской Монархіи есть Голштинское княжество, въ которомъ на 154 квадратныхъ миляхъ находится 310,000 жителей. Собственно такъ называемое Датское королевство, то есть Ютландія, Шлезвигъ и острова, содержитъ въ себѣ 633 кв. мили и 200,000 жителей, слѣдственно невелико различіе между имъ и Голштиніею: напротивъ того въ Норвегіи на 6400 кв. миляхъ живетъ неболѣе 750,000 человѣкъ; прочія же Датскія владѣнія на сѣверѣ, Исландія, Гренландія и острова Фароерскіе имѣютъ жителей еще менѣе. Въ восточной Индіи Данія владѣетъ городомъ Транкебаромъ, въ которомъ живетъ 16,000 человѣкъ, островами Никобарскими, и сверхъ того имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ купеческія конторы; въ западной Индіи Датчанамъ принадлежатъ четыре острова, содержащіе около 25 кв. миль, и 32,000 жителей.

Мореходство и кораблестроенїе суть главнѣйшїе промыслы Датскаго королевства; но въ томъ и другомъ Англїя, а въ мирное время и Голландїя имѣютъ передъ нимъ отличное преимущество. Въ 1800 году число Датскихъ кораблей купеческихъ простиралось до 2379, и сїи корабли по большей части употребляемы были для перевозу товаровъ, чужимъ государствамъ принадлежавшихъ. А какъ сїе число кораблей не есть достаточно для всѣхъ матросовъ, между тѣмъ какъ Датскїе мореходцы почитаются искусными въ своемъ дѣлѣ; то они по большей части занимаются службою чужестранною. И теперь еще потомки древнихъ Норманновъ посѣщаютъ многїя пристани Европейскїя, съ тою только разницею, что они ищутъ не богатыхъ корыстей, не господства, но пропитанїя. Число Датскихъ матросовъ простирается до 22,000. Изъ нихъ пять тысячь постоянно служатъ на королевскомъ флотѣ, и получаютъ окладную плату; прочимъ, только записаннымъ въ службу, но незанятымъ никакимъ дѣломъ, выдается небольшое жалованье, для того чтобы въ случаѣ надобности всегда имѣть людей въ готовности. Недавнїй опытъ показалъ, сколь вредно такое распоряженїе: между тѣмъ какъ тысячи матросовъ, по требованїю правительства, спѣшили изъ Ливорны и Голландїи въ отечество, Англичане, какъ извѣстно, овладѣли всѣмъ

Датскимъ флотомъ. Но еслибъ флотъ сей былъ снаряженъ какъ надлежало, еслибъ онъ могъ встрѣтить непріятеля при Эрезундѣ, то Англійской походъ окончился бы инымъ образомъ, и весьма вѣроятно, что слѣдствія были бы совершенно противныя.

Положеніе Даніи омываемой морями, богатой заливами и пристанями, и большею частію изъ острововъ и полуострововъ (къ которымъ причислить можно и Голштинію) состоящей, кажется предназначило для нее знаменитую степень на ряду морскихъ государствъ; она дѣйствительно была сильною всякой разъ, когда слѣдовала правиламъ истинно для нее полезнымъ. Такимъ образомъ Данія была сильною державою въ началѣ семьнадцатаго столѣтія, то есть когда флотъ ея считался почти первымъ въ Европѣ. Славные успѣхи Шведской сухопутной силы въ тридцатилѣтнюю войну, соперничество, а можетъ быть и опасеніе, чтобы Торстенсонъ не покорилъ Ютландіи, заставили Англійское правительство отвратить вниманіе свое отъ флота, которой началъ ослабѣвать, между тѣмъ какъ сила сухопутная укрѣплялась. Въ послѣдующее время нерѣдко случалось, что правительство особенно заботилось о флотѣ; тогда сухопутное войско ослабѣвало. Въ 1770 году Датской флотъ состоялъ изъ 60

военныхъ кораблей; въ 1782 году ихъ было только 42. При началѣ Французской революцїи, когда всѣ государства воспрянули и начали заботиться, Данїя снова обратила все свое вниманїе на морскую силу, и въ 1797 году было объявлено, что флотъ ея состоитъ изъ 38 линейныхъ кораблей, 20 фрегатовъ и 60 малыхъ судовъ вооруженныхъ. Однакожь недавно случившееся произшествїе открыло, что счётъ сей вдвое увеличенъ, и что государство немогло въ крайней нуждѣ снарядить судовъ, которыя были у него въ запасѣ, и дѣйствовать ими.

Сей случай ясно доказываетъ, что Данїя есть государство слабое, что неможетъ въ одно время содержать и флота и значительной сухопутной силы, и что дабы занять на ряду Европейскихъ державъ степень, на которую стремится ея честолюбїе, и которой собственное ея благосостоянїе требуетъ, она должна выбрать для себя одно что-нибудь: или менѣе заботиться о владѣнїяхъ своихъ на твердой землѣ и обратить все вниманїе на славу Датскаго флага, или же торговлю свою и острова предоставить на произволъ судьбы, и единственно, болѣе нежели до сихъ поръ, стараться о благѣ владѣнїй своихъ, на твердой землѣ лежащихъ.

Въ старину Данія, подобно Швеціи, сражалась посредствомъ земскаго войска, то есть въ случаѣ надобности призывала на службу годныхъ людей изъ дворянства и мѣщанства; люди сіи по прошествіи опасности были распускаемы по домамъ, и занимались своими дѣлами. Въ 1615 году, во время свирѣпствовавшей войны тридцатилѣтней, въ первой разъ собрано 5000 крестьянъ, которые долженствовали постоянно служить подъ ружьемъ, и по сей причинѣ назначено имъ пребываніе въ городахъ. Сіе непремѣнное войско мало помалу увеличивалось, и послужило главною подпорою Монарху въ 1660 году, когда онъ вознамѣрился царствовать неограниченно. Въ половинѣ осмьнадцатаго столѣтія Датское сухопутное войско состояло изъ 60,000 человѣкъ; въ 1800 году изъ 75,000. Въ послѣдовавшемъ году, при нападеніи Англичанъ на Датскую столицу, государство собрало еще 90,000; слѣдственно Данія въ случаѣ нужды можетъ выставить войска до 170,000 человѣкъ.

Сіи необычайныя и временныя увеличенія войска исключаются изъ счета постоянныхъ государственныхъ издержекъ. Ежели разсчесть, что правительство должно имѣть во всегдашней готовности, судя по нынѣшнему состоянію войска, 80,000 человѣкъ, 22 линейные корабля, 20 фрегатовъ и проч.,

которые, какъ показали слѣдствія Англійскаго нападенія, составляли морскую силу Даніи; то нельзя неудивляться великимъ усиліямъ государства, котораго доходы очень малы въ сравненіи съ расходами.

Въ началѣ семьнадцатаго столѣтія доходы его непревосходили половины милліона талеровъ, изъ коихъ за расходами ежегодно оставалось въ казнѣ 184,000. Тогда королевство еще неимѣло постояннаго войска, а издержки двора были такъ невелики, что для королевскаго стола было отпускаемо по 16,155, да для погреба по 7000 талеровъ.

Въ началѣ осмьнадцатаго столѣтія доходы государства возрасли до 2,800,000 талеровъ; но тогда уже имѣло оно 40,000 солдатъ, и ежегодно обременяло себя новыми долгами.

Нынѣ Данія получаетъ доходу семь съ половиною милліоновъ. Долги, которые при возшествіи нынѣшняго Короля на престолъ, простирались до 20 милліоновъ, и которые подъ мудрыми распоряженіями Графа Шиммельмана уменьшились-было до 8 милліоновъ, нынѣ по причинѣ разныхъ обстоятельствъ опять возрасли до 25 милліоновъ талеровъ.

(Съ Нѣмецкаго.)

II.

Выписка изъ Монитера.

Англія въ теченіе двухъ лѣтъ четыре раза высылала войска свои для завоеваній.

Въ первой разъ войско отправлено было къ Царьграду. Походъ сей окончился поношеніемъ для Англіи; окончился тѣмъ, что Англія лишилась многихъ кораблей, что всѣ товары ея взяты и описаны, и что ея торговля совершенно прекращена въ Леванте. Лордъ Дукворть и эскадра его по крайней мѣрѣ тѣмъ счастливы, что удалось имъ спастись бѣгствомъ.

Второй походъ Англичане предпринимали въ Египетъ. Сіе покушеніе окончилось еще постыднѣе, гибельнѣе, поноснѣе. Войско ихъ разбито въ Розеттѣ, окружено на дорогѣ, лишилось 4000 лучшихъ солдатъ, которые или убиты, или въ плѣнъ достались. Тщетно старались они разрушать плотины, разрывать каналы, наводнять несчастную страну сію, чтобы какъ-нибудь уцѣлѣть въ Александріи; 22 Сентября приближается Каирскій Паша, бьетъ ихъ, беретъ Александрію, и входитъ въ нее торжественно 24 числа тогожъ мѣсяца. Трудно найти примѣръ столь постыднаго похода!

Третїе предприятїе Англїи клонилось къ покоренїю Монте-Видео и Буэносъ-Айреса. И десяти тысячамъ солдатъ неудалось овладѣть неукрѣпленнымъ городомъ! Правда что ненависть, коею дышутъ католическїе Испанцы ко врагамъ вѣры, была источникомъ средствъ къ отраженїю, и одушевляла ревностїю всѣхъ жителей: десять тысячь осаждающихъ и потому уже должны почитать себя весьма счастливыми, что имъ дозволили назадъ убраться! Сей походъ, стоившїй Англичанамъ страшныхъ издержекъ, послужилъ къ тому только, что вывелъ ихъ изъ заблужденїя, будто легко можно покорить Испанскїя владѣнїя. Португальскїя колонїи также умѣли бы отразить ихъ. Англичане, гонители вѣры, найдутъ себѣ непрїятелей вездѣ, гдѣ только есть католики. При семъ покушенїи они потеряли болѣе 5000 человѣкъ.

Но четвертой походъ надѣлалъ шуму болѣе нежели всѣ прочїе. Я хочу сказать о нападенїи на Копенгагенъ — нападенїи самомъ безчеловѣчнѣйшемъ изъ всѣхъ извѣстныхъ по исторїи. Никогда незагладится стыдъ, которому подвергло себя Англїйское правительство. Для чего Англичане оставляютъ Зееландъ и Копенгагенъ тогда, какъ Датское правительство неподтвердило договора о

сдачѣ, и слѣдственно тѣмъ уничтожило данное обязательство удалиться? Для чего Англичане оставляютъ островъ тогда, какъ Наслѣдный Принцъ отказался принять ихъ посланника, когда сей Принцъ заключилъ союзъ наступательной и оборонительной съ Францією, когда онъ вмѣсто отвѣта на предложенія ихъ отозвалъ своего повѣреннаго изъ Лондона, и наконецъ когда въ политическихъ своихъ бумагахъ онъ иначе не называетъ Англичанъ, какъ разбойниками, то есть именемъ, которое они заслужили своими поступками? Для чего? Для того что они чувствуютъ слабость свою и неспособность дѣйствовать на сушѣ. Наступило время, въ которое Датскія войска могли придти къ нимъ по льду; вотъ почему Англичане заблаго разсудили навострить лыжи, и не захотѣли дождаться непріятеля, на котораго они внезапно напали, котораго обезоружили, и съ которымъ надлежало бы сразиться. Бѣгство постыдное, достойное вѣчнаго презрѣнія!

Упомянувъ о четырехъ походахъ, причинившихъ военной и нравственной упадокъ Англіи, скажемъ теперь о положеніи, въ какомъ она оставляетъ Португалію. Принцъ-Регентъ Португальскій *лишается престола*; онъ лишается престола отъ происковъ Англіи; лишается престола потому, что

не захотѣлъ отобрать Англійскихъ товаровъ, находящихся въ Лиссабонѣ: между тѣмъ что дѣлаетъ Англія, сія многомощная союзница? Равнодушно смотритъ на обстоятельства Португаллїи. Что сдѣлаетъ она, когда чужое войско овладѣетъ Португаллїею? Обратитъ оружїе свое на Бразилїю? Нѣтъ; ибо ежели Англичане вздумаютъ на то покуситься, католики непремѣнно выгонятъ ихъ. Паденїе дому Браганцскаго послужитъ для всѣхъ новымъ опытомъ, что приверженность къ Англїи влечетъ за собою неминуемую погибель.

И такъ, при столь несчастныхъ обстоятельствахъ, чего хотятъ Англїйскїе Министры? неговоримъ Англїя, ибо она желаетъ того, чего и всѣ народы, то есть мира, желаетъ наслаждаться тишиною подъ владычествомъ законовъ и совѣсти; но спрашиваемъ, чего хочетъ сїе малое общество людей, располагающихъ дѣйствїями своего правительства? оно объявило торжественно: вѣчной войны! Системы на вѣчной войнѣ основанныя непрочны; ихъ продолженїе точно таково, какъ продолженїе горячки тѣхъ свирѣпыхъ и въ желанїяхъ своихъ неограниченныхъ людей, которые усиливались рушить право и все довести до крайности. Малое общество Лондонскихъ правителей само управляется тѣми же чувствами, какими

одушевлены были наши революцїонные комитеты; чувства ихъ жестокостїю ни въ чемъ не уступаютъ Маратовымъ. Какимъ звѣрствомъ сей извергъ прославился? тѣмъ, что онъ представилъ свѣту позорище войны безпрерывной. И съ сими вожатыми будетъ конецъ такой точно, какъ со всѣми людьми бѣшеными и неограниченными своихъ желанїй, а именно — всѣ народы возненавидятъ ихъ, отечество станетъ ими гнушаться.

Непринятїемъ Сѣвернаго посредства и высадкою на островѣ Зееландѣ обнаружились чувствованїя Англїйскаго министерства и его намѣренїя вѣчно продолжать войну; за то уже и слѣдствїя сихъ поступковъ были весьма невыгодны, ибо народы твердой земли, жившїе въ мирѣ съ Англїею, тотчасъ прекратили всякое съ нею сообщенїе. Австрїя ни минуты неколебалась: лишь только Императоръ Францъ II увѣдомился о произшествїяхъ на островѣ Зееландѣ случившихся и о непринятїи Англичанами Сѣвернаго посредства, тотчасъ объявилъ войну Англїи. Всѣ пристани для нее заперты: Лордъ Пемброкъ отправился изъ Вѣны въ Лондонъ, и уже сѣлъ на корабль въ Трїестѣ; сообщенїе между Вѣною и Лондономъ пресѣчено совершенно; всѣ сношенїя между Англїею и государствами твердой земли прекратились; болѣе ста тысячь Англїйскихъ писемъ и

на нѣсколько милліоновъ фунт. ст. векселей задержано. Сіи обстоятельства должны быть весьма тягостны для Англійскаго народа, которой, терпя крайнюю нужду, наконецъ рѣшится на ужасныя средства. Но это не безпокоитъ правителей, ни въ чемъ незнающихъ мѣры! какое имъ дѣло до Англійскаго народа? они тѣмъ счастливы, что когда сложатъ съ себя министерское званіе, ничего небудутъ значить; и такъ до времени могутъ еще дѣйствовать по своимъ правиламъ: но печальной конецъ скоро настанетъ. Неправда и чрезмѣрныя затѣи иногда играютъ судьбою народовъ; но опытъ доказалъ уже, что сіи чудовища бываютъ недолговѣчны. Миръ, первое благо народовъ, долженствуетъ быть главною цѣлію для тѣхъ, которые ими управляютъ. Министры, желающіе безпрерывной войны, измѣняютъ драгоцѣннѣйшимъ выгодамъ своего отечества; они теряютъ довѣренность его; ихъ паденіе, неизбѣжное и близкое, удовлетворитъ общую пользу и честь народную.

(*Съ Франц.*)

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ Берлинскомъ *Телеграфѣ* помѣщена статья, сколько важная, столько и вѣроятная по причинѣ настоящаго положенія дѣлъ Англійскаго Королевства. Содержаніе оной состоитъ въ томъ, что *противная сторона одержала славную побѣду надъ Министерствомъ.* Король дозволилъ къ себѣ являться Лордамъ Мойрѣ, Веллеслею и другимъ особамъ, извѣстнымъ по честности ихъ и по искуству въ дѣлахъ государственныхъ; симъ вельможамъ отъ Е. В. поручено сочинить новой планъ устроенія министерства, которой при нынѣшнихъ обстоятельствахъ соотвѣтствовалъ бы намѣреніямъ Монарха. Планъ сей, какъ увѣряютъ, уже готовъ, и Король согласился на всѣ нужныя перемѣны въ разсужденіи первыхъ мѣстъ государственныхъ; ибо ясно открылось, что настоящее положеніе правительства неминуемо ввергло бы въ погибель Великобриттанію и уничтожило бы ея торговлю. Съ какимъ негодованіемъ народъ взиралъ на войну при теперешнихъ неблагопріятныхъ для Англіи обстоятельствахъ, можно судить по тому, что всѣ жители Лондонскіе чрезвычайно обрадовались, когда узнали о счастливой побѣдѣ надъ министерствомъ. Всѣ купеческіе домы ожили. Принцъ Валлис-

скій, будучи тронутъ чувствованіями народа, въ публичныхъ листкахъ изъявленными, постарался споспѣшествовать новой перемѣнѣ. По предварительному приглашенію онъ пріѣзжалъ въ Виндзоръ къ Г. В-у, и былъ принятъ чрезвычайно ласково. Разговоръ продолжался два часа съ половиною, и происходилъ въ присутствіи двухъ знаменитыхъ чиновниковъ, которые нехотѣли принимать никакого участія въ правительствѣ тогдашняго времени. Тамъ-то собрались мудрѣйшіе изъ народа, и начертали новой планъ, которой скоро будетъ объявленъ, и отъ котораго ожидаютъ послѣдствій весьма благопріятныхъ; тамъ-то начнется новая эпоха для Великой Бриттаніи: Англія откажется отъ своей системы, которою навлекла на себя негодованіе всѣхъ народовъ.

Дворъ Лиссабонскій наконецъ согласился расторгнуть связь съ Англіею. Въ изданномъ отъ Принца-Регента повелѣніи написано слѣдующее: „Хотя я никогда нетерялъ изъ виду тѣхъ выгодъ, которыя „подданнымъ моимъ доставлялъ неутралитетъ, съ самаго начала войны наблюдаемый; но теперь не могу долѣе при немъ „оставаться. Сверхъ того будучи совершенно увѣренъ, что общій миръ послужитъ „къ величайшему благополучію рода человѣческаго, я призналъ за благо принять

„ сторону державъ твердой земли, и соеди-
„ ниться съ Е. В. Императоромъ Французовъ
„ и Королемъ Италіи, также съ Е. Католи-
„ ческимъ В., дабы тѣмъ по возможности
„ моей содѣйствовать къ возстановленію на
„ моряхъ спокойствія. Въ слѣдствіе того
„ повелѣваю всѣ пристани Королевства запе-
„ реть для кораблей Велико-Британскихъ
„ и для купеческихъ судовъ сего народа. 20
„ Октября 1807." И такъ Принцъ-Регентъ
непоѣдетъ въ Бразилію, и слѣдственно ге-
нералъ Жюно явится при дворѣ Лиссабон-
скомъ въ качествѣ посланника. Несмотря на
то, получаются извѣстія, что Французское
войско неостанавливаясь идетъ въ Порту-
галлію. Монитеръ не даромъ пророче-
ствуетъ, что *Принцъ-Регентъ лишает-
ся престола.* Можетъ быть онъ уже
не въ пору согласился на требованія
Франціи: въ такомъ случаѣ, лучше было
бы держаться одной стороны; ибо поссорив-
шись съ Англіею едвали будетъ небезполез-
но искать убѣжища въ Бразиліи, въ кото-
рую теперь ѣхать уже не время. Но миръ,
вожделѣнной миръ уничтожитъ всѣ неудоб-
ства, прекратитъ всѣ неудовольствія. —
Находимъ въ газетахъ, что между Фран-
ціею и Австріею подписано окончательное
условіе, по которому провинція Монфаль-
конская уступлена королевству Италіи, а
въ замѣнъ отдается Австріи крѣпость

Браунау, до сихъ поръ находившаяся въ рукахъ Французовъ — та самая крѣпость, которую надлежало отдать Австріи по силѣ Пресбургскаго мирнаго договора. Симъ размѣномъ уничтожены всѣ запрудненія, которыя до сихъ поръ обѣимъ державамъ препятствовали наслаждаться совершеннымъ миромъ.

Въ первыхъ числахъ Ноября мѣсяца случилось въ Мадритѣ такое произшествіе, какому уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ невидали тамъ примѣра. Принцъ Астурійскій, наслѣдникъ престола, и многіе знатные чиновники задержаны подъ стражею, по случаю открытія заговора противъ особы Короля Испанскаго. Е. В. приказавъ задержать Принца, созвалъ чрезвычайный совѣтъ и открылъ чинамъ причину, заставившую его рѣшиться на такое важное дѣло. Е. В. объявилъ, что хотя управлялъ отечески своимъ королевствомъ, и всегда старался заслуживать довѣренность народа и любовь своей фамиліи, однакожь наконецъ принужденъ въ строгости искать единственнаго средства предупредить ужасные умыслы противъ своей особы — умыслы, которые поразили сердце его чрезвычайнымъ прискорбіемъ. Потомъ Е. В. обвинялъ Принца Астурійскаго въ заговорѣ противъ Короля и королевства, и въ согласіи со врагами оте-

чества, чему захваченныя бумаги служатъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Король надѣется однакожь, что сїе произшествїе ненарушитъ спокойствїя вѣрныхъ подданныхъ, членовъ совѣта. Объявленїе о семъ провозглашено въ Мадритѣ и разослано во всѣ провинцїи. Другїя извѣстїя прибавляютъ еще, что и другой сынъ Королевской и Князь мира также задержаны подъ стражею. — Все дѣло сїе должно объясниться въ скоромъ времени. Мы только напомнимъ читателямъ нашимъ, что между Принцемъ Астурїйскимъ и Княземъ мира давно уже доходило до явной ссоры, что послѣднїй будучи любимцомъ королевскимъ имѣлъ способы досаждать наслѣднику, и что долженъ былъ опасаться его мщенїя. — Не дай Боже, чтобы вражда между родителемъ и сыномъ окончилась тѣмъ, что говоритъ намъ исторїя о Филиппѣ и Донъ-Карлосѣ, Петрѣ и Алексїѣ!

❋

Въ Венецїи носятся слухи, что Сенаторъ Лукїанъ Буонапарте провозглашенъ будетъ *Королемъ Латинскимъ*. Сїе основываютъ на достовѣрномъ извѣстїи, что Французское войско вступило въ Римскую крѣпость Св. Ангела. — Главная квартира Генералъ-Фельдмаршала Князя Прозоровскаго находится въ Яссахъ. — Флотъ подъ начальствомъ Синявина состоящїй будетъ

зимовать въ одной изъ пристаней Французскихъ или Испанскихъ.

Я не могъ напечатать всѣхъ сочиненій и переводовъ прозою и стихами писанныхъ; пространство мѣста недозволило мнѣ удовлетворить требованій особъ, которыя по благосклонности своей желали облегчить труды мои своимъ участіемъ. Въ прочемъ за доброе намѣреніе приношу имъ искреннюю благодарность, равно какъ и всѣмъ доброхотнымъ читателямъ за вниманіе, которымъ удостоивали меня въ минувшіе три года.

М. К. 13 Декабря.

КОНЕЦЪ XXXVI ЧАСТИ.

При семъ Нумерѣ приложена картинка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

НОЯБРЬ, No. 21.

Стран.

I. *Этна, или о Счастіи человѣческомъ.* - - - 3

II. *Срубленное дерево. (Подражаніе Мелендецу.)* - - - 30

III. *Эпитафія Княгинѣ Настасьѣ Ивановнѣ Одоевской.* - - 33

IV. *О походѣ Ассупа Дола Удскаго Набоба на охоту.* - - 34

V. *Объ одеждѣ Шотландскихъ воиновъ.* 41

VI. *Смѣсь.* - - 45

VII. *Къ читателямъ.* - - 51

VIII. *Статья изъ Монитера о вступленіи Англичанъ въ Копенгагенъ.* - - - 53

IX. *Извлеченіе изъ книги весьма любопытной.* - - - 61

X. *Извѣстія и замѣчанія.* - - 73

НОЯБРЬ, No. 22.

I. *Первое слово Демосѳеново противъ Филиппа.* - - - 81

Стран.

II. *Извѣстіе о качествахъ дѣлаемаго въ Россіи пороха.* - - 106
III. *Совѣтъ дѣвицамъ.* - - - 109
IV. *Эпитафія молодому товарищу, А. И. Я.* - - - 112
V. *Любезной крестницѣ моей, дѣвицѣ Дельсаль.* - - —
VI. *Отъ Мецената къ Августу.* - 113
VII. *О пансіонѣ для моднаго воспитанія дѣвицъ.* - - - 127
VIII. *О морскихъ правахъ Англіи.* 135
IX. *Статистическія извѣстія о Черногорской области.* - - 144
X. *Мой побѣгъ изъ Берлина въ Мемель въ концѣ 1806 года.* 149
XI. *Извѣстія.* - - - 155

ДЕКАБРЬ, No. 23.

I. *Демосѳеново слово противъ Филиппа о Херсонесѣ.* - - 161
II. *Мои мысли.* - - - 188
III. *На кончину Михайла Матвѣевича Хераскова.* - - - 192
IV. *Пѣсня.* - - - 193
V. *Эпитафія. (К. А. М. Г.)* - 194
VI. *Смѣсь.* - - - - 195
VII. *Филологическая догадка о происхожденіи слова: красный.* 199

Стран.

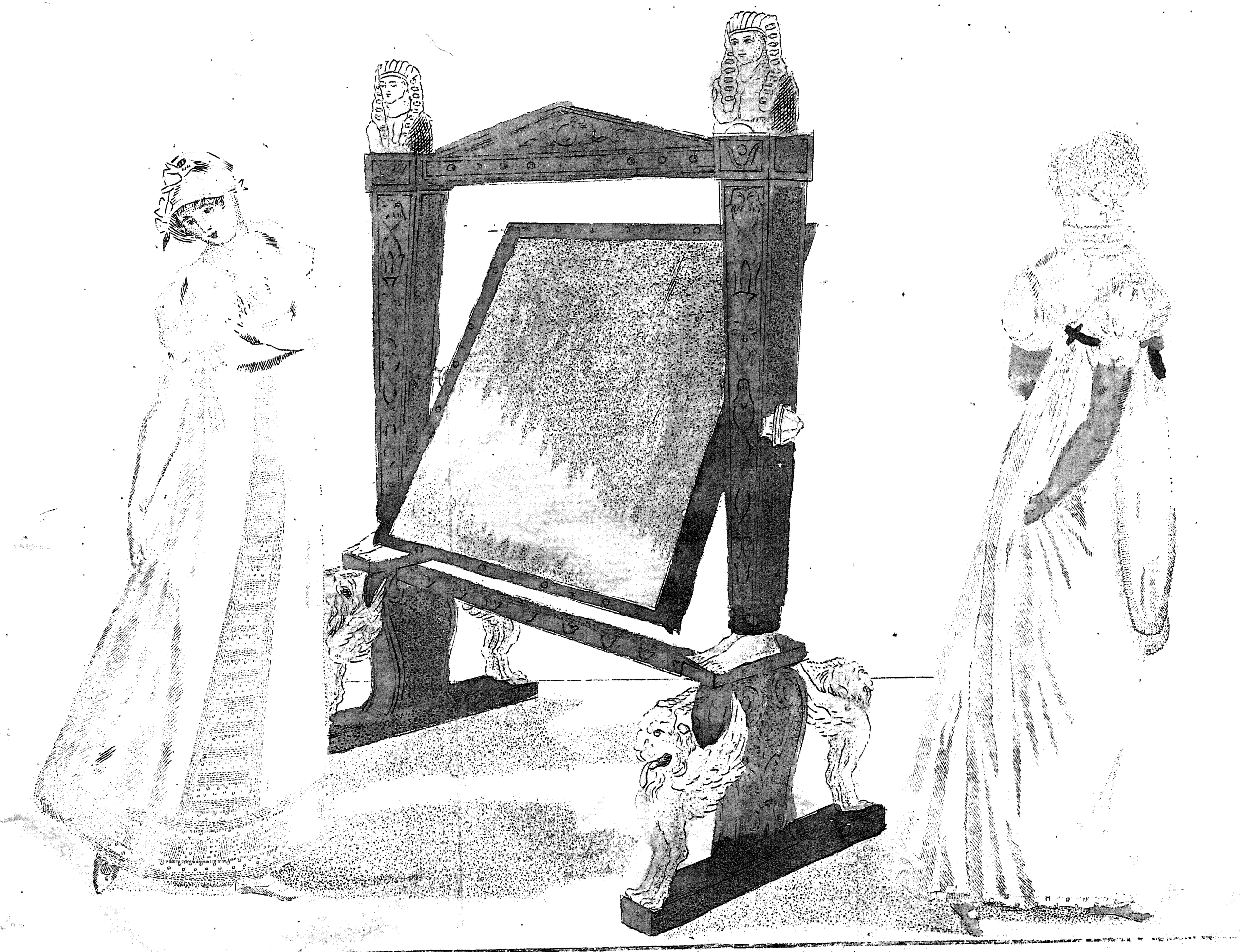
VIII. *О кометахъ.* - - - 205
IX. *Историческое и статистическое изображенїе Португалїи.* - 214
X. *Мой побѣгъ изъ Берлина въ Мемель въ концѣ 1806 года.* 230
XI. *Извѣстїя и замѣчанїя.* - - 234

ДЕКАБРЬ, No. 24.

I. *Отвѣтъ на письмо Господина Луки Говорова, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы Апрѣля 1807 No 8, подъ заглавїемъ: Письмо изъ города N. N. въ столицу.* - - - 241
II. *Перунъ.* - - - 267
III. *Элегїя Сельской дѣвушки.* - 280
IV. *Извѣстїя о книгахъ.* - - 282
V. *Историческое и статистическое описанїе данїи.* - - 294
VI. *Выписка изъ Монитера.* - - 305
VII. *Извѣстїя и замѣчанїя.* - - 311

ОШИБКИ.

Въ Нум. 14 *на страницѣ* 87 *въ строкѣ* 15, *вмѣсто:* и въ которой, *поправить должно:* и въ которыхъ; *въ Нум.* 18 *на ст.* 99 *въ ст.* 20, *вм.* Скаинавіи, *полр. дол.* Скандинавіи; *тамъ же на стр.* 129 *въ ст.* 18, *вм.* книги повѣсти Валеріи *полр. дол.* повѣсти о Валеріи; *въ нѣкоторыхъ экземплярахъ* 19 *Нумера на стр.* 215 *въ ст.* 15 *вм.* представить, *полр. дол.* предоставить; *въ Нум.* 20 *на стр.* 259 *въ ст.* 25, *вм.* заманчивымъ, *полр. дол.* заманчивою; *въ Нум.* 22 *на стр.* 139 *въ ст.* 12 *вм.* мы, по долгу Россіянина, почитаемъ, *полр. дол.* по долгу Россіянина почитаю; *тамъ же на стр.* 157 *въ ст.* 25, *вм.* очыхъ, *полр дол.* онаго; въ *Нум.* 23 *на стр.* 184 *въ ст.* 4, *вм.* содержитъ, *полр. дол.* содержать; *тамъ же на стр.* 234 *въ ст.* 21, *вм.* случаѣ что они, *полр. дол.* случаѣ они. Прочія такого же рода погрѣшности, ежели онѣ найдутся, да благоволятъ исправить сами читатели.



Египетская мебель.

РѢЧЬ,

читанная на Французскомъ языкѣ въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ испытателей природы Профессоромъ Астрономіи Ф. Голдбахомъ, 15 Ноября 1807.

Комета нынѣ видимая не только заняла собою ученыхъ мужей, но даже возбудила любопытство всей публики.

Разсуждая о той степени образованности, до которой мы достигли, надѣяться можно было, что всякой феноменъ въ ученомъ свѣтѣ непремѣнно обратитъ на себя вниманіе публики или просвѣщенной, или по крайней мѣрѣ желающей обогатиться познаніями.

Другой феноменъ, Венера, достигшая до послѣдней степени своего блеска, и видимая днемъ, произвела во всѣхъ удивленіе. Хотя сей феноменъ бываетъ въ каждые 8 лѣтъ по одному разу; однакожь въ прошломъ столѣтіи (1716 году) Лондонскіе жители почли его за чудо, и между тѣмъ какъ толпа народная предавалась унынію, великій Галлей, размышляя о свойствѣ сего фе-

номена, успѣлъ подвести его подъ законы вычисленія, и быстрымъ дѣйствіемъ глубокомысленной своей Геометріи предсказать оной, равно какъ предсказываютъ затмѣніе солнца.

Съ другой стороны если разсмотрѣть, что лишь только появилась комета сія, какъ вдругъ измѣрили путь ея; то кто въ семъ не видитъ превосходства нашихъ астрономическихъ познаній, и кому непріятно слышать о такихъ дѣлахъ, кои сами по себѣ столь важны и величественны, и которыя въ изслѣдованіяхъ человѣка показываютъ силу ума на такой высотѣ, на какой мы не видимъ его ни въ какой другой части наукъ?

Столь просвѣщенное Собраніе, передъ которымъ говорить честь имѣю, для великихъ явленій звѣзднаго неба можетъ быть потребовало бы краснорѣчивѣйшаго истолкователя; но я надѣюсь, что возбуждаемое оными любопытство и снисхожденіе моихъ слушателей будутъ за меня ходатайствовать.

Изъ всѣхъ планетъ Венера наиболѣе перемѣняется въ величинѣ діаметра, нами видимаго.

Изображеніе нашей солнечной системы, которое имѣю честь вамъ, М. Г. представить,

покажетъ, что разстояніе, на которомъ видимъ измѣненія Венеры, содержится отъ 1 къ 5 или 6; а какъ всякая величина измѣняется по мѣрѣ разстояній, то должно думать также, что и видимая величина діаметра Венеры измѣняется по сей же пропорціи.

Въ Математикѣ есть много такихъ дѣйствій, которыя картиною или рисункомъ гораздо лучше объясняются, нежели выкладками и числами; но какъ выкладки и числа должны быть сдѣланы прежде начертанія; потому и представилъ я всѣ измѣненія діаметра Венеры, которыя имѣю честь поднести Обществу.

Нетрудно примѣтить, что когда величина освѣщенной части, разсматриваемой какъ поверхность, при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ соединяется съ нашею возможностію хорошо различить ее; тогда планета можетъ быть днемъ видима.

Сіе-то соединеніе двухъ обстоятельствъ равно благопріятныхъ даетъ намъ разумѣть, почему Венера, которая только въ 227 дней совершаетъ кругообращеніе свое около солнца, не иначе какъ черезъ 8 лѣтъ находится въ такихъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, чтобъ быть видимою съ

земнаго шара, между тѣмъ какъ она въ каждые 227 дней приближается къ землѣ столько, что могла бы являться въ величинѣ, измѣняющейся между 63,3 сек. крайней степени видимой величины своей и 53 сек. величины почти равной второму измѣненїю въ прилагаемой при семъ картинѣ.

Чтобы самымъ выгоднѣйшимъ образомъ быть видимою съ Земли, непремѣнно надобно, чтобъ Венера не была довольно отдалена отъ Солнца, и не скрывалась бы въ лучахъ его. Галлей, которой по проницательности своей увидѣлъ, что сїе обстоятельство было необходимо нужное, дѣйствительно нашелъ, что сїе удаленїе вразсужденїи среднихъ разстоянїй Земли и Венеры отъ Солнца есть 39° 43′; къ сейто самой точкѣ Венера наиболѣе приближилась 6 Ноября 1807 года, и по моему вычисленїю имѣла 39° 33′.

Многократно замѣчено, что въ наукахъ все соединено между собою, и что каждой случай, каждое открытїе приводили насъ къ другимъ случаямъ и открытїямъ, или по крайней мѣрѣ приведутъ къ онымъ въ послѣдствїи времени.

Явленїе Венеры, видимой днемъ, нынѣ есть не что иное, какъ предметъ любопыт-

ства; но кто бы повѣрилъ, что сїе самое явленїе было основанїемъ одного изъ прекраснѣйшихъ предприятїй новѣйщей Астрономїи?

Извѣстно, что превосходство нашихъ астрономическихъ наблюденїй началось со временъ Тихо Браге; но для достиженїя до сей точности, которою отличаются его наблюденїя, надлежало ему искать на небѣ опредѣленїя времени точнаго и непремѣннаго, то есть надлежало составить каталогъ звѣздъ неподвижныхъ, и для нѣкоторыхъ звѣздъ сего каталога ему нужно было сравненїе мѣстъ ихъ съ мѣстомъ Солнца. Сего сравненїя не льзя было сдѣлать безъ посредства: ибо когда Солнце находится надъ горизонтомъ, тогда неподвижныя звѣзды бываютъ невидимы. По долголѣтныхъ изслѣдованїяхъ способъ посредняго сравненїя онъ нашелъ въ Венерѣ, днемъ видимой (*).

Ежели Венера возбудила въ Публикѣ любопытство, то комета еще болѣе, и Общество дозволитъ мнѣ предложить ему нѣкоторыя идеи, а не вычисленїя, которымъ приличнѣе занимать мѣсто въ Запискахъ Общества, нежели въ произносимой рѣчи.

(*) Tycho dans la Préface de ses Progymnasmata et Gassendus in vita Tychonis Brahei Lib. III. Ad annum. 1586.

Для удовлетворенія любопытства будетъ вырѣзана доска, на которой изобразится путь, совершаемый кометою до нынѣ. Я нарисовалъ карту, при семъ представляемую Обществу. Въ Запискахъ Общества можно будетъ видѣть, по какимъ правиламъ я составилъ оную; равнымъ образомъ и то, что я не пощадилъ ни трудовъ, ни попеченій, дабы сдѣлать ее точною по возможности.

Но какъ кометы представляютъ виды болѣе возвышенные, нежели повѣствованіе о теченіи ихъ между звѣздами; то Обществу вѣроятно будетъ пріятнѣе мое разсужденіе объ оныхъ.

Въ семъ-то намѣреніи я начерталъ на доскѣ, имѣющей 5 футовъ длины и $4\frac{1}{2}$ ширины, часть солнечной нашей системы съ нынѣшнею кометою и нѣкоторыми подробностями, кои постараюсь изъяснить по окончаніи сего слова.

Удивляться надобно, что путь кометы измѣренъ въ то самое время, когда начала она появляться; но теперь наука доведена уже до того совершенства, что знаменитый виновникъ измѣренія сего пути, Г. Буркгардтъ, смѣло могъ рѣшиться сдѣлать его, и представить собранію ученѣйшихъ Астрономовъ.

Случай сей оправдаетъ меня, для чего я назначилъ путь во всемъ сходно съ его опредѣленіями; ибо не льзя было сдѣлать этого, основываясь на наблюденіяхъ, которыхъ дошло къ намъ еще весьма не много. Я долженъ былъ указать на сей случай; иначе могли бы подумать, что дружба моя къ сему знаменитому мужу, которому я обязанъ почти всѣми своими знаніями въ Астрономіи, поселила во мнѣ какой-либо предразсудокъ въ его пользу.

Но остановимся на минуту, и посмотримъ, что человѣкъ могъ сдѣлать съ помощію орудій, которыя догадливость его изобрѣла и довела до совершенства, и съ помощію науки самой вѣрнѣйшей изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ. Выбъ ограниченъ на маломъ уголку сея земли, которая, какъ мы всѣ знаемъ, есть не иное что, какъ одна капля воды въ океанѣ міровъ, онъ дерзнулъ съ малаго пространства сего измѣрять небо, и сходить въ сію бездну вселенныя. Еще болѣе удивительнымъ покажется, когда разсмотримъ, какіе были успѣхи его въ сей наукѣ о безконечности, ежели только дозволено мнѣ будетъ такъ изъясниться.

Земля, по причинѣ своей величины, не дозволяетъ намъ видѣть ея круглую фигуру. Слѣдственно человѣкъ, начинающій раз-

мышлять, долженъ былъ заключить, что земля есть неизмѣримая равнина, по видимому ограниченная моремъ, въ которое погружаются ежедневно солнце и звѣзды.

Не много спустя одинъ Геометръ (Фалесъ) глубокими умствованіями своими находитъ, что земля есть шаръ. Одинъ изъ послѣдователей его отваживается измѣрять шаръ сей; другой (Гиппократъ) съ помощію величины сего шара мѣряетъ разстояніе между имъ и Луною, и на удачу опредѣляетъ разстояніе солнца.

Послѣ семи вѣковъ невѣжества Коперникъ, первой философъ, показавшій намъ систему міра, дерзнулъ отодвинуть предѣлы вселенныя, отдаливъ неподвижныя звѣзды на такое разстояніе, что протяженіе 2 милліоновъ миль Географическихъ (таковъ по его мнѣнію поперечникъ пути Земнаго шара) ничего не значитъ передъ дальностію звѣздъ неподвижныхъ.

Наблюденія сдѣлались еще точнѣе, когда орудія доведены до совершенства несравненно высшаго, нежели въ какомъ древность намъ ихъ оставила, и пять лѣтъ безпрерывнаго прилѣжанія; употребленнаго безсмертнымъ Брадлеемъ, которой примѣтилъ уклоненіе и движеніе звѣздъ неподвижныхъ, по-

казали ученому свѣту, что путь кругообращенія, уже не 2, какъ полагалъ Коперникъ, но по новѣйшимъ опредѣленіямъ 42 милліона миль въ себѣ содержащій, ничего незначитъ въ сравненіи съ разстояніемъ звѣздъ неподвижныхъ. Хотя Піацци назначаетъ тѣснѣйшіе предѣлы для сего разстоянія; однакожь по новѣйшимъ наблюденіямъ своимъ онъ полагаетъ, что для быстроты звука потребно не менѣе 1,500,000 лѣтъ, чтобы пробѣжать оное.

Сіе неизмѣримое пространство не ужели пусто? Кто подумаетъ это, видя, что вся земля, сколько намъ извѣстно, наполнена живыми существами, и что нѣтъ ни одной капли воды, которая при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ не могла бы сдѣлаться міромъ для безконечнаго множества малыхъ насѣкомыхъ, усматриваемыхъ не иначе, какъ съ помощію микроскопа?

Между тѣмъ какъ сіе орудіе показываетъ намъ такое множество живыхъ существъ, что мы едва вѣримъ своимъ чувствамъ, а съ другой стороны телескопы открываютъ явные признаки, что сіе изобиліе бытія и жизни равно господствуетъ на небѣ, какъ и на землѣ: то можемъ ли думать, чтобы сіе пространство отъ планетъ

до неподвижныхъ звѣздъ было совершенно пусто?

Славный Ламберъ прежде всѣхъ озарилъ мглу невѣдѣнія нашего въ сей матеріи. По теоріи и методѣ Нютона, Галлей вычислилъ пути 24 кометъ. До тѣхъ поръ болѣе не имѣли ихъ, когда Ламберъ предпринялъ разсматривать сіи пути по общимъ отношеніямъ. Быстрый умъ его разсматривая сіе задачу съ разныхъ сторонъ, нашелъ, что все показывало одинакое расположеніе кометъ въ нашей солнечной системѣ.

Если должно допустить сіе правило, то какое число кометъ можно принять за вѣроятнѣйшее? 4000. Это покажется чрезмѣрнымъ; но если разсудить, что сей законъ одинакаго расположенія до нынѣ подтверждается, что намъ извѣстны пути 105 кометъ, и что каждой годъ открываются новыя съ помощію орудій, — ежели разсудить, что съ 1758 года только начали, по примѣру г-на Массье, употреблять зрительныя стекла для отысканія кометъ невидимыхъ простому глазу, и что одинъ сей астрономъ открылъ ихъ 30: то кому покажется слишкомъ великимъ число *четырехъ-тысячное*?

Нигдѣ нѣтъ, Мм. Гг., столько смѣлыхъ предсказаній, которыя дерзнулъ произнести геній, и которыя время подтвердило, какъ въ исторіи Астрономіи. Онѣ всегда были дѣломъ генія; однакожь геній не могъ бы вознестись такъ высоко, еслибъ не былъ вспомоществуемъ Геометріею и Анализомъ.

Ни время, ни мѣсто здѣсь не дозволяютъ еще бросить нѣсколько взглядовъ на вселенную, которая и такъ уже намъ кажется огромною и величественною; отважимся предложить нѣкоторыя общія мнѣнія о пространствѣ зѣздной сферы.

Какъ изумились бы мы, еслибъ увидѣли, что не только наша солнечная система, но всѣ зѣзды, которыя видимъ, и изъ коихъ самая ближайшая отстоитъ столь далеко, есть, можетъ быть, не что иное, какъ одна изъ малѣйшихъ частей вселенныя!

Въ самомъ дѣлѣ Астрономія знаетъ уже болѣе 2000 звѣздъ туманныхъ, или собраній звѣздъ, которыя глазу, смотрящему въ самой большой телескопъ, представляются въ видѣ слабаго свѣта, какимъ простому глазу представляется путь млечный. Слѣдственно и наша солнечная система можетъ казаться туманною звѣздою наблюдателю, которой

смотритъ со звѣзды, непринадлежащей къ нашей системѣ. По истинѣ умъ теряется, размышляя о сей обширности, въ которой пространство, почитаемое нами безконечнымъ, исчезаетъ въ другомъ безконечномъ въ отношенїи къ первому; онъ ужасается, и находитъ отдохновенїе только въ сей мысли, что мудрость и промыслъ Вѣчнаго управляютъ всѣмъ, и что Его мощная десница держитъ бразды вселенныя.

При семъ приложена карта теченїя кометы.